

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

Том XXXVI
(№ 1–2)

Основан в 1947 году

Москва
ИВ РАН

2021

ISSN 0131-1344

Периодическое издание

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

А. Аванцини	М. А. Лебедев
А. К. Аликберов	М. А. Мусаев
Ч. Алийлмаз	В. Н. Настич
А. С. Балахванцев	Н. Небес
Г. Бауэрсок	С. Ратх
В. Я. Белокреницкий	К. Ж. Робин
М. Д. Бухарин	А. В. Седов
А. Д. Васильев	А. А. Столяров (<i>зам. главного редактора</i>)
Д. Даялан	Я. Хубен
Д. В. Дубровская	В. В. Тишин
Э. Е. Кормышева	Р. Фуруи
А. В. Коротаев	

Редакция

А. Ю. Волович (*ответственный секретарь*)
К. Д. Чиркова (*научный редактор*)
А. С. Якшибаев (*научный редактор*)

E-mail: oriental.epigraphy@mail.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 115

Макет и верстка — А. Ю. Волович

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

Vol. XXXVI
(№ 1–2)

ᲞᲗ ᲞᲗ ᲞᲗ ᲞᲗ

Founded in 1947

Moscow
IOS RAS

2021

Peer-reviewed academic journal

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 0131-1344

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

Alikber K. Alikberov	Andrei V. Korotaev
Alessandra Avanzini	Maksim A. Lebedev
Chingiz Alyilmaz	Makhach A. Musaev
Archil S. Balakhvantsev	Vladimir N. Nastich
Vyacheslav Y. Belokrenitsky	Norbert Nebes
Glen W. Bowersock	Saraju Rath
Mikhail D. Bukharin	Christian J. Robin
Duraiswamy Dayalan	Alexander V. Sedov
Dinara V. Dubrovskaya	Alexander A. Stolyarov
Ryosuke Furui	<i>(deputy Editor-in-Chief)</i>
Jan E. M. Houben	Vladimir V. Tishin
Eleonora E. Kormysheva	Alexander D. Vasilyev

Editorial Group:

Anna Yu. Volovitch *(Executive Editor)*
Christina D. Chirkova *(Academic Editor)*
Azamat S. Yakshibaev *(Academic Editor)*

Эпиграфика Востока. Том 36, № 1–2. — М.: ИВ РАН, 2021. — 128 с.

ISSN 0131-1344

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: oriental.epigraphy@mail.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 115

От редакции

=====

DOI: 10.31696/0131-1344-2021-1-2-7-20

75 ЛЕТ ЖУРНАЛА «ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА»

(С 1947 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

© 2021

Д. Д. Васильев¹, А. А. Столяров²*Аннотация*

В материале прослеживается история созданного в 1947 г. журнала «Эпиграфика Востока»; авторы насчитывают три условных периода развития издания. Первый период продолжался 25 лет – с 1947 по 1972 г., в течение которых был опубликован 21 выпуск журнала. Инициатива создания издания принадлежала сотрудникам Сектора Средней Азии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры им. академика Н. Я. Марра Академии наук СССР. Бессменным главным редактором всех опубликованных за это время томов стала Вера Александровна Крачковская. Этот период можно условно назвать «ленинградским». Второй период продолжался пять лет – с 1984 по 1988 г. За это время были опубликованы три выпуска: с XXII по XXIV; их главным редактором выступил академик Б. Б. Пиотровский. Этот период можно условно назвать «ленинградско-московским». Третий период, начавшийся в 1998 г., продолжается до настоящего времени. С 1998 до 2020 гг. опубликовано 11 томов «Эпиграфики Востока». Все выпуски осуществлялись под руководством заведующего Отделом истории Востока Института востоковедения РАН Д. Д. Васильева. Этот период можно условно назвать «московским».

Ключевые слова: эпиграфика, журнал «Эпиграфика Востока» В. А. Крачковская, Б. Б. Пиотровский, Д. Д. Васильев

¹ Васильев, Дмитрий Дмитриевич (1946–2021) – профессор, руководитель Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, к.и.н., вице-президент Общества востоковедов РАН, член-корреспондент РАН.

Vasilyev, Dmitry D. (1946–2021) – professor, Head of the Department of Orient History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, Vice-President of the Society of Orientalists of the Russian Academy of Sciences (RAS), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS).

² Александр Александрович Столяров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; astol007@gattamelata.com, ORCID ID: 0000-0001-9790-0256.

Alexander A. Stolyarov – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; astol007@gattamelata.com.

Для цитирования: Васильев Д. Д., Столяров А. А. 75 лет журнала «Эпиграфика Востока» (с 1947 г. по настоящее время). *Эпиграфика Востока*. Т. 36. №. 1–2. 2021. С. 7–20. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-7-20

“ORIENTAL EPIGRAPHY” ACADEMIC JOURNAL’S 75th ANNIVERSARY (From 1947 till Now)

Dmitry D. Vasilyev, Alexander A. Stolyarov

Abstract

The paper looks into three rather distinctive periods in the history of the “Oriental Epigraphy” journal launched in 1947. The first period lasted for 25 years — from 1947 till 1972. During this time, 21 volumes were published. It was the staff of the Central Asia Sector of the Leningrad branch of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences named after academician N. Ya. Marr, who started the edition. Prof. Vera Aleksandrovna Krachkovskaya was the permanent editor-in-chief of all volumes published during this time. This period can be conditionally called “The Leningrad Period”. The second period lasted for five years — from 1984 till 1988. During this time, three volumes were published: From XXII to XXIV. Their chief editor was Academician of the Russian Academy of Sciences Boris B. Piotrovsky. This time can be respectively called “The Leningrad-Moscow Period”. The third period, which began in 1998, lasts till the present day. 11 volumes of “Oriental Epigraphy” were published from 1998 till 2020. All 11 volumes were carried out under the guidance of Dmitry D. Vasilyev the Head of the Department of the History of Orient of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. This period can be respectively called “The Moscow Period”.

Keywords: epigraphy, “Oriental Epigraphy” journal, Vera A. Krachkovskaya, Boris B. Piotrovsky, Dmitry D. Vasilyev.

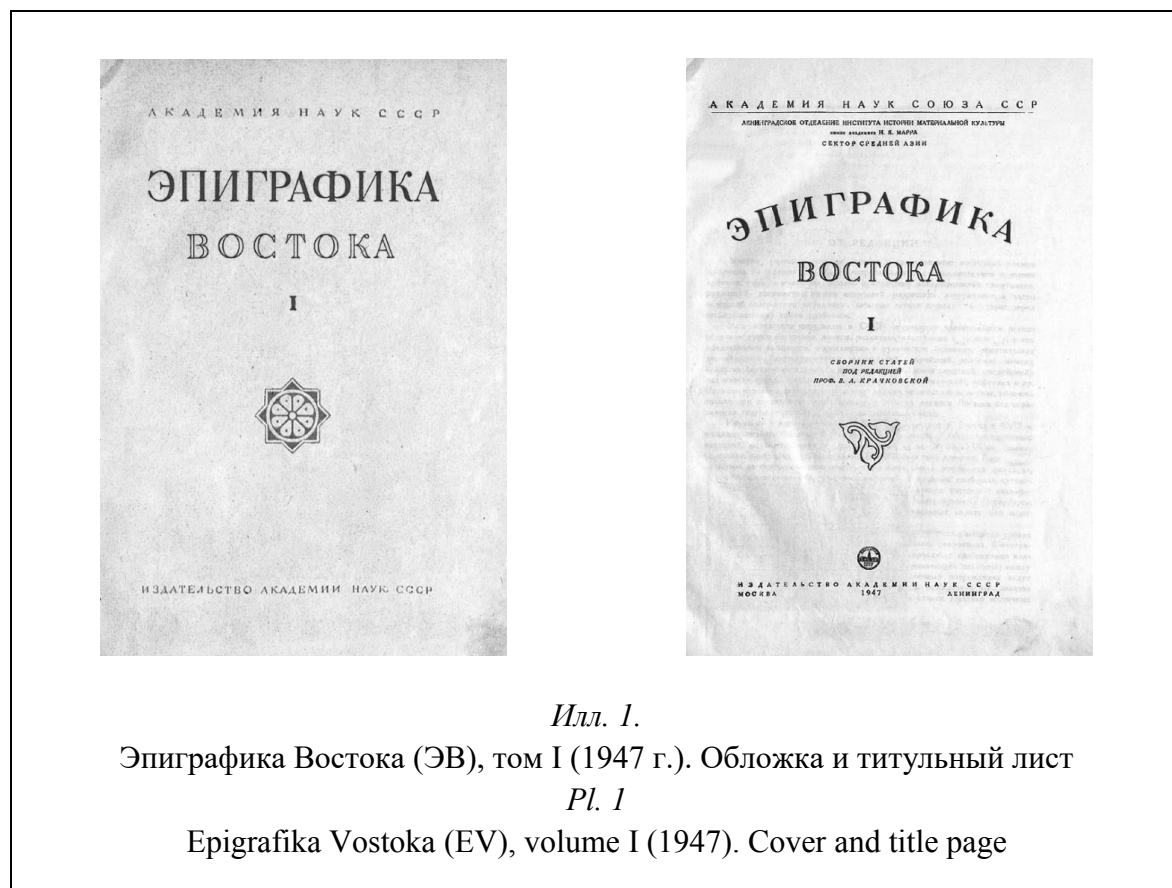
For citation: Vasilyev Dmitry D., Stolyarov A. A. “Oriental Epigraphy” Academic Journal’s 75th Anniversary (From 1947 till Now). *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2, 2021. С. 7–21. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-7-20.

Создание журнала

Первый период (выпуски I–XXI): В. А. Крачковская

Три четверти века назад в Секторе Средней Азии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры имени академика Н. Я. Марра Академии наук СССР был подготовлен первый выпуск периодического научного издания *Эпиграфика Востока*, посвященного одному из традиционных направлений отечественного востоковедения, фундамент которого составляли труды, связанные с изучением письменных источников на живых и мертвых языках народов Востока.

Инициатива издания сборника принадлежала руководителю Сектора Средней Азии Александру Юрьевичу Якубовскому (1886–1953), члену-корреспонденту АН СССР, действительному члену АН ТаджССР, одному из авторов первого издания *Энциклопедии ислама* (Leiden, 1913–1938).

Илл. 1.

Эпиграфика Востока (ЭВ), том I (1947 г.). Обложка и титульный лист

Pl. 1

Epigrafika Vostoka (EV), volume I (1947). Cover and title page

В редакционной статье, предварявшей первый выпуск *Эпиграфики Востока* (ЭВ), были обозначены цели издателей:

1. Критическое издание и переиздание надписей на восточных языках, без различия материала (имелся в виду материал, на который нанесена надпись: камень, металл, керамика и т. п.)
2. Краткие сообщения о находках памятников восточной письменности и о новых эпиграфических материалах
3. Библиографические заметки, посвященные литературе по эпиграфике и восточной письменности
4. Систематический пересмотр наследия, оставленного предшествующими поколениями в архивных фондах, фототеках.

Открывался выпуск I *Эпиграфики Востока* статьей М. М. Дьяконова «Об одной ранней арабской надписи», вводящей в научный оборот уникальную надпись на бронзовом кувшине омейядского времени (69/688–689 г.); за ней следовала статья В. А. Крачковской «Надпись бронзового таза Бадр ад-дина Лулу», далее помещалась статья А. Ю. Якубовского «Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде».

Илл. 2.

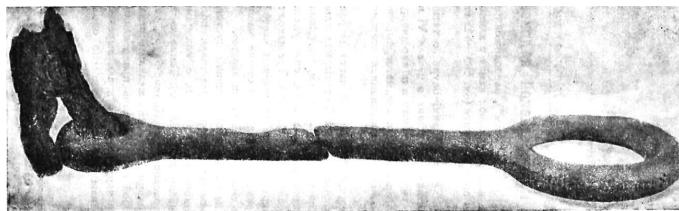
Надпись венчика бронзового кувшина 69/688–689 г.
(Рис. 3 к статье М. М. Дьяконова «Об одной ранней арабской надписи».

ЭВ. 1947. № I. С. 7)

Pl. 2.

Inscription on the rim of bronze ewer dated 69 AH/688–689 AD.
(Fig. 3. Mikhail M. Dyakonov's paper 'On an Early Arabic Inscription'.

EV. 1947. №. 1. P. 7)

Илл. 3

Часть бронзового запора с урартской клинописью
из раскопок Кармир-блур 1946 г.

(Рис. 1 из статьи Б. Б. Пиотровского
«Город Тейшебаини» в урартской клинообразной надписи».

ЭВ. 1948. № II. С. 84)

Pl. 3

Fragment of bronze latch with Uartian cuneiform inscription
from the excavations at Karmir Blur (1946).

(Fig. 1 Boris B. Piotrovsky's paper
«The City of Teishebaini» in the Uartian Cuneiform Inscription'.

EV. 1948. № 2. P. 84)

С самого начала в *Эпиграфике Востока* стали публиковаться статьи академика АН СССР И. Ю. Крачковского, академика ГрузССР, будущего академика АН СССР Г. В. Церетели, члена-корреспондента АрмССР, будущего академика АН СССР Б. Б. Пиотровского, членов-корреспондентов АН СССР А. Ю. Якубовского и С. Е. Малова, академика ТуркмССР М. Е. Массона, профессоров А. Н. Бернштама, М. М. и И. М. Дьяконовых. Старший из братьев Дьяконовых, Михаил Михайлович, был археологом, иранистом, а младший, Игорь Михайлович — не только знатоком истории стран Востока, но и крупным лингвистом, специалистом по шумерскому языку, сравнительно-исторической грамматике афразийских языков, древним письменностям, а также переводчиком «Эпоса о Гильгамеше». Помимо них, в издании принимали участие многие другие выдающиеся востоковеды — лингвисты, историки и археологи, работники Института истории материальной культуры имени академика Н. Я. Марра (с 1959 г. — Института археологии АН СССР), Государственного Эрмитажа, Ленинградского Государственного университета, научных учреждений среднеазиатских и закавказских республик.

Статьи в журнале печатались на достаточно высоком полиграфическом уровне и были снабжены качественными иллюстрациями.

Почти в каждом выпуске появлялись статьи проф. Веры Александровны Крачковской (1884–1974), авторитетного исследователя арабской эпиграфики Средней Азии, супруги, коллеги и помощника академика АН СССР Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951). Она стала бессменным редактором и составителем всех выпусков *Эпиграфики Востока* с первого по двадцать первый.

Илл. 4

Игнатий Юлианович Крачковский
[<https://www.pravenc.ru/data/2019/08/11/1236500888/i400.jpg>]

Илл. 5

Вера Александровна Крачковская
[<https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2370-krackovskaa-fedorova-vera-aleksandrovna.html>]

С течением времени, наряду с арабописьменными материалами из Средней Азии, Поволжья и Закавказья, в сборниках *ЭВ* стали публиковаться древнеегипетские, иранские, сирийские, тюркские рунические, болгарские, уйгурские и дальневосточные памятники эпиграфики, работы по истории и теории письма, палеографии, дипломатике, нумизматике и сфрагистике; в них также регулярно помещались персоналии, хроника и библиография.

Научная ценность публикуемых материалов

Все без исключения выпуски *Эпиграфики Востока* отличались высоким научным уровнем, благодаря чему большинство публикаций до настоящего времени сохранили всю ценность впервые опубликованного, прочитанного, переведенного и прокомментированного источника.

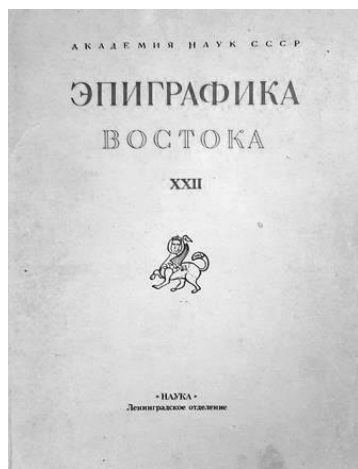
За 25 лет (1947–1972) под редакцией В. А. Крачковской вышел из печати 21 выпуск *Эпиграфики Востока*, после чего в издании наступил 12-летний перерыв, вызванный кончиной Веры Александровны в 1974 г. Именно в этот период особенно остро стала ощущаться необходимость специализированного востоковедческого издания, в котором продолжали бы публиковаться монументальные надписи, наскальная и эпитафийная эпиграфика, монетные клады, а также новые исследования, базирующиеся на изучении подобных источников.

Доклады о результатах изучения эпиграфических материалов звучали на «Бартольдовских чтениях» (БЧ) — тематических конференциях, проводимых в Москве Институтом востоковедения АН СССР начиная с 1974 г., где в течение ряда лет собирались источниковеды, нумизматы и эпиграфисты для обсуждения конкретных проблем и выработки исследовательской методики. Со временем в тематике чтений произошел ряд изменений: классическое восточное источниковедение уже не доминировало в докладах участников, а предметный фокус БЧ сместился с эпиграфики древнего Востока на более «свежие» находки.

Второй период (выпуски XXII–XXIV)

Ревитализация журнала: Б. Б. Пиотровский и Д. Д. Васильев

В 1984 г. издание сборников *Эпиграфики Востока* было возобновлено группой ведущих востоковедов Москвы и Ленинграда во главе с академиком АН СССР Б. Б. Пиотровским. Спустя год в состав новой редколлегии в качестве ответственного секретаря вошел Дмитрий Дмитриевич Васильев — сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения АН СССР. За пять лет с 1984 по 1988 г. вышло три сборника *ЭВ* (выпуски XXII–XXIV).

Илл. 5

Обложка тома XXII возрожденной
Эпиграфики Востока. Т. 22

Pl. 5

Cover page of the revitalized *Epigraphica Vostoka*, volume 22 (1984)

Илл. 6

Оазис Лондон-2

(Илл. 2 к статье К. А. Китчена «Три небольшие предмета из древней Южной Аравии», *ЭВ*. 2001. Т. 26. С. 32)

Pl. 6

Oasis London-2

(Fig. 2. Kenneth A. Kitchen's paper 'Three Small Artifacts from Ancient South Arabia', *EV*. 2001. Vol. 26. P. 32)

Несмотря на непродолжительный период существования возобновленного журнала, редколлегия накопила ценный опыт сотрудничества востоковедов-эпиграфистов Москвы и Ленинграда. После десятилетнего перерыва эстафету издания *Эпиграфики Востока* подхватил созданный в Отделе истории Востока ИВ РАН, продолживший традиции отечественного источниковедения и сохранивший в научно-исследовательских планах публикацию и историко-филологическое изучение эпиграфических памятников на восточных языках. С этой целью с 1998 г. было в очередной раз возобновлено издание *ЭВ*.

Продолжая творческий замысел издателей первоначальных выпусков *Эпиграфики Востока*, сотрудники Отдела истории Востока ИВ РАН считают, что понятие восточной эпиграфики охватывает все письменные памятники Азии и Северной Африки, изготовленные на «нерукописных» материалах — как древние и средневековые, так и относящиеся к новому и новейшему времени вплоть до наших дней. Надписи на каменных сооружениях, поверхностях скал, архитектурных объектах, глиняных табличках, монетах, изделиях из металла, дерева, кости, фарфора, керамики и другие, близкие функционально или типологически, являются для восточных цивилизаций особым фондом культурного наследия. Нанесенные на более долговечную основу, чем папирус или бумага, надписи призваны сохранить

наиболее важные сведения и факты из истории государств и личностей в памяти современников и донести эти сведения до потомков. Для многих народов и стран Востока памятники эпиграфики являются практически единственными сохранившимися письменными свидетельствами, по которым могут быть воссозданы течение, взаимосвязь и даты исторических событий, уточнены территории расселения народов, имена правителей, языки и письменности. Несмотря на краткость текстов многих эпиграфических памятников, они всегда были и остаются важными историческими источниками, несущими, иной раз по крупицам, ценнейшую и уникальную информацию, которая смогла сохраниться только благодаря монументальному, гравированному или чеканному исполнению.

Третий период. Современное состояние

За 22 года, с 1998 по 2020 г., опубликовано 11 томов *Эпиграфики Востока* (выпуски XXV–XXXV). Все эти годы ответственным редактором *de facto* оставался руководитель Отдела истории Востока ИВ РАН Дмитрий Дмитриевич Васильев.

Среди авторов *Эпиграфики Востока* присутствуют как сотрудники ИВ РАН, так и их коллеги не только из востоковедческих центров России, но и из государств ближнего и дальнего зарубежья, а также независимые исследователи. В частности, 6 из 14 статей в возобновленном выпуске XXV *Эпиграфики Востока* написаны авторами из Института стран Азии и Африки МГУ (А. А. Вигасин), Государственного Эрмитажа (А. Я. Каковкин), Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН (А. Г. Лундин, С. А. Французов, И. Ш. Шифман), Новосибирского государственного педагогического университета (А. В. Эдаков).

Илл. 7

Дмитрий Дмитриевич Васильев (1946 –2021)

Pl. 7

Dimitry D. Vasiliev (1946 –2021)

В 1998 и 2001 гг. вышли в свет XXV и XXVI выпуски, а с XXVII выпуска (2008 г.) издание стало выходить регулярно. Начиная с 2013 г. (выпуск XXX), ежегодник стал издаваться в твердом переплете; к следующему выпуску, вышедшему в 2015 г., ему был возвращен международный стандартный серийный номер (ISSN 0131-1344), впервые присвоенный еще в 1947 г. Начиная с выпуска XXXIII (2018 г.), *Эпиграфика Востока* включена в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) — библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых; с этого же времени издание стало ежегодным.

Как и прежде, в *Эпиграфике Востока* продолжают публиковаться факсимильные воспроизведения надписей, реконструкции текстов, переводы и комментарии к ним, а также исторические исследования, проведенные на основе или с привлечением эпиграфических источников. Кроме того, новые технические возможности позволяют дополнить исследование памятников восточной эпиграфики компьютерными методами научной обработки, представить письменные источники массового типа в виде баз данных, что позволяет существенно расширить информационное осмысление текстов.

ORIENTAL EPIGRAPHY ACADEMIC JOURNAL **75th ANNIVERSARY** **(Since 1947)**

First Period

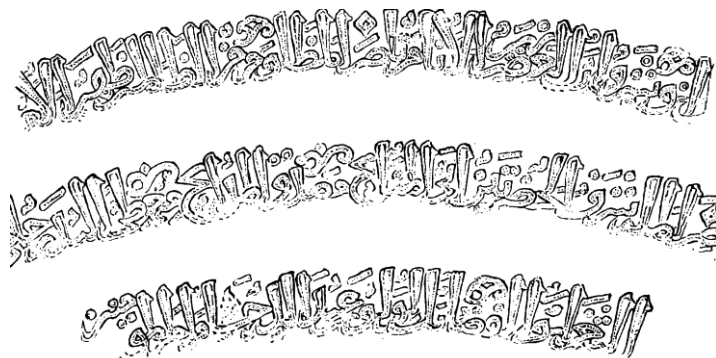
Three quarters of a century ago, Central Asian Department of the Leningrad Branch of the Institute for the History of Material Culture named after Academician Nikolai Ya. Marr, the USSR Academy of Sciences, prepared the first issue of the periodical *Epigrafika Vostoka* (“Epigraphy of the East”, nowadays retitled into “Oriental Epigraphy”). The journal was focused on the traditional directions of Russian Oriental studies, the foundation of which had always been based on the study of written sources composed in the living and dead languages of the peoples of the East. The initiative to launch the edition belonged to the head of Central Asia Department **Alexander Yu. Yakubovsky** (1886–1953), a Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, a Full Member of the Tajik SSR Academy of Sciences, one of the authors of the first Leiden edition of the “Encyclopedia of Islam” (1913–1938).

The editorial leading up to the first issue of Epigraphy of the East outlined the following goals formulated by the publishers:

5. Critical edition and reissue of inscriptions in oriental languages, irrespective of the material to which the inscription was applied: stone, metal, ceramics, etc.
6. Brief reports on the finds of oriental written monuments and new epigraphic materials
7. Bibliographic notes on the publications of epigraphy and oriental writing specimens
8. Systematic revision of the legacy left over from previous generations in archival funds, photo libraries etc.

The first issue of *Epigrafika Vostoka* led with a paper by **Mikhail M. Dyakonov** “On One Early Arabic Inscription” introducing a unique inscription on a bronze jar of the Umayyad time (69 / 688-659), followed by a paper by **Vera A. Krachkovskaya** “A Lettering on the Bronze Washing Basin Belonging to Badr ad-din Lulu”, then there went a

paper by **Alexander Yu. Yakubovsky** “Two Inscriptions on the Northern Mausoleum (1152) in Uzgend”.

Илл. 8

Фрагмент надписи бронзового таза Бадр ад-дина Лулу.
Графическое воспроизведение (Рис. 3 к статье В. А. Крачковской «Надпись
бронзового таза Бадр ад-дина Лулу», ЭВ. 1947. № I. С. 12–13).

Pl. 8

Fragment of an inscription of the bronze washing basin of Badr ad-Din Lu'lu'. Graphic reproduction (Fig. 3. Vera A. Krachkovsky's paper
“A Lettering on the Bronze Washing Basin Belonging to Badr ad-din Lulu”
OE. 1947. No. 1. Pp. 12–13).

From the very beginning, “Epigraphy of the East” published the articles by Academician of the USSR Academy of Sciences **Ignatiy Yulianovich Krachkovsky** (1883–1951), Academician of the Georgian SSR, future academician of the USSR Academy of Sciences **G. V. Tsereteli**, Corresponding Member of the Armenian SSR, future Academician of the USSR Academy of Sciences **Boris B. Piotrovsky**, Corresponding Members of the USSR Academy of Sciences **A. Yu. Yakubovsky** and **S. E. Malov**, Academician of the Turkmen SSR **M. E. Masson**, professors **A. N. Bernshtam**, brothers **Mikhail** and **Igor Dyakonov**. The elder brother, **Mikhail Mikhailovich**, was an archaeologist, Iranian scholar, while the younger, **Igor Mikhailovich**, was not only expert on the history of oriental countries, but also a major linguist, specialist in the Sumerian language, comparative historical grammar of Afrasian languages, ancient scripts, as well as a renowned translator of the “Epic of Gilgamesh”. In addition, many other prominent archaeologists and epigraphists, employees of the Institute for the History of Material Culture named after acad. N. Ya. Marr of the USSR Academy of Sciences, the State Hermitage, Leningrad Branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, institutions of the academies of sciences of the Central Asian and Transcaucasian republics also contributed to the journal.

Илл. 9.

Фрагмент Булгарского памятника 728 г./1327—1328 гг. (Рис. 9 из статьи С. Е. Малова «Булгарская и татарская эпиграфика», ЭВ. 1948. Т. II. С. 48)

Pl.9.

A fragment of Bulgar monument from 728 AH/1327—1328 AD (Fig. 9. Sergei E. Malov's article "Bulgar and Tatar Epigraphy"

EV. 1948. Vol. II. P. 48)

The articles were printed at a high polygraphic level and were provided with excellent illustrations.

Almost in every issue, articles were published by prof. **Vera Aleksandrovna Krachkovskaya** (1884–1974), an authoritative researcher of Arabic epigraphy in Central Asia, wife and assistant of the Academician of the USSR Academy of Sciences **Ignatiy Yu. Krachkovsky**. She became the permanent editor and compiler of twenty-one issues of *Epigrafika Vostoka*, beginning with the first one.

In course of time, in addition to Central Asian and Transcaucasian materials, Persian, Egyptian, runic Türkic, Syrian, Bulgar, Uyghur and Far Eastern epigraphic monuments were added to the issues of the academic journal.

The Academic Value of *Oriental Epigraphy* Publications

All issues of *Oriental Epigraphy* were of high academic level: Most publications therein have till now retained the full value of originally published, read, translated and commented source.

For 25 years (1947–1972), 21 volumes were published under the editorship of Vera A. Krachkovskaya, after which there was a twelve-year break in the publication of *Epigrafika Vostoka* following Vera Alexandrovna's demise in 1974. It was during this period that the need for a specialized orientalist epigraphic journal was acutely felt; unpublished monumental inscriptions, hordes of coins, rock and sepulchral epigraphy needed to be published along with new research based on the study of similar sources.

Talks on the study of some epigraphic materials were presented at the 'Barthold Readings' — thematic conferences on the history of ancient and medieval East, held in Moscow by the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences since 1974, where orientalists-epigraphists gathered regularly during almost two decades to discuss specific problems and develop the methodology of research. Over time, main topics of the

sessions changed, source studies no longer dominated the conference, and the focus of “Barthold Readings” shifted from the epigraphy of ancient East to more recent findings.

Second Period. Revitalising *Epigrafika Vostoka*. Boris B. Piotrovsky and Dmitry D. Vasiliev

Илл. 10.

Дмитрий Дмитриевич Васильев (1946–2021)

Pl.10.

Dimitry D. Vasiliev (1946–2021)

Thus, in 1984 publication of *Epigrafika Vostoka* collections was resumed by the editorial board consisting of orientalists from Moscow and St. Petersburg, headed by Academician of the USSR Academy of Sciences **Boris B. Piotrovsky**. The new editorial board included **Dimitry Dimitrievich Vasiliev** as an executive secretary; at that time, he was working as a research fellow in the Department of Literary Monuments of the Peoples of the East, Institute of Oriental Studies, SAS. Within five years (from 1984 to 1988) three volumes were published (vols. 22–24).

Despite a short period of work, the editorial board accumulated valuable experience of cooperation between orientalists-epigraphists of Moscow and St. Petersburg. After a ten-year interval, the torch of publication *Epigrafika Vostoka* was passed to the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies, RAS, which continued the tradition of Russian Oriental studies and kept in its research plans the historical-philological study and publication of epigraphic monuments in oriental languages. For this purpose, in 1998, the publication of *Epigrafika Vostoka* was resumed.

Илл. 11.

Динар. Герат 435/1043–1044 г. (Рис. 2 к статье Б. Д. Кочнева «Монеты Мусы Йабгу, сына Сельджука», ЭВ. 2001. Т. 26. С. 40)

Pl. 11.

Dinar. Herat 435 AH/1043–1044 AD (Fig. 2. B. D. Kochnev's paper "The Coins of Musa Yabghu, Son of Seljuk", OE. 2001. Vol. 26. P. 40)

Continuing the guidelines of the initial publishers of the journal, the staff of the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies, RAS, believes that the concept of oriental epigraphy includes all non-manuscript written monuments of Asia and North Africa — ancient, medieval, as well as those related to later periods up to the modern times. Inscriptions on stone buildings, rock surfaces, architectural objects, clay tablets, coins, products made of metal, wood, bone, porcelain, ceramics and others, functionally or typologically similar, constitute a special fund of cultural heritage for Eastern civilizations. Written on eternal material, the inscriptions are designed to preserve the most important facts for states and individuals in the memory of contemporaries and convey this information to posterity. Epigraphic sources are the only surviving evidence for many Eastern civilizations, the study of which would help to recreate historical events, their interconnection, dates, areas of peoples' settlements, names of rulers, languages, and scripts. Despite the textual brevity of many epigraphic monuments, they have always been and still remain important historical sources for Oriental studies, carrying, sometimes bit by bit, the most valuable and unique information that could only survive due to the monumental, engraved or embossed execution.

Modern Period

For 22 years, since 1998 till 2020, eleven volumes of *Epigrafika Vostoka* were published (vols. 25–35), and during all these years, head of the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies, RAS, **Dimitry D. Vasiliev** remained in fact an executive editor.

Among the authors of *OE* there are both employees of the Institute of Oriental Studies, RAS, and their colleagues not only from the Orientalist centers of Russia, but also from the countries of the near and far abroad, as well as independent researchers. Of the 14 articles published in the renewed 25th issue of *OV*, six were written by authors from the

Institute of Asian and African Countries, Moscow State University (A. A. Vigasin), the State Hermitage (A. Ya. Kakovkin), St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies, RAS (A. G. Lundin, S. A. Frantsuzov, I. Sh. Shifman), Novosibirsk State Pedagogical University (A. V. Edakov).

In 1998 and 2001 the 25th and 26th issues were published. Starting with the 27th issue printed in 2008, the journal would emerge more regularly. Since 2013 (volume 30), it began to appear bound in hardcover, and starting from the next issue published in 2015, the international standard serial number (ISSN 0131-1344), originally assigned in 1947, was restored. Since 2018, *Epigrafika Vostoka* is included in the Russian Science Citation Index (RSCI) — a bibliographic database of academic publications of Russian scholars; and from that time on it is published annually.

As before, *Epigrafika Vostoka* keeps printing facsimile reproductions of inscriptions, reconstructions of texts, their translations and commentaries, as well as historical research papers based on epigraphic sources. Apart from that, new technical capabilities allow to supplement the study of Oriental epigraphy with computer methods of its processing, to present mass epigraphic sources in the form of databases, which facilitates the significant expansion of textual source study.

АНТИЧНЫЙ МИР И ВОСТОК

ANTIC WORLD AND ORIENT

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-21-24

TOWARDS THE READINGS OF THE INSCRIPTION ZPE-163-00 FROM THE
FARASAN ISLANDS¹

© 2021

Mikhail D. Bukharin²

Abstract

Two Roman inscriptions are known from the Farasan islands. One of them (ZPE-163-298) includes a dedication to a Roman port of the same name. Another one, as presumed in the literature, mentions legio VI Ferrata as stationed on the Farasan islands. Another reading of this inscription is proposed that could contain a reference to the dedication of the *Ferresani portus* as opposed to the reference to the legio VI Ferrata.

Keywords: Latin inscriptions, epigraphy, Roman Empire, South Arabia, Farasan islands

For citation: Bukharin M. D. Towards the Readings of the inscription ZPE-163–00 from the Farasan Islands. *Oriental Epigraphy*. 36. 3–4, 2021. P. 21–24. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-21-24

К ПРОЧТЕНИЯМ НАДПИСИ ZPE-163–00 С ОСТРОВОВ ФАРАСАН³

М. Д. Бухарин

Аннотация

С островов Фарасан известны две латинские надписи. Одна из них (ZPE-163-298) упоминает постройку римского порта с одноименным названием. Другая надпись, как предполагается в исследовательской литературе, упоминает legio VI Ferrata, якобы размещенный на островах Фарасан. В статье предлагается другое прочтение этой надписи, которое могло бы содержать ссылку на порт Фарасан, а не на legio VI Ferrata.

¹ The article was prepared at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS).

² Бухарин Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН; michabucha@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3590-016X

Bukharin Mikhail – Principal Researcher researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, D.hab. (History), Member of the Russian Academy of Sciences; michabucha@gmail.com

³ Статья подготовлена в Институте Всеобщей истории Российской Академии Наук (ИВИ РАН).

Ключевые слова: латинские надписи, эпиграфика, Римская империя, Южная Аравия, острова Фарасан.

Для цитирования: Бухарин М. Д. К прочтениям надписи ZPE-163-00 с Фарасанских островов. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. №. 1–2. 2021. С. 21–24. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-21-24

Classical inscriptions from South Arabia provide a unique set of historical sources. Its uniqueness is explained by several circumstances: the small number of finds and the difficulty of interpretation due to the ambiguity of the archaeological context and poor preservation. These inscriptions, as a rule, are highly fragmented, and consequently, both reading and interpretation are extremely challenging. However, some inscriptions can be dated (with more or less precision) and they are very important for the reconstruction of South Arabian history despite the complexity of dating of South Arabian inscriptions.

Several interesting finds were made on the island of Farasan al-Kabir (Saudi Arabia). One of the inscriptions (ZPE-163-298) has attracted a lot of attention [Bukharin, 2005–2006, p. 135–140; Bukharin, 2009–2010, p. 88–132; Bukharin, 2011–2012, p. 49–73], more owing to the erroneous interpretation by the first publishers of the details of the historical context and abbreviations used in this text, as well as the general desire to substantiate their own research [Villeneuve, 2004, p. 419–429; Villeneuve, Phillips, Facey, 2004a, p. 239–250; Villeneuve, Phillips, Facey, 2004b, p. 143–192]. On the other hand, the historical context of this inscription is reasonably well understood and is associated with the statement of the political influence of Rome in the southern part of the Red Sea in the middle of the 2nd century A.D.

Another inscription (ZPE-163-300) — was found on the Farasan islands. It is fragmented, not dated, and its reading is far from established.

Initially, F. Villeneuve has proposed reading of the preserved part of the inscription as follows:

...*LEGV*[*IFERR*]

[Villeneuve, 2005–2006, p. 290].

For an unclear reason, it was the preserved part of the inscription that was taken in square brackets, while usually the unsaved part is taken in brackets. Accordingly, Villeneuve reads the unsaved part of the inscription as if it were readable.

Then, Villeneuve reads the preserved part of the inscription differently:

.....*FERR*/.....*PRPR*.

Before *FERR*, he reads *I* or *T*, and before these signs – *V* or *N* [Villeneuve, 2007, p. 23]. Thus, this reading is as follows:

V/*NI*/*T FERR*/.....*PRPR*.

M.A. Speidel preferred to read the inscription as:

[---]VI FERR/[---]PR PR

[Speidel, 2007, p. 300; Speidel, 2009, p. 639].

The variants pr(aeside) pr(ovinciae) and pr(aeposito) pr(aetenturae), as proposed by F. Villeneuve for a possible interpretation of PR PR, Speidel dismisses as “implausible”.

Reading this inscription in the Clauss-Slaby database is slightly different from both of these options:

leg(ionis?)] VI Ferra(atae) / [3] pr(o) pr(aetore).

Instead of FERR, the database compilers erroneously read FERRA.

It is not possible to date this inscription accurately, but it is arguably older than ZPE-163-298 [Speidel, 2007, p. 301; Speidel, 2009, p. 640].

In this inscription, one may find an abbreviation PRPR, which, according to Villeneuve, should be understood as *legatus Augusti pro praetore*. According to Villeneuve, based on this inscription, one could say that the Farasan archipelago was included in the province of Arabia or that the garrison stationed on it was subordinate to the prefect of the province of Arabia: “Since the governor of Roman Egypt was not a *legatus Augusti pro praetore* but a *prefectus*, the governor mentioned in this text cannot be governor of Egypt. The other Roman province nearest to Farasān is Arabia, whose governor was a *legatus pro praetore*. Thus, by the time *this* inscription was written, either Farasān was included in *provincia Arabia* or, at least, its garrison was placed under the authority of the governor of *provincia Arabia*” [Villeneuve, 2005–2006, p. 290].

It is important to interpret a reading of the inscription in a way that would be the least problematic. All previous publishers of this inscription argued for the presence of the VI Roman *legio Ferrata* on Farasan. This circumstance *per se* is not implausible. However, the inscription ZPE-163-298 unambiguously testifies to the presence of another legion on the island – *legio II Traiana Fortis*. It is difficult to say with absolute certainty to what extent the presence of the two Roman legions on Farasan is plausible, but it is known that in Galilee the II *legio Traiana Fortis* in the middle of the II century AD was replaced by the VI *legio Ferrata* [Dabrowa, 1993, p. 13].

The initial part of the preserved fragment of the inscription allows one to suggest another reading: instead of the signs V and I, as F. Villeneuve has previously suggested, one can read N and T. These two characters can indicate the ending of the verb forms *fecerunt* or *dedicaverunt*, known from the inscription ZPE-163-298. In this case, it would be logical to assume that FERR does not mean the abbreviation of the name of the legion FERRATA, but the name of the island and port itself, known from the inscription ZPE-163-298: FERR[ESANI]. Accordingly, the preserved fragment of the inscription ZPE-163-300 could be read as follows:

*[dedicaveru]nt Ferr(esani portus) /
[3] pr(o) pr(aetore).*

Reading the final formula should also be established on the basis of a closer study of the original stone or its high-quality photograph.

Список литературы / References

- Bukharin M. D. Romans in the Southern Red Sea. *Arabia*. 2005–2006. 3. Pp. 135–140.
- Bukharin M. D. Roman Penetration into the Southern Red Sea and the Aksumite Campaign in West Arabia: (Reconsideration of the Latin Dedicatory Inscription from the Farasān Archipelago). Pt I. *Journal of Indian Ocean Archaeology*. 2009–2010. 6/7. Pp. 88–132.
- Bukharin M. D. Roman Penetration into the Southern Red Sea and the Aksumite Campaign in West Arabia (Reconsideration of the Latin Dedicatory Inscription from The Farasān Archipelago). Part II. *Journal of Indian Ocean Archaeology*. 2011–2012. 7–8. Pp. 49–73.
- Dabrowa E. *Legio X Fretensis. A Prosopographical Study of its Officers (I–III c. A.D.)* (*Historia Einzelschriften LXVI*). Stuttgart: Steiner, 1993. – 128 p.
- Speidel M. A. Ausserhalb des Reiches? Zu neuen lateinischen Inschriften aus Saudi-Arabien und zur Ausdehnung der römischen Herrschaft am Roten Meer. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2007. 163. S. 296–306.
- Speidel M. A. Ausserhalb des Reiches? Zu neuen römischen Inschriften aus Saudi-Arabien und zur Ausdehnung der römischen Herrschaft am Roten Meer. Speidel M. A. *Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit*. Stuttgart: Steiner, 2009. S. 296–306.
- Villeneuve F. Une inscription latine sur l'archipel Farasān, arabie séoudite, sud de la mer Rouge. *Les Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. 2004. 1. Pp. 419–429.
- Villeneuve F. Réponse aux propositions de Mikhaïl Bukharin – (dans cette même livraison). Farasān Inscription and Bukharin's Ideas: no pontifex Herculis! and Other Comments. *Arabia*. 2005–2006. 3. Pp. 289–296.
- Villeneuve F. L'armée romaine en mer Rouge et autour de la mer Rouge aux IIème et IIIème siècles apr. J. C.: à propos de deux inscriptions latines, decouvertes sur l'archipel Farasan. *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest: Proceedings of a colloquium held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005) (British Archaeological Reports; 1717)* / A. Lewin, P. Pellegrini, Z.T. Fiema, S. Janniard (ed.). Oxford: BAR Publishing, 2007. Pp. 13–27.
- Villeneuve F., Phillips C., Facey W. A Latin inscription from South Arabia. // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2004. 34. Pp. 239–250. (2004a)
- Villeneuve F., Phillips C., Facey W. Une inscription latine de l'archipel Farasān (sud de la mer Rouge) et son contexte archéologique et historique. *Arabia*. 2004. 2. Pp. 143–192. (2004b).

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

=====

ANCIENT EGYPT

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-25-37

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СВЯЗИ БОГИНИ ХЕКЕТ С НЕКОТОРЫМИ
ГОРОДАМИ ЕГИПТА СРЕДНЕГО И НОВОГО ЦАРСТВА

© 2021

А. Ю. Волович¹*Аннотация*

В статье рассматриваются способы, с помощью которых в эпиграфических источниках Среднего и Нового царства передавалась связь богини Хекет с определенными территориями: топонимические эпитеты, а также повествовательное описание, указывающее на связь богини с городом или областью.

Топонимический эпитет «Хекет госпожа Хер-ура» *Hkt nb(t) Hr-wr*, фиксировавшийся у Хекет в Среднем и Новом царстве, отразил ее прямую связь с городом Хер-Ур (*Hr-wr*) и указал, что в эти периоды Хекет воспринималась как богиня-покровительница данной территории.

Связь Хекет с Абидосом (*3bdw*) в Среднем царстве отразилась в форме повествовательного указания на ее присутствие на данной территории вместе с другими божествами. Это позволяет сделать заключение о том, что значение Хекет в верхнеегипетском пантеоне возрастало, но к Среднему царству, по всей видимости, еще не успело отразиться в топонимических эпитетах. В Новом царстве связь Хекет с Абидосом выражается в топонимических эпитетах *Hkt hrj-ib 3bdw* «Хекет, пребывающая в Абидосе», и *Hkt nb(t) 3bdw* «Хекет госпожа Абидоса». Изучение повествовательных описаний, а также эпитетов позволяет сделать вывод о динамике и характере связи богини с этой территорией.

Ключевые слова: Древний Египет, Среднее царство, Новое царство, топонимические эпитеты, богиня Хекет

Для цитирования: А. Ю. Волович. Способы передачи связи богини Хекет с некоторыми городами Египта Среднего и Нового царства. *Эпиграфика Востока*. Т.36. № 1–2. 2021. С. 25–37. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-25-37.

¹ Волович Анна Юрьевна – младший научный сотрудник Отдела культуры и истории Древнего Востока Института востоковедения РАН, anna@volovich.me. ORCID ID: 0000-0001-9219-1884
Volovich, Anna Y. – junior researcher of the Department of Culture and History of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

METHODS OF SHOWING THE CONNECTION OF THE GODDESS HEQET WITH SOME EGYPTIAN TOWNS IN MIDDLE KINGDOM AND NEW KINGDOM

Anna Y. Volovich

Abstract

The article contains some ways to the connection of the goddess Heqet with certain territories in the epigraphic sources of the Middle Kingdom and New Kingdom: toponymical epithets and narrative description, which indicate for her connection with town or district.

Toponymical epithet «Heket mistress of Her-Wr» (*Hkt nb (t) Hr-wr*), fixed by Heket in the Middle and New Kingdoms, shew Heket's immediate connection with the *Hr-wr* town (XVI nome). This epithet indicates that she is designated as the divine patron ruler of this territory.

Heqet's connection with Abydos in Middle Kingdom was fixed as narrative indication of her presence in this territory with other deities of Upper Egypt. This fact speaks us, that Heqet's importance in the Upper Egypt increased, but to the Middle Kingdom, apparently, had not yet had time to be fixed in toponymic epithets.

In the New Kingdom, Heket's connection with Abydos is fixed in the toponymic epithets «Heket, who lives in Abydos», and «Heket the Lady of Abydos». The study of narrative descriptions and these epithets, allows us to say about the dynamics and nature of the connection between the goddess and this land.

Keywords: Ancient Egypt, Middle Kingdom, New Kingdom, toponymical epithets, goddess Heqet

For citation: Anna Y. Volovich. Methods of showing the connection of the goddess Heqet with some Egyptian towns in the Middle Kingdom and New Kingdom. *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2. 2021. P. 25–37. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-25-37.

Предварительное изучение эпиграфических памятников Среднего и Нового царства показало, что многие заупокойные стелы, а также фрагменты надписей из некоторых кенотафов содержат сведения о присутствии культа богини Хекет на определенных территориях. Преследуя цель определить, какими именно способами египтяне указывали на характер связи богини Хекет с теми или иными городами или областями, рассмотрим следующие источники:

Среднее царство:

- фрагмент надписи, расположенный на северной стене главной камеры гробницы номарха XVI нома Бакета III (tomb № 15) (XI династия) [Newberry, p. 46, pl. IV] (илл. 1);
- фрагмент надписи, расположенной под фризом в восточной части северной стены гробницы номарха XVI нома Хети I (tomb № 17) (XI династия) [Kanawati, Evans, p. 28, pl. 36, 98] (илл. 2а и 2б);
- стела надсмотрщика Аменемхета (XII династия) [Simpson, pl. 22] (илл. 3)
- стела хранителя дворца Техайи (XII династия) [James, p. 6] (илл. 4).

Новое царство:

- надпись из заупокойного храма Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, сопровождающая сцену сопровождения царицы Яхмес богом Хнумом и богиней Хекет в комнату родов (XVIII династия) [Naville, p. 16, pl. XLIX] (илл. 5);
- надпись на заупокойной стеле № 34017 верховного жреца в храме Осириса Небуа [Mariette, pl. 1049; Lacaue, p. 36-37, pl. 34017] (илл. 6);
- фрагмент надписи на стеле Пейи, служившего начальником мемфисского гарема и гарема царицы при дворе Рамсеса II (XIX династия) [Kitchen, 210, 8];
- надпись в одной из часовен заупокойного храма Рамсеса II в Абидосе (XIX династия) [Iskander, Goelet, p. 398, pl. 4.10.7, p. 399 pl. 4.10.8, p. 400, pl. 4.10.9.; Ossian, p. 46-49] (илл. 7а и 7б).

Далее все вышеперечисленные источники будут классифицированы в зависимости от того, какой именно способ передачи связи богини Хекет с определенной территорией они фиксируют.

1. Среднее царство

1.1. Топонимические эпитеты богини Хекет

1.1.1. Конструкция *Hk.t* + топоним

Эпитет *Hkt Hr-wr*

Топонимические эпитеты среднего царства свидетельствуют о присутствии культа Хекет в местности Хер-ур (*Hr-wr*), расположенной на территории Среднего Египта в районе XVI нома ().

Эпитет *Hkt Hr-wr*, «Хекет (из) Хер-Ура» впервые фиксируется на фрагменте надписи из гробницы номарха XVI нома Бакета III (tomb № 15), жившего в эпоху XI династии [Newberry, p. 46, pl. IV]:

Htp-dj-nsw Wsr nb Ddw Hnty-imn.ty nb 3bdw kṛst nfrt nt jm³ḥy Hnm nb Hr-wr mry Hkt Hr-wr [...]

Царские подношения Осирису, владыке Бусириса, Хентииментиу, господину Абидоса, (чтобы он дал) хорошее погребение², (тому) кто почитаем Хнумом, господином Хер-ура, и любим Хекет (из) Хер-ура».

² Hannig, II, 2529: *kṛst nfrt* - ein schönes Begräbnis.

Далее, в гробнице сына Бакета, Хети I, который также занимал должность номарха XVI нома (tomb № 17), имеется следующий фрагмент его титулатуры, расположенный под фризом на северной стене [Kanawati, Evans, p. 28, pl. 36, 98]:

[...] *h3tj-^c htmty-bjty smr-w^ctj irj Nh_n hrj-tp Nh_b mrj Hnm Hr-wr hsy Hkt Hr-wrj_t Bkt s3 Hty*

«Номарх, казначей царя Нижнего Египта, друг единственный, предводитель Нехена, начальник Нехеба, любимый Хнумом, господином Хер-ура, покровительствует (ему) Хекет (из) Хер-ура, Бакета сын, Хети».

Т.о, эпитет «Хекет (из) Хер-Ура» фиксируется у Хекет несколько раз. Его структура указывает на то, что богиня происходит из этой местности, что свидетельствует о ее непосредственной связи с Хер-Уром. Кроме того, Хекет, как обладательница такого топонимического эпитета, может позиционироваться как покровительница этого города [Kormysheva, p. 251].

1.2. Описательные формулировки и указания на связь богини Хекет с Абидосом

Обратим внимание на два фрагмента, содержащиеся на стеле надсмотрщика Аменемхета (XII династия) (илл. 3) [Simpson, pl. 22]. В первом фрагменте фиксируется следующее упоминание богин Хекет:

[...] *Htp di nsw Wsr nb ddw Hnty im.tyw³ nb 3bdw Wp-w3w.t hnty 3bdw Hkt hn^c Hnm ntrw nb (w) 3bdw [...]*

[...]Подношения, которые делает царь, Осирис, властелин Бусириса, Хентишменту, владыка Абидоса, Упуаут, который во главе Абидоса⁴, Хекет с Хнумом – все боги Абидоса [...]

Второй фрагмент содержит следующее высказывание:

³ LGG, V, 783.

⁴ Faulkner, 194.

[...] *Hnm Hkt tp* -⁵ *hpr hr h3t⁶ hr mshn.t⁷ nt 3bdw prj m r n R^c* [...]

[...] Хнум (и) Хекет, раньше⁸ (всех) ставшие главными в Абидосе, месте упокоения⁹, вышли (они) из уст Ра¹⁰ [...]

Далее, рассмотрим фрагмент текста со стелы чиновника Техайи [Simpson, pl. 22; James, p. 6, pl. VI] (илл. 4):

[...] [...]

[...] *Htp di nsw Wsr nb ddw Hntj im.tj ntr 3 nb 3bdw Hkt hn^c Hnm htp di ntrw nb (w) 3bdw* [...]

[...] Подношения, которые делает царь, Осирис, властелин Бусириса, Хентииментиу, бог великий, господин Абидоса, Хекет с Хнумом. Дают боги, владыки Абидоса, [...]

Из приведенных выше примеров видно, что что Хекет в Среднем царстве почиталась в Абидосе. Она указывается в одном ряду с такими исконно верхнеегипетскими божествами, как Хентииментиу и Упуаут. Кроме того, Хекет с богом Хнумом позиционируются как первая божественная пара Абидоса, а их возникновение описывается аналогично появлению гелиопольской близнечной пары Шу и Тефнут. Т.о., можно заключить, что в рассмотренных повествовательных описаниях фиксируется четкая связь богини Хекет с Абидосом.

2. Новое царство

В Новом царстве эпитеты богини Хекет содержат следующие топонимы:

Хер-Ур (*Hr-wr*), Абидос (*3bdw*), Нехен (*Nhn*). Однако, в отличие от источников Среднего царства, не удалось обнаружить ни одного случая, когда сведения о географии культа Хекет фиксировались бы в повествовательных описаниях: в Новом царстве это происходит лишь в ее топонимических эпитетах, которые можно разделить на следующие группы:

- Конструкция *Hkt + nb(t) + топоним* (эквивалент конструкции *Hkt + топоним*, которая наблюдалась в Среднем царстве) или *Hkt + nb(t) + топоним + дополнения*;

⁵ Hannig, II, 2681.

⁶ *hr h3t* - Faulkner, 162.

⁷ Faulkner, 117.

⁸ Hannig, II, 2681.

⁹ Hannig, II, 1137: *mshnt nt 3bdw* - «Ruheplatz von Abydos»; Faulkner, 117.

¹⁰ Подобно гелиопольским Шу и Тефнут.

- Конструкция *Hkt + hrj-ib* + топоним.

2.1. Конструкция *Hkt + nb* + топоним (или *Hkt + nb* + топоним + дополнения)

2.1.1. XVIII династия

Эпитет *Hkt nb(t) Hr-wr* + дополнения

В заупокойном храме Хатшепсут в Дейр эль-Бахри, в сцене, находящейся на северной стене в центре колоннады, и изображающей Хнума и Хекет, провожающих царицу Яхмес в комнату родов (илл. 5), присутствует следующий текст [Navelle, p. 16, pl. XLIX]:

Hkt nb(t) Hr-wr hꜥ t Nḥn smsjtj

«Хекет госпожа Хер-Ура, Белая в Нехене, освобождающая от бремени».

Эпитет - *Hkt nb(t) Hr-wr* «Хекет госпожа Хер-ура», уже известный по источникам Среднего царства (*Hkt Hr-wr* - «Хекет (из) Хер-ура»), продолжает фиксироваться в эпоху Нового царства. Сохранение данного эпитета свидетельствует о том, что Хекет продолжала восприниматься как богиня-покровительница данной местности и в этот период.

В качестве дополнения здесь фигурирует еще ряд эпитетов, один из которых также содержит топоним – *hꜥ t Nḥn* «Белая в Нехене». Следует отметить, что на этой территории культ лягушки в зооморфном облике фиксировался уже в додинастическую эпоху [Green, P. 7; Pl. XVIII (10, 11, 14)]. Однако данный эпитет – уникален для Хекет, он наблюдается у нее лишь единожды и фигурирует вместе с другим эпитетом – «освобождающая от бремени». В свою очередь, эпитет «Белая в Нехене» в период Нового и Позднего царства был характерен для богини Нехбет [LGG, IV, p. 301; LGG, V, p. 606], которая почиталась как богиня деторождения [Wilkinson, 2003, p. 215]. Тем не менее, мы не можем точно сказать, является ли эпитет «Белая в Нехене» отголоском почитания там лягушки в древности или отражает факт приобретения этой богиней к Новому царству функции помощницы при родах, поскольку в настоящее время не имеем для этого достаточного количества данных.

2.1.2. XIX династия

Эпитет *Hkt 3bꜥw*

Данный эпитет присутствует во фрагменте надписи в одной из часовен заупокойного храма Рамсеса II в Абидосе (илл. 7а и 7б). Вместе с Хекет в этой часовне был изображен Анубис, а также еще одно антропоморфное божество, указание на имя которого не сохранилось. Напротив них изображен Рамсес II,

совершающий подношения [Ossian, p. 46-49; Iskander, Goelet, p. 398-400, pl. 4.10.7, 4.10.8, 4.10.9.].

Изображение богини Хекет там сопровождается следующим текстом:

Hkt nb (t) 3bdw

Хекет госпожа Абидоса

Т.о., связь Хекет с Абидосом выражается уже не повествовательным описанием, а четким топонимическим эпитетом «Хекет госпожа Абидоса», что позволяет сделать заключение об укреплении положения культа Хекет на этой территории по сравнению со Средним царством.

2.2. Конструкция *Hkt + hrj-ib* + топоним)

2.2.1. XVIII династия

2.2.1.1. Эпитет «*Hkt hrj-ib 3bdw*»

Эпитет богини Хекет *hrj-ib 3bdw* – «Хекет, пребывающая в Абидосе» впервые фиксируется во время XVIII династии (время правления в надписи на стеле № 34017 верховного жреца в храме Осириса Небуа [Mariette, pl. 1049; Laca, p. 36-37, pl. 34017]. Верхнюю часть стелы украшает крылатый диск, слева от которого находится следующий текст (илл. 6) [Mariette, pl. 1049]:

htp di [nsw] Hkt hrj- ib 3bdw di=s pr-r rt nb hr wdhw=sn r^c nb n k3 ns pr n Wsir Nbw^cу m3^c - hrw

«[Царское] подношение Хекет, пребывающей в Абидосе, дает (она) все то, что на алтаре ее ежедневно для Ка в доме Осириса-Небуа, правогласному».

Отметим, что фраза *hrj - ib* может обозначать, что бог (или богиня), топонимическом эпитете которого она присутствует, не является исконным для данной территории [Gabolde, p 351], а его культ считается гостевым, который обслуживается и поддерживается наряду с культом главного божества [Kormysheva, p. 251].

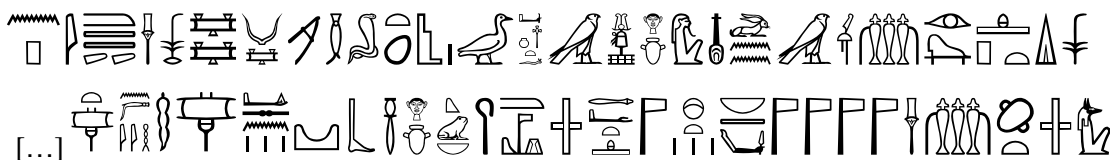
Т.о., топонимический эпитет *Hkt hrj - ib 3bdw*, фиксирующийся в период правления XVIII династии, свидетельствует о том, что культ Хекет в это время в

Абидосе воспринимался одновременно и как исконно городской (*Hkt nb (t) 3bdw* – примеры были рассмотрены выше), и как гостевой.

2.2.2. XIX династия

2.2.2.1. Эпитет «*Hkt hrj-ib 3bdw*»

Топонимический эпитет *hrj- ib 3bdw* продолжает фиксироваться у Хекет и в эпоху XIX династии. Рассмотрим фрагмент текста со стелы Пейи¹¹, служившего начальником мемфисского гарема и гарема царицы при дворе Рамсеса II [Kitchen, 210, 8.]:

1. *hṭp di nsw Wsr Hntj Wnn-nfr hrj-ib T3-wr Hr ndty s3 Št bnr mryt Wp-w3wt Ršy m t3w*

2. *Inpw imj-wt hntj šḥ nṯr nṯrw nb t3-dsr Psdt ʿ3t imj m hr(j)-nṯr Hkt hrj-ib 3bdw di=sn t3w ndm n mhyt [...]*

1. Жертва, которую дает царь (и) Осирис, господин Запада Унен-нефер, пребывающий в Тинисском номе, Хор мститель, сын Исиды возлюбленный, Упуаут Верхнеегипетский,

2. Анубис, что в месте бальзамирования, предстоящий божественному чертогу, боги-повелители земли священной, Великая божественная Эннеада в некрополе, Хекет, госпожа, пребывающая в Абидосе, дают они сладостный северный ветер [...]

Данный фрагмент позволяет увидеть, что обращение к Хекет, наделенной эпитетом «пребывающая в Абидосе», может происходить наравне с такими божествами, как Осирис, Упуаут, Хор и пр. В свою очередь, это говорит о том, что даже несмотря на эпитет, подчеркивающий «привнесенность» Хекет в данной местности, ее популярность на территории Абидоса уже достаточно высока.

Подытоживая вышеизложенное можно отметить следующее.

1. Начиная со Среднего царства, богиня Хекет была связана с XVI номом – областями Бени-Хасан и *Hr-wr*. Эпитеты, содержащие топоним *Hr-wr*, отражали только прямую связь с этой областью: *Hkt Hr-wr* «Хекет (из) Хер-Ура», указывая на то, что Хекет является там важной городской богиней. Данная связь фиксировалась и в Новом царстве в топонимическом эпитете *Hkt nb(t) Hr-wr* «Хекет, госпожа Хер-Ура».

¹¹ В настоящее время стела Пейи хранится в Британском музее (№ 156).

2. Топонимический эпитет Хекет *ḥd t Nḥn* «Белая (в) Нехене» в настоящее время нельзя трактовать однозначно. Можно лишь предполагать, что, учитывая древнейшие свидетельства почитания там лягушки, он указывает на связь богини с городом Нехен, и одновременно отражает наделение Хекет эпитетом и функциями богини Нехбет, считавшейся в это время покровительницей деторождения.

3. Связь богини Хекет с Абидосом фиксируется в эпиграфических источниках, начиная со Среднего царства. В этот период она выражается в разного рода повествовательных формулировках и обращениях к этой богине наравне с такими божествами, как Упуаут и Осирис. Это позволяет сделать заключение о возрастающей роли Хекет в верхнеегипетском пантеоне, но еще не закрепившейся в Абидосе настолько, чтобы этот рост популярности успел отразиться в топонимических эпитетах.

В Новом царстве ситуация меняется. В настоящее время не удалось обнаружить ни одного случая повествовательных обращений к Хекет, в которых бы фиксировалась ее связь с Абидосом: в этот период она выражается уже в топонимических эпитетах.

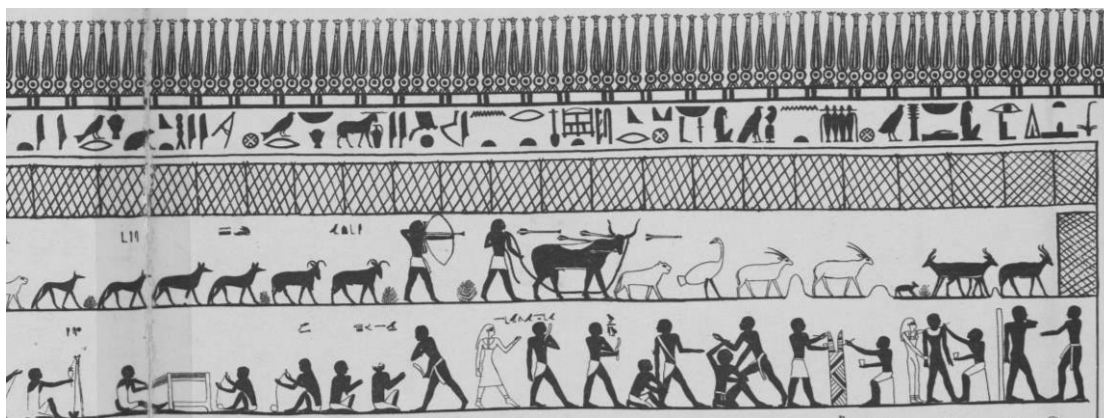
Один из них – эпитет *Ḥkt ḥrj-ib 3bdw* «Хекет, пребывающая в Абидосе», указывает на то, что во время XVIII династии, культ Хекет воспринимался в Абидосе как гостевой. Однако уже тот факт, что такая ее «привнесенность» приобрела форму эпитета, по всей видимости, свидетельствует о росте ее популярности в Абидосе.

Второй топонимический эпитет, характерный для Хекет в Новом царстве – *Ḥkt nb (t) 3bdw* «Хекет госпожа Абидоса». Эпитет отражает прямую связь богини с этим городом и позиционирует ее исконную, местную богиню.

Т.о., эпитеты, отражающие связь Хекет с Абидосом, позволяют увидеть, что в Новом царстве для нее были характерны одновременно две позиции: она продолжала рассматриваться как «привнесенное» божество (*Ḥkt ḥrj - ib 3bdw*) и в то же время принималась как городская богиня (*Ḥkt nb (t) 3bdw*).

4. В целом, ряд топонимических эпитетов показывает, что связь Хекет с Хер-уром была достаточно устойчива: богиня почиталась как покровительница этой области на протяжении всего рассматриваемого нами периода. С Абидосом же, судя по другим эпитетам, а также по повествовательным описаниям и формулировкам, связь богини была динамичной и постоянно возрастала. Она упрочивалась в течение Среднего царства, и, достигнув при XVIII династии положения «пребывающей в Абидосе», в эпоху правления XIX династии закрепились на новом, более высоком уровне, выразившись в топонимическом эпитете «госпожа Абидоса».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

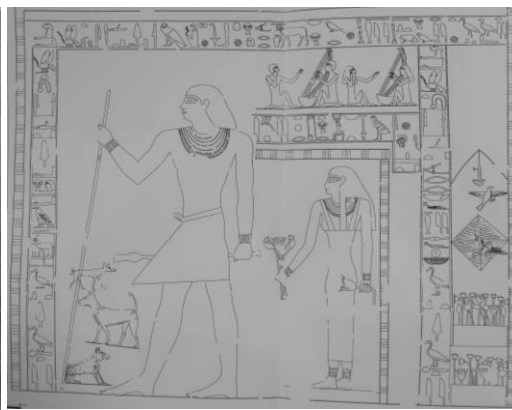
Илл. 1

фрагмент надписи, расположенный на северной стене главной камеры гробницы
номарха XVI нома Бакета III (tomb № 15) (XI династия)
[Newberry, p. 46, pl. IV]

Илл. 2а

Фрагмент надписи, расположенной под
фризом в восточной части северной
стены гробницы Хети I
[Kanawati, Evans, pl. 36]

Илл. 2б

Фрагмент надписи, расположенной под
фризом в восточной части северной
стены гробницы Хети I
[Kanawati, Evans, pl. 98]

Илл. 3

Известняковая стела надсмотрщика
Аменемхета

[https://media.britishmuseum.org/media/Repository/Documents/2017_4/10_13/57f98acc_aa8a_4ba0_b5be_a75100e6209e/preview_EA_567.jpg]

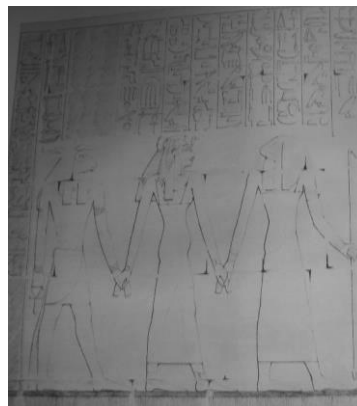
Илл. 4

Стела хранителя дворца Техайи
[James, p. 6, pl. VI]

Илл. 5

Стела жреца Небуа
[Mariette, pl. 1049]

Илл. 6

Фрагмент, изображающий Хекет, Хнума,
ведущих царицу Яхмес в комнату родов.
Центр колоннады, северная стена
[Navielle, p. 16, pl. XLIX]

Илл. 7а

Изображение богини Хекет из
заупокойный храм Рамсеса II в Абидосе
[Iskander, Goelet, p. 400, pl. 4.10.9]

Илл. 7б

Изображение богини Хекет из
заупокойного храма Рамсеса II в
Абидосе (фрагмент)
[Iskander, Goelet, p. 400, pl. 4.10.9]

Список литературы /References

- Gabolde, L. The Amun Cult and Its Development in Nubia. Geoff Emberling; Bruce Beyer Williams. The Oxford Handbook of Ancient Nubia, Oxford University Press, 2021. Pp.343-367.
- Green, F.; Quibell, J. Hierakonpolis. Bd. 2. British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account. London. V, 1902.
- Erman Ad., Grapow H. Wörterbuch der aegyptischen Sprache. [=Wb]. Bd. I–VII. Berlin–Leipzig
- Faulkner, R. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford: Griffith Institute, 1972 (=Faulkner).
- Hannig, R. Ägyptische Wörterbuch Ägyptische. Bd. II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Verlag Philipp von Zabern. Mainz am Rein, 2006 (=Hannig, II)
- Iskander, S., Goelet, O. The Temple of Ramesses II in Abydos: Volume 1, Wall Scenes - Part 2. Lockwood Press. Atlanta, Georgia, 2015.
- James. T.G.H. Hieroglyphic texts from Egyptian Stelae etc. in the British Museum. Part II. 1911-1912.
- Kanawati, N. and Evans, L., Beni Hassan. Vol. IV: The Tomb of Baqet III. *ACE Reports*, vol. 42. Oxford: Aris and Phillips, 2018.

- Kitchen, K. Ramesside Inscriptions, Volume III, Translated and Annotated Translations: Ramesses II, His Contemporaries and deals with the monuments and documents of members of the civil, military, and ecclesiastical administrations of Ramesses II. 2013.
- Kormysheva, E. Le Nom d'Amon sur les monuments royaux de Kouch. Études lexicographiques. Commages à J.Leclant. Vol. 2. Nubie, Soudan, Éthiopie. *IFAO, BdE*. Le Caire, 1994. P. 251–261.
- Lacau, P. Steles du nouvel empire (I). *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*. Hiersemann, 1909.
- Leitz, Ch. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen Bd. V. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 114. Leuven, 2002 (=LGG, V).
- Mariette, A. Catalogue général des monuments d'Abydos: découverts pendant les fouilles de cette ville. Paris, 1880.
- Naville, Ed. The Temple of Deir el Bahari. Part II. London. 1896.
- Newberry, P. Beni Hasan. Part II. London, 1893.
- Ossian, Cl. A limestone Jewel at the desert. The cenotaph temple of Ramses II at Abydos. *Kmt*. Vol. 19, № 1. 2008. P. 46-49
- Simpson, W. The terrace of the Great God at Abydos: the offerings chapels of Dynasties 12 and 13. The Peabody Museum of natural history of Yale University. The University museum of the University of Pennsylvania. New Haven and Philadelphia. 1974.
- Urkunden IV der 18. Dynastie, ed. Hans Wolfgang Helck 1955–1958 (= Urk. IV).
- Wilkinson, R. H. The Complete Temples in Ancient Egypt. The American University in Cairo Press. 2000.
- Wilkinson, R. H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. The American University in Cairo Press. 2003.

Электронные ресурсы / Electronic sources

https://media.britishmuseum.org/media/Repository/Documents/2017_4/10_13/57f98acc_aa8a_4ba0_b5be_a75100e6209e/preview_EA_567.jpg - дата обращения 08.01.2022.

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-38-48

**ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРОБНИЦЕ КАЕМНОФРЕТА
(LG 63) В ГИЗЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹**

© 2021

М. А. Лебедев***Аннотация***

Гробница царедворца Каемнофрета (LG 63), находящаяся вблизи нисходящей дороги пирамидного комплекса царя Хуфу на восточной окраине некрополя Гизы, известна исследователям с рубежа XVIII–XIX вв. Ранние рисунки, сделанные в ее вырубленной в скале часовне, указывали на качественное и разнообразное рельефное оформление. Первым исследователем, оставившим относительно подробное описание гробницы Каемнофрета, стал К.Р. Леписус, работавший в Гизе в 1842–1843 гг. Копии рельефов и план, сделанные во время его экспедиции, долгое время были основным источником информации об этом погребальном памятнике. Затем в часовне работали американские и египетские специалисты, а с 2015 года в гробнице проводятся исследования российской экспедиции. В статье приводится обзор истории эпиграфического изучения часовни Каемнофрета в течение почти двухсот лет – от первых рисунков XIX века до создания трехмерных моделей в начале XXI века. Рассматриваемый частный случай одной гробницы иллюстрирует эволюцию эпиграфических исследований в Гизе в целом. Делаются выводы о перспективах дальнейших эпиграфических работ на памятниках, введенных в научный оборот в XIX и XX веках.

Ключевые слова: Гиза, Старое царство, скальные гробницы, эпиграфика, фотограмметрия, история египтологии.

Для цитирования: Лебедев М. А. Эпиграфические исследования в гробнице Каемнофрета (LG 63) в Гизе: история и современность. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. № 1–2. 2021. С. 38–48. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-38-48

¹ Максим Александрович Лебедев – кандидат исторических наук., старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, maximlebedev@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-1524-2083
Maksim Al. Lebedev – Ph.D., senior research fellow, Institute of oriental studies, Russian Academy of Sciences, maximlebedev@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-1524-2083

EPIGRAPHIC SURVEY IN THE TOMB OF KAEMNOFRET (LG 63) AT GIZA: HISTORY AND CONTEMPORARY WORK

Maksim Al. Lebedev

Abstract

The tomb of Kaemnefret (LG 63) cut into the cliff to the south of the causeway of Khufu has been known to European travelers since the late 18th – early 19th centuries. Early drawings made in its chapel gave evidence of high-quality and elaborate reliefs preserved in the tomb. The first Egyptologist who left a relatively complex description of the monument of Kaemnefret was K. R. Lepsius (worked at Giza in 1842–1843). For over a century, copies of reliefs and the plan made during his mission remained the major source of information about this rock-cut structure. Later, the chapel was studied by American and Egyptian specialists. Since 2015, the tomb has been recorded by the Russian archaeological mission at Giza. The paper provides an overview of the history of epigraphic surveys in the chapel of Kaemnefret which covers the period of over two hundred years – from early drawings of the 19th century to first 3D-models of the early 21st century. This history provides a good illustration on the development of epigraphic techniques at Giza in general. Concluding the paper, the author discusses perspectives of future epigraphic surveys in Giza tombs that were first published in the 19th or 20th centuries.

Keywords: Giza, Old Kingdom, rock-cut tombs, epigraphy, photogrammetry, history of Egyptology

For citation: Lebedev M. A. Epigraphic survey in the tomb of Kaemnofret (LG 63) at Giza: history and contemporary work. *Oriental Epigraphy*. Vol. 36. 1–2. 2021. Pp. 38–48. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-38-48

Дмитрий Дмитриевич Васильев всегда отличался вниманием к деталям и точности копирования эпиграфического материала. Во время наших разговоров после возвращения из экспедиций он часто интересовался технической стороной полевой эпиграфической работы в гробницах Гизы, а также проводимыми экспериментами в области использования современных средств копирования рельефов (например, многоугольная теневая фотосъемка (RTI) и фотограмметрия). Настоящая статья – продолжение этих преждевременно оборвавшихся бесед, содержащее наблюдения, которые автор не успел озвучить Дмитрию Дмитриевичу лично.

Гробница распорядителя царского дворца, распорядителя царских парикмахеров и хранителя париков Каемнофрета (LG 63), расположенная на восточной окраине Гизы вблизи нисходящей дороги Хуфу (илл. 1), является примером хорошо сохранившегося скального погребального комплекса времени V–VI древнеегипетских династий. Часовня Каемнофрета замечательна также тем, что она стала одним из первых частных памятников некрополя Гизы, привлечшим внимание европейских исследователей.

Скальные гробницы — это особый тип древнеегипетских погребальных сооружений. В Гизе он впервые появляется, вероятно, при IV династии, став

альтернативой более традиционным для мемфисского региона *мастабам*. Распространение скальных гробниц часто связывают с двумя процессами: 1) разрастанием столичных кладбищ, где становилось все меньше места для требующих значительных площадей *мастаб*; 2) расширением царского административного аппарата за счет людей, не принадлежавших к царской семье [Ветохов, 2017, с. 7–8]. В Гизе и других мемфисских некрополях была и другая причина: по мере строительства пирамид в регионе появлялись обширные каменоломни, вертикальные стены которых оказывались удобны для вырубki часовен. Подготовка скальной гробницы в среднем должна была обходиться дешевле, чем строительство *мастабы* со сравнимой по размерам часовней. Кроме того, скальные гробницы нередко демонстрируют лучшую степень сохранности, поскольку их невозможно было разобрать на строительный материал. С другой стороны, скальные гробницы были привязаны к скальным массивам, из-за чего в мемфисском регионе они не могли занимать доминирующего на местности положения [Лебедев, 2020а, с. 147–148]². Исключением были гибридные гробничные комплексы как, например, гробница Мересанх III – *мастабы* с вырубленной в скале часовней. Такие гробницы обладали заметно возвышающейся над поверхностью плато надстройкой, при этом культовые помещения сохраняли все преимущества скальных часовен.

Гробница Каемнофрета могла быть именно вариантом гибридной гробницы с надстройкой в виде *мастабы*. Сегодня от этой возможной надстройки ничего не сохранилось, однако главная шахта до сих пор выходит прямо на современную дневную поверхность, чтоб было характерно для *мастаб* (не исключено, однако, что шахта относится к более ранней *мастабе* и впоследствии была переиспользована Каемнофретом во время строительства собственной гробницы). Располагаясь непосредственно к югу от нисходящей дороги Хуфу, гробница Каемнофрета оказывалась первой в бесконечной череде частных погребальных комплексов, занявших при V–VI династиях восточный обрыв плато Гизы от дороги Хуфу на севере до Великого Сфинкса на юге. Такое положение неизменно должно было привлекать к ней внимание как современников Каемнофрета, так и последующих поколений – грабителей, людей, обустроивавших скальные гробницы Гизы под жилье, а также ранних исследователей.

Раскопки пяти шахт гробницы Каемнофрета, проведенные в 2015–2019 гг. Российской археологической экспедицией в Гизе³, показали, что большая их часть неоднократно перекапывалась на протяжении столетий. Затем в скальной часовне долгое время жили люди, покинувшие ее, по свидетельству А. Бадауи, лишь на рубеже XIX–XX вв. [Badawy, 1976, p. 25]. В конце 1930-х или в 1940-е гг. на входе в гробницу была установлена металлическая дверь. После начала 1970-х гг. верхняя часть главной шахты и западная комната часовни оказались заполнены большим количеством крупных камней и каменных блоков (они могли происходить из египетских раскопок к западу от гробницы).

Благодаря своему расположению вблизи нисходящей дороги Хуфу – грандиозного сооружения, традиционно приковывавшего к себе внимание

² О важности визуального восприятия гробничного комплекса на местности при выборе строительной площадки см. Nuzzolo, 2017.

³ Экспедиция Института востоковедения РАН, руководитель – Э. Е. Кормышева.

посетителей Гизы – гробница Каемнофрета стала известна ранним исследователям еще на рубеже XVIII–XIX вв. Таким образом, это одна из первых частных гробниц Восточного плато Гизы, ставшая известной европейским ученым (обычно ранних путешественников привлекали скальные комплексы вблизи пирамиды Хафра, находившиеся на наиболее популярном среди посетителей Гизы маршруте [Лебедев, 2020a]).

В древности часовня Каемнофрета была богато оформлена качественно выполненными расписанными рельефами. Все они относятся к первому (восточному) помещению – LG 63A (илл. 2). Это весьма стандартные для часовен поздней V – ранней VI династий сцены, демонстрирующие, однако, ряд любопытных деталей. На южном простенке входа в гробницу сохранились верхние части изображений Каемнофрета и его супруги, а также их титулы. На северной стене комнаты хозяин гробницы и его жена восседают перед большим числом жертвенных приношений, среди которых фрукты, овощи, мясо, птица и другие традиционные дары. Небольшая мужская фигура (возможно, сын Каемнофрета) преподносит хозяину гробницы цветок нильской лилии (лотоса). Нижний регистр заполнен изображениями танцующих и хлопающих в ладоши девушек. На южной стене Каемнофрет с супругой наблюдают за демонстрацией различных животных и птиц, среди которых особое внимание уделено крупному рогатому скоту. Эта сцена осталась незавершенной: восточная часть верхнего регистра выполнена лишь в грубо намеченном рельефе, а верхняя часть изображения молодых быков и вовсе нарисована охрой (остатки первоначального наброска древнего скульптора). Восточная стена, пользовавшаяся наибольшей популярностью среди ранних исследователей благодаря выдающемуся качеству рельефов и сохранившейся полихромии, содержит фигуру Каемнофрета, который наблюдает за традиционным циклом сельскохозяйственных сцен: пахота, сев, транспортировка зерновых. В верхнем регистре изображен перегон ослов – основных вьючных животных эпохи Старого царства. Западная стена сохранила изображение хозяина гробницы, которое из-за низкого качества известняка в этом месте уже в XIX веке было плохо различимо, а также четыре скальные статуи (две мужские и две женские), атрибутировать которые с точностью сегодня уже не представляется возможным.

Первые копии отдельных фрагментов сцен из гробницы Каемнофрета были сделаны во времена Египетского похода Наполеона [Denon, 1802, pl. 97 B, D] и затем несколько раз выполнялись другими ранними исследователями [Porter, Moss, 1974, p. 209; Usick, Manley, 2007, p. 26 (sketch 9), 34 (sketch 27), 35 (sketch 28)] (илл. 3). На плане Гизы, подготовленном британским консулом Г. Солтом, гробница Каемнофрета обозначена как «катакомба с интересной скульптурой» [Usick, Manley, 2007, p. 15 (62), pl. I]. Первое относительно подробное описание гробницы было сделано участниками прусской экспедиции под руководством К. Р. Леписиуса, которые работали в Гизе осенью и зимой 1842–1843 гг. Художники экспедиции скопировали все рельефы как в самой часовне, так и на входе в гробницу [Lepsius, 1849-1858, Abt. II, Bd. 4, Taf. 91b–c; Lepsius, 1897, S. 87–88; Lepsius, 1913, Taf. XXII (a), XXXII]. Спустя несколько лет надпись на входе бегло срисовал также О. Мариетт [Mariette, 1889, p. 542].

В целом эти ранние копии, в особенности копии экспедиции К. Р. Леписиуса, представляют большую ценность, поскольку дают представление о сохранности

рельефного оформления гробницы в XIX веке, а также восполняют отдельные детали, не дошедшие до наших дней. В частности, речь идет о фигуре хозяина гробницы на восточном фасе колонны в проходе между помещениями А и В (к сегодняшнему дню этот рельеф фактически утрачен) [Lepsius, 1897, S. 88].

Современный этап эпиграфического изучения гробницы Каемнофрета начался в конце 1973 года, когда двое студентов Калифорнийского университета, сопровождаемые фотографом и художником, заново скопировали рельефное оформление часовни. Результаты их работы были оперативно опубликованы их преподавателем А. Бадауи [Badawy, 1976, p. 25–33, fig. 26–30, pl. 26–36; Williams, 1980, p. 235–236]. Это издание стало отправной точкой для исследований, проводимых в гробнице сотрудниками Российской археологической экспедиции в Гизе.

Изучение гробницы отечественными специалистами, продолжающееся с 2015 года, выявило необходимость подготовки новой публикации этого памятника. Во-первых, следовало раскопать шахты и погребальные камеры, изучив связанную с комплексом материальную культуру. Во-вторых, необходимо было подготовить новое архитектурное описание гробницы, планы и разрезы. В-третьих, значительной корректировки требовали уже опубликованные копии рельефов.

Судя по имеющимся косвенным свидетельствам, студенты А. Бадауи работали по классической технологии с использованием кальки, на которую рельефы копировались с помощью обводки в масштабе 1:1. Затем копии отбеливались. Начатая автором в 2015 году работа по подготовке новых копий рельефного оформления гробницы следовала той же технической схеме. Однако в 2016 году египетское Министерство по делам древностей объявило о решении запретить при проведении полевых эпиграфических работ использование кальки, пластика и других материалов, которые крепятся непосредственно на объект исследования. В результате все рельефы часовни были еще раз задокументированы с использованием метода фотограмметрии с последующим созданием трехмерных моделей. Совмещение двух разных техник копирования в этой и других гробницах восточной окраины Гизы позволило автору сравнить как процесс создания копий, так и получаемые результаты [Лебедев, 2020b].

Проведенные исследования выявили ряд неточностей в уже введенных в научный оборот копиях. Они касаются как прорисовок К.Р. Лепсиуса (более ранние работы не берутся в расчет, так как это были преимущественно наброски), так и гораздо более современных копий, опубликованных А. Бадауи. При этом если ошибки в копиях художников К. Р. Лепсиуса связаны в основном с недостаточным знанием иконографии и иероглифического письма, что вполне объяснимо для раннего этапа развития египтологии, то копии 1973 г., остающиеся сегодня главным источником информации об оформлении гробницы Каемнофрета, демонстрируют также определенную невнимательность.

В качестве примера можно рассмотреть копии южной стены (илл. 4–5). В прорисовке времени К. Р. Лепсиуса в восточной части верхнего регистра изображены ноги двух людей и двух баранов. Это очевидная ошибка была исправлена на копии 1973 г., где авторы правильно распознали трех быков. Однако взаимное расположение животных передано неверно. Кроме того, на копии в неподходящем месте появились крупные рога (сравнение с оригиналом показывает,

что за рога авторы копии приняли естественное разрушение скалы). В действительности на рельефе изображены молодые безрогие животные. Поскольку рельеф не был завершен скульптором, головы телят выполнены красной охрой, которую студенты не заметили. Сегодня эти красочные линии хорошо видны, как были видны, вероятно, и 50 лет назад. Современные технологии цифровой обработки изображений (например, использование плагина DStretch) позволяют сделать их еще более четкими.

Далее следует обратить внимание на то, что в копии XIX века вторая справа мужская фигура в верхнем регистре держит отрез ткани. В действительности в руке у мужчины палетка писца, которая была верно распознана на копии 1973 г. Так же верно студенты А. Бадауи исправили иероглифическую надпись напротив правой

фигуры, прочитав вместо в копии времени К. Р. Лепсиуса. Однако совершили тут же и несколько ошибок. Во-первых, это появившийся между второй и третьей фигурой знак , которого в оригинале нет. Во-вторых, это удивительно сложная для Старого царства юбка на первой слева мужской фигуре, а также необычный конец ткани, свисающий в нижней части юбки у второй фигуры слева. Ни того, ни другого в оригинале нет, что говорит о недостаточном знании авторами прорисовки 1973 г. иконографии эпохи Старого царства. Эту особенность можно проиллюстрировать и другими примерами. Самый красноречивый из них – это, вероятно, превращение вполне стандартной утки, изображенной среди прочих приношений на северной стене часовни, в рыбу.

Если мы обратимся к текстам на той же южной стене, то увидим, что и здесь копия 1973 г. неточна (копия времени К. Р. Лепсиуса оказывается местами точнее). Перед фигурой хозяина гробницы упущен вырезанный знак . Этот же знак

пропущен и в титуле *rh nswt* («знакомый царя»). Знак неверно скопирован как , знак неверно скопирован как (илл. 5).

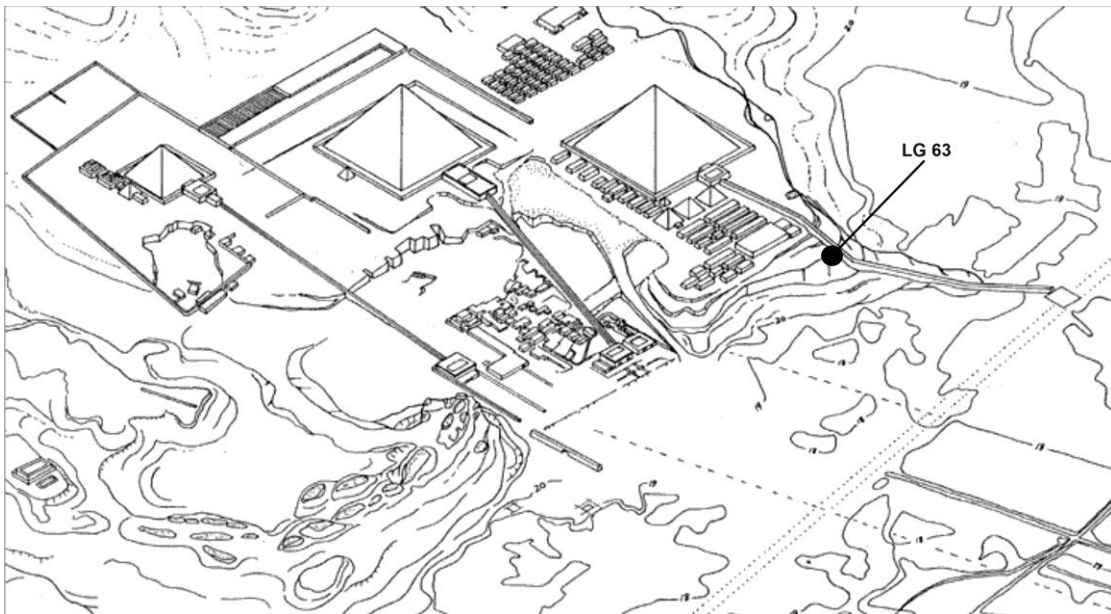
Выявленные неточности в копиях оформления только одной из стен в гробнице Каемнофрета не столько демонстрируют несовершенства в работе конкретных авторов, – их можно найти в прорисовках любых специалистов, – сколько актуализируют традиционную проблему верификации работы эпиграфистов. Сами по себе ошибки не страшны, куда страшнее невозможность их выявить в случае отсутствия средств проверки. Для египтологии это особенно болезненная тема. Прорисовка – это интерпретация базового уровня. Исходя из прорисовок, как правило, предлагаются новые чтения текстов, выявляются палеографические особенности, выстраиваются иконографические типологии. Иногда – вовсе не всегда – прорисовки сопровождаются профессиональными фотографиями. Однако, к примеру, для большей части прорисовок рельефов из Гизы качественные или изданные в удобном формате фотографии не доступны.

История эпиграфических исследований в гробнице Каемнофрета повторяет историю исследования многих других гробниц Гизы. На этапе антикварианизма появились первые описания и копии отдельных примечательных сцен. Полностью рельефы были впервые скопированы участниками прусской экспедиции под руководством К. Р. Лепсиуса. Затем, уже на типологическом этапе развития

египтологии, рельефы были вновь скопированы и опубликованы, но без средств для проверки копий (например, удовлетворяющих этой задаче фотографий). Современные эпиграфические исследования в гробнице Каемнофрета призваны исправить данную ситуацию. Главными средствами для проверки новых копий станут трехмерные модели и качественно подобранные фотографии, которые делались непосредственно исходя из компоновки материала в будущей публикации. Это, конечно, не единственный выход из сложившейся ситуации и наверняка возможны другие варианты предоставления в распоряжение коллег средств для верификации наших прорисовок.

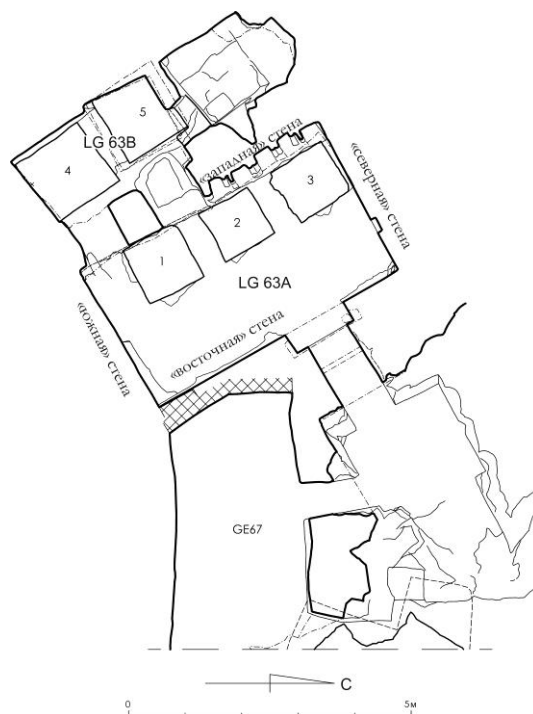
Пример часовни Каемнофрета красноречиво демонстрирует, что в Гизе в тщательной проверке и, возможно, повторной публикации нуждаются не только памятники, исследованные в XIX веке, но и гробницы, изученные нашими современниками на типологическом этапе развития египтологии. Трехмерное моделирование, цифровая фотография (илл. 6) и доступность публикации рельефов в электронном виде предоставляют эпиграфистам широкие возможности по созданию инструментов для проверки имеющихся копий. Однако впереди много работы, а время уходит: с каждым годом сохранность памятников Гизы ухудшается. Возможно, пришло время задуматься о глобальном международном эпиграфическом проекте по переводу сохранившихся гизехских рельефов и росписей в электронный вид.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

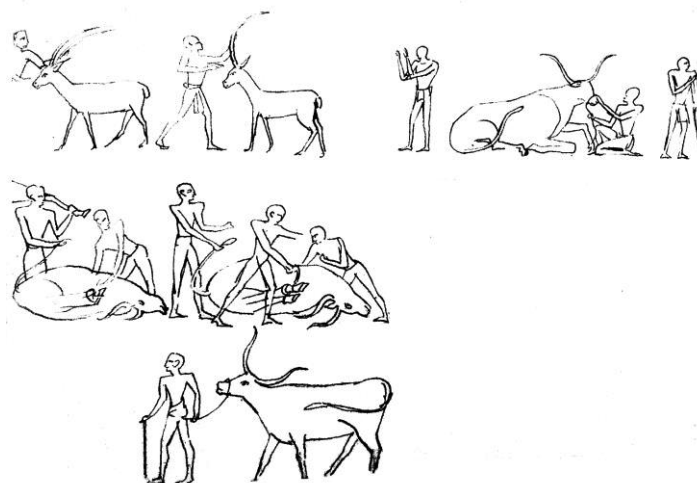

Илл. 1

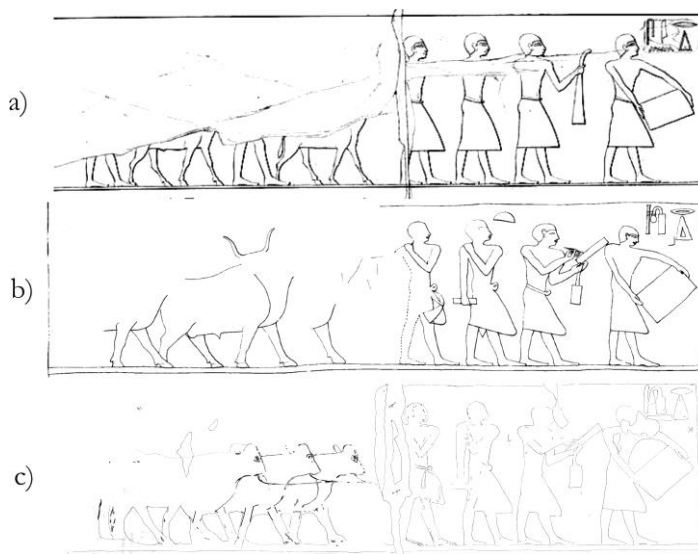
Аксонометрия плато Гизы с гробницей LG 63
(по: Lehner, 2000, p. 92, fig. 8.6] с добавлениями автора).

Илл. 2
План гробницы LG 63 (С.В. Ветохов).

Илл. 3
Скетч изображений на восточной стене LG 63, выполненный Г. Солтом в 1816 – 1817 гг. (по: [Usick, Manley, 2007, p. 35, sketch 28]).

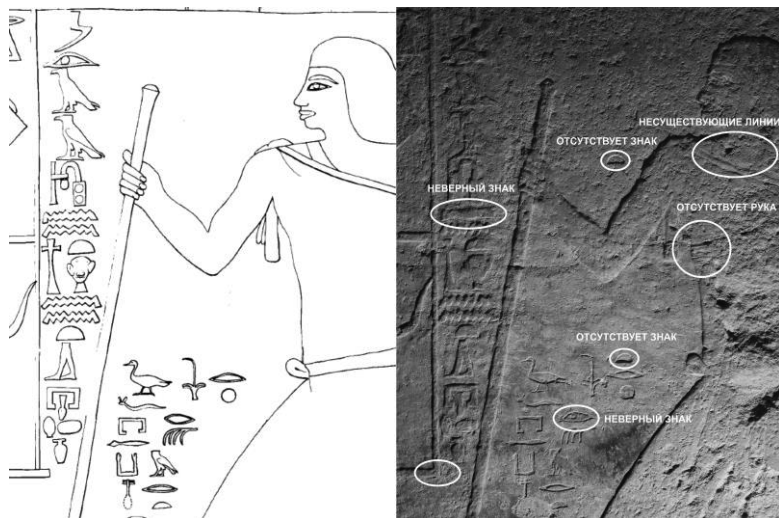
Илл. 4

Сравнение копий верхнего регистра на южной стене комнаты LG 63 B:

а) по [Lepsius, 1849–1858, Abd. II, Bd. 4, Taf. 91c];

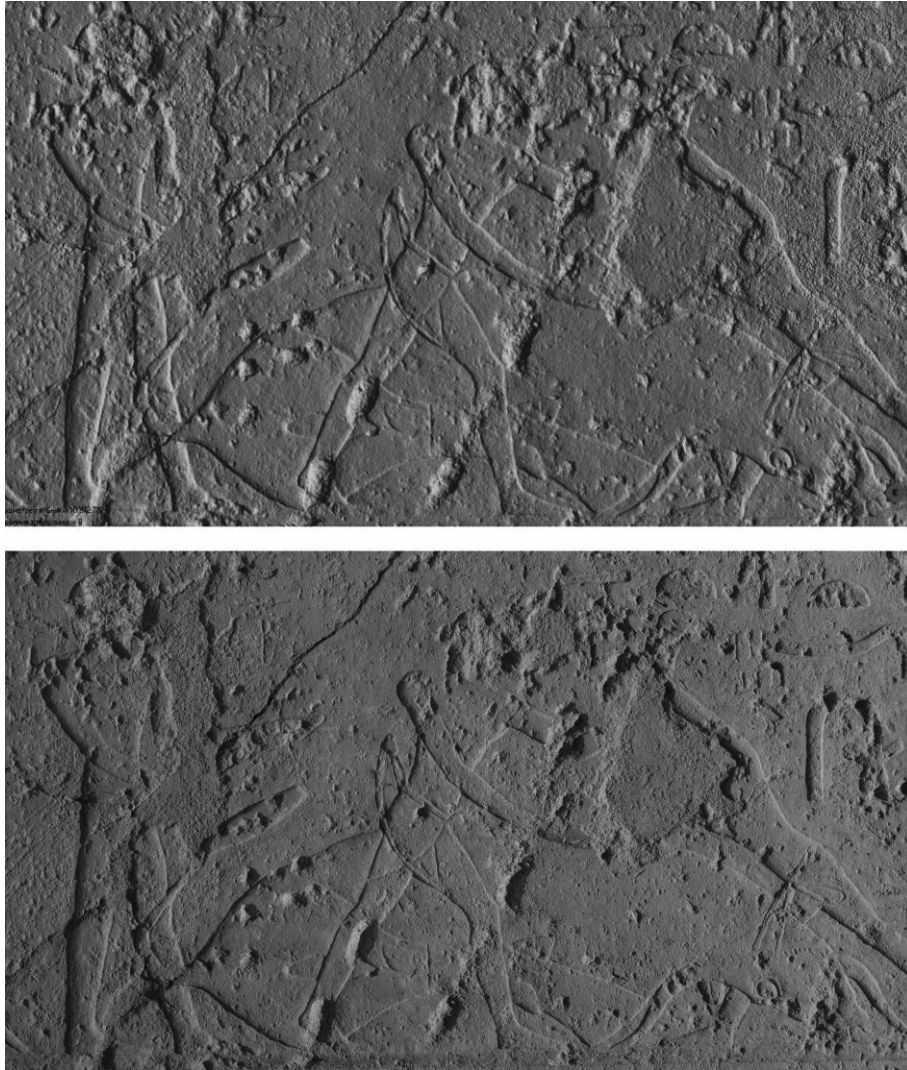
б) по [Badawy, 1976, fig. 29];

с) полевая прорисовка автора.

Илл. 5

Сравнение копии 1973 г. фрагмента рельефа на южной стене гробницы Каемнофрета (слева, по [Badawy, 1976, fig. 29]) с современной фотографией оригинала (справа, С.В. Ветохов).

Илл. 6

Сравнение трехмерной модели фрагмента рельефа из гробницы Каемнофрета, полученной с помощью метода фотограмметрии (сверху, автор), с цифровой фотографией того же фрагмента (снизу, С.В. Ветохов).

Список литературы / References

- Ветохов С. В. *Эволюция скальных гробниц Древнего царства Восточного плато некрополя Гизы* (канд. дисс.). М.: ИВ РАН, 2017 [Vetokhov S. V. *Evolution of Old Kingdom Rock-Cut Tombs of the Eastern Giza Necropolis* (Ph.D. dissertation). Moscow: IoS RAS, 2017 (in Russian)].
- Лебедев М. А. «Гроты», «катакомбы» и «пещеры» у египетских пирамид: свидетельства о скальных гробницах Гизы в работах ранних

- путешественников (XII–XVIII вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020а. № 2. С. 146–159 [Lebedev M. A. “Grottos”, “Catacombs”, and “Caves”: Data on Giza Rock-Cut Tombs in Works of Early Travelers (12th–18th Centuries). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020а. 2. Pp. 146–159 (in Russian)].
- Лебедев, М. А. Опыт цифровой эпиграфики в Гизе: гробницы Перинеджу. *Эпиграфика Востока*. 2020b. Vol. XXXV. С. 99–119 [Lebedev M. A. Digital Epigraphy at Giza: a study from the tomb of Perinedju. *Oriental Epigraphy*. 2020b. Vol. XXXV. Pp. 99–119 (in Russian)].
- Badawy A. The tombs of Iteti, Sekhem, ‘ankh-Ptah and Kaemnofert at Giza. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1976. – 36 p.
- Lehner M. Absolutism and Reciprocity in Ancient Egypt. Lamberg-Karlovsky M. (ed.). *The Breakout: The Origins of Civilization*. Cambridge: Peabody Museum Press, 2000. Pp. 69–97.
- Lepsius K.R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*. Abt. I–VI, Bd. 1–12. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849–1858.
- Lepsius K. R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Ergänzungsband herausgegeben von Eduard Naville. Unter Mitwirkung von Ludwig Borchardt. Bearbeitet von Kurt Sethe*. Leipzig: J. C. Hinrichs’sche Buchhandlung, 1913. – 2 p., 113 ill.
- Lepsius K.R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien: Text*. Bd. I: *Unteraegypten und Memphis*. Leipzig: J. C. Hinrichs’sche Buchhandlung, 1897. – 239 p.
- Mariette A. *Les mastabas de l’Ancien Empire*. Paris: F. Vieweg, 1889. – 592 p.
- Nuzzolo M. Patterns of Tomb Placement in the Memphite Necropolis. Fifth Dynasty Saqqara in Context. Bárta M., Coppens F., Krejčí J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the Year 2015*. Prague, 2017. Pp. 257–292.
- Usick P., Manley D. *The Sphinx Revealed: A Forgotten Record of Pioneering Excavations*. London: The British Museum Press, 2007. – 76 p.
- Williams B. Review of: The Tombs of Iteti, Sekhemankh-Ptah and Kaemnofret at Giza. By Alexander Badawy. *Journal of Near Eastern Studies*. 1980. Vol. 39/3. Pp. 234 – 237.

**РОЛЬ А. Л. КОЦЕЙОВСКОГО В ИССЛЕДОВАНИИ ЭПИГРАФИКИ
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**

© 2021

В. В. Левченко¹

Аннотация

В статье изучена роль российского историка и филолога А. Л. Коцейовского в исследовании эпиграфики Древнего Египта. В истории исторической науки ученый известен как специалист в области египтологии, коптологии и эпиграфики Древнего Египта. Его главным научным наследием является магистерская диссертация «Тексты пирамид», основанная на одноименной религиозной и заупокойной достопримечательности египетской письменности. «Тексты пирамид» – наибольшее достижение А. Л. Коцейовского в области египтологии, задумывались им как первый том многотомного труда, в последующих томах которого должны были быть опубликованы результаты исследования этих древнеегипетских памятников. Труд российского ученого, как и его личность, до сих пор не получили ни должной огласки в научных кругах, ни должной оценки среди специалистов. Научная литература об ученом незначительна, характеризуется отсутствием системного подхода в изучении его интеллектуального творчества. Этот труд был первым и единственным переводом на русский язык древнеегипетских надписей, оставленных на стенах внутренних помещений пирамид, расположенных в Саккара, некрополе фараонов Мемфиса. «Тексты пирамид» задумывались ученым как первый том шеститомного труда, в котором должны были быть представлены основательные исследования древнеегипетских памятников. Значение «Текстов пирамид» в том, что автор не ограничился переводом, а провел основательное научное исследование этого памятника, используя весь известный на то время материал по вариантам текстов. Для современной исторической науки выполненный А. Л. Коцейовским перевод текстов пирамид считается не сохранившим их первоначального значения, однако не теряет ценности его преданность науке и желание осуществить полный перевод текстов на русский язык.

Ключевые слова: А. Л. Коцейовский, эпиграфика, Древний Египет, «Тексты пирамид».

Для цитирования: Левченко В. В. Роль А. Л. Коцейовского в исследовании эпиграфики Древнего Египта. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. №. 1–2. 2021. С. 25–37. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-49-56

¹ Валерий Валерьевич Левченко - к. и. н, доцент кафедры «Украиноведение, историко-правовых и языковых дисциплин» Одесского национального морского университета, levchenko_lav@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-6907-7768

Valery V. Levchenko - PhD (History), Assistant Professor of the Chair Ukrainoznavstvo, historical, legal and linguistic disciplines, Odessa National Maritime University, levchenko_lav@ukr.net; ORCID ID: 0000-0001-6907-7768.

THE ROLE OF A. L. KOTSEIOVSKY IN THE STUDY OF THE EPIGRAPHY OF ANCIENT EGYPT

Valery V. Levchenko

Abstract

The article examines the role of the Russian historian and philologist A. L. Kotseiovsky in the study of epigraphy of Ancient Egypt. In the history of historical science, the scientist is known as a specialist in the field of Egyptology, Coptology and epigraphy of Ancient Egypt. His main scientific legacy is his master's thesis "The Pyramid Texts", based on the eponymous religious and funeral landmark of Egyptian writing. "The Pyramid Texts" is the greatest achievement of A. L. Kotseiovsky in the field of Egyptology, he conceived as the first volume of a multivolume work, in the subsequent volumes of which the results of the study of these ancient Egyptian monuments were to be published. The work of a scientist, like his personality, has not yet received either due publicity in scientific circles, or due assessment among specialists. Scientific literature about the scientist is insignificant, characterized by the absence of a systematic approach to the study of his intellectual creativity. This work was the first and only translation into Russian of ancient Egyptian inscriptions left on the walls of the interior of the pyramids located in Saqqara, the necropolis of the pharaohs of Memphis. "The Pyramid Texts" were conceived by the scientist as the first volume of a six-volume work, in which thorough research of ancient Egyptian monuments was to be presented. The meaning of the "The Pyramid Texts" is that the author did not limit himself to translation, but carried out a thorough scientific study of this monument, using all the material known at that time on the variants of the texts. For modern historical science, the translation of the texts of the pyramids made by A. L. Kotseiovsky is considered not to have retained their original meaning, however, his dedication to science and his desire to carry out a complete translation of texts into Russian does not lose value.

Keywords: A. L. Kotseiovsky, epigraphy, Ancient Egypt, "The Pyramid texts".

For citation: Valery V. Levchenko. The role of A. L. Kotseiovsky in the study of the epigraphy of Ancient Egypt. *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2, 2021. P. 49–56; DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-49-56

Духовная миссия человека нередко измеряется спецификой ореола его личности, то есть его невидимого света, неугасимой духовной силы и энергии. В истории русской культуры немало фигур с ореолом интеллектуальности, к которым также относится и ученый-египтолог Александр Леопольдович Коцейковский (1887–1919). До настоящего времени отсутствует научное исследование комплексного характера, в котором было бы осуществлено специальное, комплексное исследование его биографии и научного наследия. Научная литература об ученом незначительна, характеризуется отсутствием системного подхода в изучении его интеллектуального творчества. Отсутствие глубокого обобщающего труда, освещающего взгляды ученого, его место и роль в науке, обусловили выбор темы данного исследования.

А. Л. Коцейовский родился 2 (15) января 1887 г. в Чернигове в семье титулярного советника. По вероисповеданию его отец Леопольд Остапович принадлежал к римо-католикам, а мать Анна Михайловна – к православным христианам [ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 527. Л. 1]². Среднее образование начал получать в Черниговской классической мужской гимназии, затем продолжил обучение в гимназиях Киева (1896–1900) и Санкт-Петербурга (1900–1906). Сразу по окончании последней поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1910 г. Во время обучения с первых курсов увлекся историей древнего мира и настойчиво работал под руководством профессоров Ф. Ф. Соколова (история Греции и эпиграфика), Э. Д. Гримма (история Рима), С. А. Жебелева (греческая литература), П. К. Коковцева (семитическая филология), Б. А. Тураева (история Востока, египтология). Чрезвычайная увлеченность талантливого студента историческими древностями особенно поразила Б. А. Тураева (ученика ведущих европейских египтологов О. фон Лемма, А. Эрмана, Г. Масперо) и по его предложению по окончании университета А. Л. Коцейовский был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории, где он сконцентрировал внимание на изучении культуры Древнего Египта. Сдав в 1913 г. магистерские экзамены, молодой ученый отправился в командировку в Берлинский университет, профессора которого являлись родоначальниками местной школы египтологов и создали центр по исследованию этой тематики. Здесь он с помощью профессоров А. Эрмана и Г. Меллера изучал древнеегипетские литературные и деловые памятники, а под руководством профессора Г. Штрака ассириологию и древние еврейские языки [Кагаров, 1922, стлб. 139–140], что окончательно определило характер и направление его исследовательских интересов.

С началом Первой мировой войны А. Л. Коцейовский вынужден был вернуться в Россию. Из Германии он привез первый свой значительный труд – «Иератическая часть берлинского папируса 3008. Призывания Исида и Нефтиды» [Коцейовский, 1913], который стал результатом тщательного изучения одного из папирусов, хранившегося в богатейшей коллекции Берлинского королевского музея. Труд молодого ученого был своеобразным продолжением исследований, которые с конца прошлого века проводили английские, французские и немецкие ученые, выявляя и исследуя деловые и литературные папирусы греческого и египетского происхождения.

Своими научными достижениями талантливый и эрудированный молодой ученый быстро обратил внимание на себя в академической среде. Поэтому после присвоения в начале 1915 г. Петроградским университетом А. Л. Коцейовскому звания приват-доцента, уже в феврале он подал документы на вакантную должность приват-доцента кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета (ИНУ). Ввиду того, что по свидетельству письма Б. А. Тураева история Востока обязательный предмет для студентов-историков и что кандидат «полностью научно подготовленный специалист», 17 февраля 1915 г. Совет факультета рекомендовал принять молодого ученого на работу [ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1358. Л. 20–21.]. Из

² ГАОО – Государственный архив Одесской области.

записей на лекции студентов исторического отделения видно, что в 1915/16 учебном году А. Л. Коцейовский читал курс египтологии (1 час в неделю) и историю искусства древнего Востока (2 часа в неделю), а в последующие годы преподавал историю древнего Востока (общий курс) и спецкурсы «Магомет» и «Египетская религия» [Урсу, 1994, с. 140-141]. Курс А. Л. Коцейовского по египтологии – был первым научным курсом лекций на историко-филологическом факультете ИНУ, разработан и прочитан именно исследователем-египтологом.

В 1916/17 учебном году А. Л. Коцейовский состоял приват-доцентом вакантной (без наличия ординарного профессора) кафедры теории и истории искусств, но в начале 1917/18 учебного года, по неизвестным в настоящее время причинам, был выведен из ее состава [ГАОО. Ф. 45. Оп. 11. Д. 13. Л. 187 а]. 20 сентября 1917 г., руководствуясь постановлением Министерства народного просвещения Временного Правительства от 24 июня того же года, в ИНУ приняли решение о предоставлении права участвовать в заседаниях историко-филологического факультета с совещательным голосом молодым ученым магистрантам, среди которых числился и А. Л. Коцейовский [ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2017. Л. 24]. Такой демократический подход дал возможность молодому ученому не только участвовать, но и влиять на педагогическую, научную и общественную жизнь факультета. За первые годы преподавательской деятельности на историко-филологическом факультете ИНУ А. Л. Коцейовский приобрел опыт, авторитет и доверие среди старших коллег. В 1918 г. он получил звание штатного доцента по кафедре всеобщей истории [Кагаров, 1922, стлб. 141].

Одновременно с педагогической деятельностью А. Л. Коцейовский проводил интенсивную научно-исследовательскую работу. Одним из ее векторов в фарватере ведения египтологических исследований была коптология. Азы курса по этой дисциплине он прошел еще во время учебы у Б. А. Тураева и специализировался сначала именно в этой области. Поэтому в первые годы самостоятельной научной деятельности ученый имел устойчивый интерес к исследованиям по этой теме и постоянно интересовался новыми трудами, публиковавшимися в разных странах мира [Романова, 2003, с. 82]. Результатом этого стала библиография новой литературы по коптологическим исследованиям за 1912–1915 гг., где кроме названия работ, А. Л. Коцейовский подал краткую аннотацию и обзор рецензий на эти труды [Коцейовский, 1916]. Один из оттисков этой работы сегодня находится в фонде приватной библиотеки³ русского ученого Б. В. Варнеке⁴, на первом листе которого оставлена дарственная надпись молодого ученого: «Глубокоуважаемому проф. Борису Васильевичу Варнеке в знак благодарности за хлопоты на добрую память от автора». Исходя из содержания инскрипта по всей видимости именно Б. В. Варнеке оказывал содействие и помощь А. Л. Коцейовскому в первое время его пребывания в Одессе. Потому, что не все коллеги ученого оценивали его деятельность

³ Приватная библиотека Б. В. Варнеке на сегодня хранится в секторе редкой и ценной литературы отдела обслуживания библиотеки Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского» в Одессе.

⁴ Варнеке Борис Васильевич (1874–1944) – филолог-классик, историк античности, историк театра, культуролог. Профессор Казанского (1904–1910) и Новороссийского (Одесского) университетов (1910–1920, 1937–1944).

положительно. Например, профессор всеобщей истории Е. Н. Щепкин⁵ считал, что труды египтолога не содержат целостного собственного взгляда, методологической школы, посвященные не столько истории Древнего Египта, сколько египетским и коптским древностям и потому не свидетельствуют об ученом как о специалисте по истории Востока в целом [ГАОО. Ф. 45. Оп. 11. Д. 28. Л. 40-41].

Несмотря на единичные негативные отзывы на плодотворную работу молодого ученого в области библиографии на него не мог не обратить внимание совет Одесского библиографического общества, действовавший при ИНУ с весны 1911 г. Председателем и редактором «Записок» общества был известный историк, профессор И. А. Линниченко⁶. 3 октября 1915 г. на пятьдесят девятом заседании общества А. Л. Коцейовский был избран его действительным членом. В этом статусе он выступал с докладами и сообщениями на темы: «Новые русские книги по истории Египта», «Памяти профессора Г. Масперо», «Положение женщины в Древнем Египте», «Упадок египетской цивилизации», «Еврейский вопрос в римские времена» [Зленко, 1986, с. 169].

В это время А. Л. Коцейовский также стал автором нескольких рецензий на труды коллег по истории Востока, опубликованных в изданиях «Гермес» (1913), «Записках Палестинского общества» (1915), «Известиях Одесского библиографического общества при ИНУ» (1915–1916). На страницах последнего издания публиковал рецензии на текущую египтоведческую литературу. В период 1915–1916 гг. им были подготовлены отзывы сразу на пять фундаментальных работ, появившихся в течение 1915 г. Среди них книга популярных лекций и статей французского египтолога А. Морэ «Цари и боги Египта», сборник путевых очерков русского поэта К. Д. Бальмонта «Край Озириса», исследование его учителя Б. А. Тураева «Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных биографий» и труд профессора В. К. Мальмберга «Старый предрассудок. К вопросу об изображении человеческой фигуры в египетском рельефе». С особым энтузиазмом встретил А. Л. Коцейовский труд своего харьковского коллеги Е. Г. Кагарова «Прошлое и настоящее египтологии. От Шампольона к Масперо», в которой по его словам «...основательно изложена история египтологии со времени ее зарождения и до наших дней, представлен перечень значительной части работ по этой области знания и помещен краткий смысл многих из них. Книга является ценным пособием для начинающего египтолога» [Зленко, 1986, с. 169].

Продолжал А. Л. Коцейовский и собственную активную научно-исследовательскую работу. В 1915 г. в сборнике «Древний мир» был опубликован его папирологический очерк «Славословие Озириса» [Коцейовский, 1915], а также вышел ряд газетных публикаций на темы истории праздника Рождества Христова,

⁵ Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920) – историк средневековья и нового времени. Выпускник Московского университета (1883). Преподавал в Московском университете (1892–1897), Нежинском историко-филологическом институте (1897–1898), ИНУ (1898–1906, 1917–1920) и Одесских высших женских курсах (1906–1920). Депутат I Государственной думы (1905–1906). В 1906 г. подписал «Выборгское воззвание», за что был отстранен от преподавания в государственных вузах.

⁶ Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) – историк, специалист по истории России и западных славян, профессор (1895–1920), заведующий кафедрой русской истории ИНУ. Член-корреспондент Санкт-Петербургской АН (1900). Преподаватель учебных заведений Симферополя (1921–1926).

революции в древнем Египте и др. [Кагаров, 1922, стлб. 142]. Главным же научным наследием А. Л. Коцейовского стала магистерская диссертация, основанная на одноименном большом религиозном и заупокойном памятнике египетской письменности – «Тексты пирамид». Отдельным оттиском она была опубликована в 1917 г., а в следующем году в четырнадцатом томе «Записок ИНУ» появился первый том этой работы [Коцейовский, 1917]. Это был первый перевод на русский язык древнеегипетских надписей, оставленных на стенах внутренних помещений пирамид, расположенных в Саккара, некрополе фараонов Мемфиса. До А. Л. Коцейовского надписи изучал француз Г. Масперо, который в 1894 г. опубликовал первый их сборник под заголовком «Надписи пирамид Саккара». В 1908–1922 гг. исследователь К. Зете издал «Древнеегипетские Тексты пирамид» с комментариями и переводом на немецкий язык. При подготовке своего варианта перевода надписей А. Л. Коцейовский провел анализ работ своих предшественников. Так, он указывал, что первый «...оставил без перевода целые разделы, слишком интересные для каждого, кто занимается прошлым человечества», а второй «...отчасти избавил от указанных недостатков» работы Г. Масперо [Зленко, 1986, с. 169]. Но в современной египтологии, при изучении текстов пирамид, это издание до сих пор считается основным. В дальнейшем переводы надписей выходили на французском (Л. Спелерс), английском (С. Мерсер), чешском (Ф. Лекса) языках. Последний перевод текстов пирамид, составлявший 759 разделов и 2291 параграфов, был издан в 1969 г. английским египтологом Р. Фолкнером под названием «Тексты Древнеегипетских пирамид» [Замаровский, 1981, с. 314]. Таким образом, тексты пирамид полностью переведены и изданы на французском, немецком, английском языках. На русском языке, благодаря усилиям А. Л. Коцейовского существует неполная версия перевода. К большому сожалению, труд одесского историка, как и его личность, до сих пор не получили ни должной огласки в научных кругах, ни должной оценки среди специалистов.

«Тексты пирамид» – наибольшее достижение А. Л. Коцейовского в области египтологии, задумывались им как первый том многотомного труда, в последующих томах которого должны были быть опубликованы результаты исследования этих древнеегипетских памятников. В структуре первого тома перевод трехсот надписей занимает лишь малую часть (почти сто страниц) представленной книги. Более трети ее объема занимает вводная статья А. Л. Коцейовского, в которой автор объясняет особенности взглядов древних египтян на значение культа предков, культа умерших царей, излагает причины появления текстов в пирамидах, структуру и характер этих текстов, их значение и критерии определения датирования места создания текстов, их состав. Другая часть объема отведена приложениям, объясняющим суть текстов, как они издавались, переводились, как их читать и понимать, и фотографиям надписей из пирамиды фараона Униса. Значение «Текстов пирамид» А. Л. Коцейовского в том, что он не ограничился переводом, а провел основательное научное исследование этого памятника, используя весь известный на то время материал по вариантам переводов этих текстов и проштудировал мнения европейских исследователей, разрабатывавших эту тему. Для современной исторической науки осуществленный А. Л. Коцейовским перевод текстов пирамид считается специалистами не

сохраняющим своего первоначального значения. Однако не может утратить ценности его желание осуществить первый перевод на русский язык.

В начале сентября 1919 г. А. Л. Коцейовский отправился в Харьковский университет защищать «Тексты пирамид» как магистерскую диссертацию [ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2033. Л. 21]. После успешной защиты 5 сентября 1919 г. и утверждения в степени магистра всеобщей истории [ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1358. Л. 5], возвращаясь в Одессу, ученый заболел сыпным тифом. В начале ноября, мама ученого Анна Михайловна, вызванная телеграммой к сыну, находящемуся на лечении в железнодорожной больнице на станции Знаменка [ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1358. Л. 8], по прибытии туда застала лишь его бездыханное тело. 29 декабря 1919 г. А. Л. Коцейовский умер и был погребен в братской могиле [Кагаров, 1922, стлб. 141]. Печальная весть поступила в Одессу с большим опозданием – месяц спустя. На заседании Совета ИНУ 14 февраля 1920 г. было сообщено о его преждевременной смерти (и. о. ректора ошибочно объявил дату смерти 16 января 1920 г.) [ГАОО. Ф. 45. Оп. 12. Д. 208. Л. 2 об]. Память ученого коллеги почтили минутой молчания.

После появления в Одессе сообщения о смерти А. Л. Коцейовского неизвестный автор некролога в газете «Родное слово», редактируемой с участием писателя-академика, лауреата Нобелевской премии И. А. Бунина, который в то время находился в Одессе, дал очень четкую характеристику его человеческих качеств, которые добавляют штрихи к морально-психологическому портрету ученого и наводят на мысль об их близком знакомстве: «Александр Леопольдович принадлежал к числу тех немногих людей, о которых говорят, что они не от мира сего. Какая-то необычная, сугубо детская не лукавость, отзывчивость, не корыстность – вот грани его кристально честной души, которые бросались в глаза прежде всего» [Зленко, 1986, с. 168].

А. Л. Коцейовский был ученым-интеллектуалом и преданным делу человек, смыслом жизни которого была египтология. Своим примером он доказал, что человек способен на безграничные преобразования и достижения, формирование исторического мировоззрения, интеллектуальной атмосферы, идейных источников, которые питают его творчество. Необходимо только работать над своим сознанием, развивать свою умственную культуру, уважать себя и ценить других. Позволим себе утверждать, что всю свою короткую жизнь А. Л. Коцейовский жил по принципу, что главные изменения происходят в конкретном сознании конкретной личности и что развитие и утверждение гуманного интеллекта – единственный оправданный путь к одухотворению окружающей реальности.

Список литературы / References

- Замаровский В. *Их величества пирамиды*. М.: «Наука», 1981. – 447 с. [Zamarovsky V. *Their majesties pyramids*. Moscow: «Nauka», 1981. – 447 p. (in Russian)].
- Зленко Г. Д. Наполегливий дослідник. *Всесвіт*. 1986. № 5. С. 168–169 [Zlenko G. D. Persistent researcher. *Universe*. 1986. No. 5. Pp. 168–169 (in Ukrainian)].
- Кагаров Е. А. Л. Коцейовский. *Наука на Україні*. 1922. № 1. Стлб. 139–142 [Kagarov E. A. L. Kotsejevsky. *Science in Ukraine*. 1922. № 1. Pp. 139–142 (in Russian)].

- Коцейовский А. Л. Иератическая часть берлинского папируса 3008. Призывания Иси́ды и Нефти́ды. *Записки классического отделения Русского археологического общества*. 1913. Т. 7. С. 133–187 [Kotsejovsky A. L. Hieratic part of the Berlin papyrus 3008. Calls of Isis and Nephthys. *Notes of the Classical Branch of the Russian Archaeological Society*. 1913. Vol. 7. Pp. 133 – 187 (in Russian)].
- Коцейовский А. Л. Славословие Озириса. *Древний мир: Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима*. Ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина. СПб., 1915. С. 1–3 [Kotsejovsky A. L. The Glorification of Osiris. *The Ancient World: A Compilation of Sources on the Cultural History of the East, Greece and Rome*. Eds. Turaev B. A., Borozdin I. N. Saint Petersburg, 1915. Pp. 1–3 (in Russian)].
- Коцейовский А. Соптика за 1912–1915. *Христианский Восток*. 1916. Т. 4. Вып. 2. С. 200–225 [Kotsejovsky A. Coptica for 1912–1915. *Christian East*. 1916. Vol. 4. № 2. Pp. 200–225 (in Russian)].
- Коцейовский А. Л. Тексты пирамид. Т. 1. *Записки Императорского Новороссийского университета. Историко-филологический факультет*. 1917. Т. XIV. 160 с. [Kotsejovsky A. L. Texts of the Pyramids. Part 1. *Notes of the Imperial Novorossiysk University. Faculty of History and Philology*. 1917. Vol. XIV. 160 p. (in Russian)].
- Романова О. О. Історія розвитку єгиптологічних досліджень в Україні. *Східний світ*. 2003. № 4. С. 82–87 [Romanova O. O. History of development of Egyptological researches in Ukraine. *Eastern world*. 2003. № 4. Pp. 82–87 (in Ukrainian)].
- Урсу Д. З історії сходознавства на Півдні України. *Східний Світ*. 1994. № 1–2. С. 140–142 [Ursu D. From the history of oriental studies in the South of Ukraine. *Eastern World*. 1994. № 1–2. Pp. 140–142 (in Ukrainian)].

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-57-64

**ПОЗДНЕЕГИПЕТСКАЯ СТЕЛА ИЗ СОБРАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА**

© 2021

А. В. Хапрова¹**Аннотация**

Статья посвящена стеле ДВ–1070, хранящейся в коллекции Государственного Эрмитажа. Эта практически не изученная известняковая прямоугольная стела со скругленным верхом принадлежит музыкантше Тахару и представляет собой характерный пример позднеегипетской стелы хорошей сохранности. Внутри широкой рамки расположены лунетта, регистр с изображениями, где мы видим хозяйку стелы перед жертвенным столом, приветствующей Ра-Хор-ахти, Хора и Исиду, а также четыре строки надписи; последние при этом занимают примерно равное место. Помимо общей композиции стелы, в статье проанализирован ряд особенностей ее оформления: в частности, детали наряда заказчицы стелы (длинный перекрученный «хвост», спускающийся с пояса, характерный способ изображения благовонного конуса). Текст жертвенной надписи можно назвать стандартным, однако он имеет ряд эпиграфических, грамматических и других особенностей, которые освещены в комментариях. Также разобраны возможные параллели с другими памятниками этого времени на основании имен и титулов заказчицы стелы, ее матери и отца. Хотя точных соответствий выявить не удалось, приведено несколько очень близких примеров, свидетельствующих о том, что лица, упомянутые на этих памятниках, происходили приблизительно из того же социального круга, что и Тахару, отец которой носил титул жреца-хесека (*hsk*), прочно связанный с культом Осириса в Абидосе. Басилеофорное имя ее отца Псамметиха также позволяет определить верхнюю границу датировки стелы как начало 26-й династии (VII в. до н. э.). На время правления этой династии указывает и место эрмитажной стелы в типологии стел Позднего времени, предложенной П. Мунро. В ее рамках рассматриваемый памятник можно с высокой степенью вероятности отнести к типу «Абидос II», к группе G.

Ключевые слова: древнеегипетская стела, известняковая стела, Поздний период, 26-я династия, Абидос, типология стел

Для цитирования: Хапрова А. В. Позднеегипетская стела из собрания государственного Эрмитажа. *Эпиграфика Востока. Эпиграфика Востока*. Т. 36. № 1–2. 2021. С. 57–64. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-57-64

¹ Анна Викторовна Хапрова — студентка магистратуры Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, st054239@student.spbu.ru. ORCID ID: 0000-0002-7420-0457

Anna V. Khaprova — graduate student at the Oriental Faculty of Saint Petersburg State University.

A LATE EGYPTIAN STELA FROM THE STATE HERMITAGE MUSEUM

Anna V. Khaprova

Abstract

The article is dedicated to the stele DV–1070 kept in the collection of the State Hermitage Museum. This almost unexplored limestone rectangular stele with a rounded top belongs to the musician Takharu, being a typical example of a well-preserved Late Egyptian stele. Inside the wide frame, there are a lunette, a register with images, where we observe the stele's owner standing in front of an offering table, greeting Re-Harachte, Horus and Isis, as well as four lines of the inscription; the latter occupy approximately equal amount of space. In addition to the general composition of the stele, a number of smaller details are being analyzed in the article: in particular, the details of the stele's owner's gown (a long twisted "tail" hanging down from the belt, a very characteristic manner of depicting the fragrant cone). The text of the sacrificial inscription can be described as rather standard, though it has a number of epigraphic, grammatical and other peculiarities highlighted in the comments. Possible parallels with other monuments of this time period are also analyzed on the basis of the names and titles of the stele's owner, her mother and father. Although it seems that there are no exact matches, several close examples given in the article indicate that the people mentioned on these monuments came from approximately the same social circle as Takharu herself, whose father bore the title of Heseq priest (*hsk*), associated with the cult of Osiris in Abydos. The basileophoric name of her father Psammetichus also allows us to determine the upper limit of dating for the stele as the beginning of the 26th dynasty (VII century BC). The place of the Hermitage stele within the typology of steles of the Late Time proposed by P. Munro also points out to the time of this dynasty. Within the framework of his typology, the monument in question can be almost certainly attributed to the type "Abydos II", group G.

Keywords: Ancient Egyptian stela, limestone stela, Late Period, 26th dynasty, Abydos, stela typology

For citation: Anna V. Khaprova A Late Egyptian Stela from the State Hermitage Museum. *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2, 2021. Pp. 57–64. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-57-64

1. Общая информация о памятнике

Стела, хранящаяся в Государственном Эрмитаже под инвентарным номером ДВ-1070, была впервые упомянута в каталоге Й. Либляйна [Lieblein, 1873, p. 27, № 50], а затем ее краткое описание было приведено в каталоге В. С. Голенищева [Golénischeff, 1891, p. 155]. О том, кем, где и как памятник был приобретен и как попал в музей, сведений не сохранилось; таким образом, мы можем быть уверены лишь в том, что к 1873 г. стела уже находилась в эрмитажной коллекции. Оба автора каталогов относят ее к Позднему периоду (прим. VII–IV вв. до н. э.) и в качестве места происхождения указывают Абидос. Не считая этих двух крайне сжатых заметок, памятник можно считать практически не изученным.

Это известняковая прямоугольная (42,8 x 29,5 см) стела со скругленным верхом, иероглифической надписью, фигурами божеств и заказчицы; по периметру тонкая линия (илл. 1, 2).

Илл. 1

Фотография стелы ДВ-1070
(Фото А. Н. Николаева)

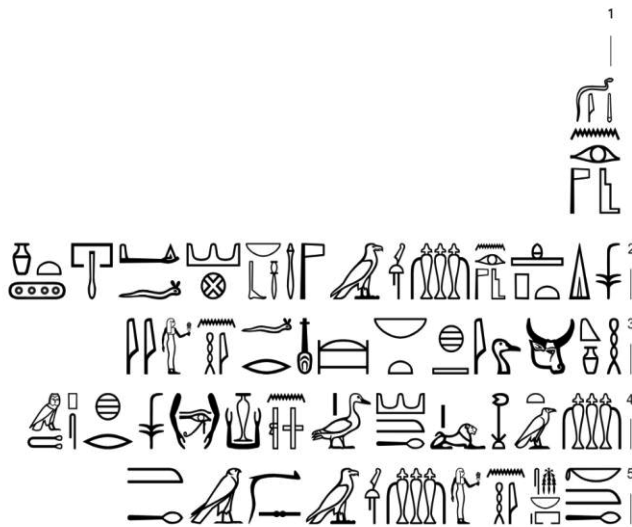
Илл. 2

Фотография текста надписи на стеле ДВ-1070
(Фото А. Н. Николаева)

Врезанные изображения и надписи разбиты на три больших регистра. Лунетта содержит изображение крылатого солнечного диска, двух глаз-уджат и верхней части жертвенника-*htr* (в качестве его основания, таким образом, выступает черта, отделяющая этот регистр от следующего). В среднем регистре сцена с заказчицей, стоящей перед жертвенным столом с согнутыми в почтительном жесте руками, приветствующей Ра-Хор-ахти (стоит на возвышении), Хора и Исида. На голове хозяйки стелы находится благовонный конус в виде треугольника с отходящими от него штрихами. На женщине юбка, спереди которой спускается длинный перекрученный «хвост». На жертвенном столе изображен сосуд (для пива?), четыре круглых лепешки, две птицы (утки?), цветы лотоса, под ним – два сосуда, обвитых растением. Над столом слева находится краткая надпись, относящаяся к заказчице стелы, однако развернутая в другую сторону. Далее следуют фигуры трех антропоморфных божеств, на голове у которых солнечные диски; Ра и Исида в одной руке держат знаки «анх». Нижний, третий регистр на стеле занят четырьмя строками надписи.

Как изображения, так и знаки надписей выполнены минималистично и практически лишены детализации, уровень их исполнения не отличается тщательностью. Состояние памятника удовлетворительное, значительных сколов и потертостей нет.

2. Текст надписей на стеле

Транслитерация:

(1) *ḏd-mdw jn Wsjr*

(2) *ḥtp dj nsw n Wsjr ḥnt.j-imn.tjw ntr-ꜥ3 nb 3ḏwⁱ*

dj=f pr.t-ḥrw t (3) ḥnk.tⁱⁱ k3(.w) 3ḏw(.w) iḥ(.w)tⁱⁱⁱ nb(.w)t krs.t nfr.t

n jḥj(.t)^{iv} (4) ḥnt.j-(imn.tjw) T3-ḥ3rw^v m3^c(.t)-ḥrw^{vi}

s3(.t) n.j jm.j-iz^{vii} ḥsk^{viii} ḥp.t-wd3.t^{ix} ir.j-iḥ(.t)-nsw Pꜥmt(5)k m3^c-ḥrw

msj(.w) n^x nb(.t)-pr jḥy(.t) ḥntj-imn.tjw Ns-Ḥrw m3^c(.t)-ḥrw

Перевод:

(1) Произнесение слов Осирисом.

(2) Жертва, которую дает царь для Осириса, Переднего-среди-Западных, великого бога, владыки Абидоса, (чтобы) дал он выходение голосом (в) хлебе, (3) пиве, быках, птицах, всяких вещах, погребении добром для музыкантши (4) Переднего-(среди-Западных) Тахару, правогласной, дочери советника, жреца-хесека, жреца-хепетуджат, царского знакомого Псаммети(5)ха, правогласного, рожденной госпожой дома, певицей Переднего-среди-Западных Несхор, правогласной.

3. Комментарии к тексту

ⁱ ошибочно вырезан знак N25 вместо N26 при написании топонима 3ḏw

ⁱⁱ необычный вид знака X4 (внутренняя детализация)

ⁱⁱⁱ странная палеография знака X1 t (?) при написании слова iḥ(.w)t

По форме больше напоминает постамент Aa11 .

^{iv} в тексте часто опускается суффикс женского рода .t, даже в iḥ.j(.t) и s3(.t): то, что речь идет о женщине, мы понимаем по изображению владелицы стелы и прочтению ее имени.

^v необычная форма знака M12 *h3*

^{vi} при написании словосочетания *m3^c-hrw* оба раза элемент *m3^c* выписан скорее как знак A15 , чем как постамент A11 .

^{vii} *jm.j-jz* — букв. «относящийся к палате», т. е. служащий; титул может относиться как к жрецу, так и к чиновнику [Wb 1, 73.1; 1, 127.1; Jones, Titles OK, no. 247]

^{viii} *hsk* — жреческий титул, связанный с культом Осириса в Абидосе [Wb 3, 164.1–2]. Подробнее см. [Meulenaere, 1954, pp. 227–228; Leahy, 1977, pp. 210–212].

^{ix} *hp.t-wd3.t* — также хорошо засвидетельствованный жреческий титул [Wb 3, 471.11], очевидно, что в сокращенном варианте, в виде своеобразных «скобок» здесь изображены руки D32 .

^x знак воды (N35) формально выписан после *nb(.t)-pr*, но читать его, видимо, следует перед этим титулом, как датив.

4. Имена собственные на стеле

Что касается имен, то имя владелицы стелы *T3-h3rw/T3-h3r.t* (букв. «Сирийка») [PN, 367:3] хорошо засвидетельствовано и встречается на многих памятниках Нового царства и Позднего времени. Учитывая датировку стелы временем правления 26-й династии (подробнее см. ниже), можно назвать всех шестерых известных женщин того времени с именем *T3-h3r.t*. Они фигурируют на следующих памятниках: стела из Лувра (IM 2856) [Jansen-Winkel, 2014, p. 92, №53.152], два папируса из Лувра (pLouvre E. 2432 и pLouvre E. 7848) [Jansen-Winkel, 2014, p. 237, №53.367; Jansen-Winkel, 2014, p. 565, №57.298], фрагменты картонажа из Музея Восточного института в Чикаго (OIM 5474-9) [Jansen-Winkel, 2014, pp. 991–992, №60.433], стела из Египетского музея в Каире (TN29/10/24/1) [Jansen-Winkel, 2014, pp. 1025–1026, №60.497], деревянная стела из Лейдена (A.H.21) [Jansen-Winkel, 2014, p. 1086, №60.619]. Однако, принимая во внимание имена отца и матери эрмитажной *T3-h3r.t* (см. ниже), можно утверждать, что совпадений нет, и по другим памятникам эта женщина не известна.

Имя ее отца *Pšmtk* [PN, 136:8] базилиофорное и получило распространение со времени правления Псамметиха I (VII в. до н. э.). Полный список известных от 26-й династии людей с этим именем см. в монографии К. Янсен-Винкельна [Jansen-Winkel, 2014, pp. 1225–1226]; точного совпадения в нем также нет. Вместе с тем, показательны два очень близких случая, когда у *Pšmtk*-ов аналогичные титулы. Во-первых, это *Pšmtk* со стелы Музея Гране (Musée Granet 832-1-7) [Jansen-Winkel, 2014, pp. 998–999, № 443]; во-вторых, *Pšmtk* со стелы из Вены (№189) [Jansen-Winkel, 2014, pp. 1003–1004, № 451]. Удивительно еще и то, что жены этих двух *Pšmtk*-ов, каждая из которых теоретически могла бы быть матерью эрмитажной *T3-h3r.t*, занимали одинаковые должности: *jhy(.t) hntj-imn.tjw* «певица Переднего-среди-Западных». Однако у обеих другие имена, что не позволяет отождествить этих *Pšmtk*-ов с отцом эрмитажной *T3-h3r.t*. Вместе с тем подобные близкие соответствия указывают на сходное социальное положение этих семей, живших примерно в одно и то же время в Абидосе.

Имя матери — *Ns-Hrw* — встречается еще пять раз [Jansen–Winkel, 2014, p. 1236]; соответствий титулам «госпожа дома» и «певица Переднего-среди-Западных», как у эрмитажной *Ns-Hrw*, среди них нет.

5. Особенности оформления и датировка

Следует отдельно остановиться на характерных деталях наряда Тахару: способе изображения благовонного конуса на ее голове и длинном перекрученном «хвосте», спускающемся сбоку с ее пояса.

Подобный способ изображения благовонного конуса с отходящими от него линиями (возможно, графическая передача исходящего от него аромата?) встречается и на других стелах этого периода (илл. 3).

Илл. 3

Примеры сходного способа оформления благовонного конуса. В центре стела ДВ-1066 (фото А. О. Большакова), справа – Louvre C 229 (© Musée du Louvre / Maurice et Pierre Chuzeville)

Илл. 4

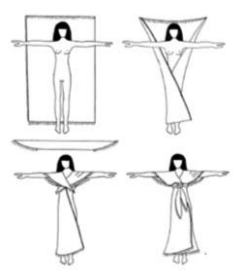
Примеры изображения подобного опоясания, в центре стела EA338 из Британского музея (© The Trustees of the British Museum), справа – Chic.F.M. 31276 [Munro, 1973, Taf. 15 Abb. 53]

Что касается пояса, с ним все, к сожалению, не так однозначно. Можно было бы предположить, что так резчик изобразил бахрому по краю платья (примеры см. ниже – илл. 5– 6), но мы четко видим, что перекрученный «хвост» спускается с пояса, к тому же, не доходя до края платья. Напрашивается предположения, что это вид опоясания, есть сходные изображения на стелах этого периода (илл. 4).

Илл. 5

Примеры изображения бахромы по краю платья, слева стела Louvre E 13073 (© 2000 Musée du Louvre / Georges Poncet), справа – Louvre C 229 (© Musée du Louvre / Maurice et Pierre Chuzeville)

Илл. 6

Схематическое изображение того, как могло носиться подобное платье с бахромой и шалью [Vogelsang-Eastwood, 1995, p. 75]

Следует отметить, что на стеле Ра-Хор-Ахти, изображенный в виде мумии на постаменте, не подписан, и иконографически может напоминать Птах-Сокар-Осириса. На то, что это все же Ра-Хор-Ахти указывают параллели с другими стелами этого периода (например, стела ЕА338 из Британского музея).

В монографии, посвященной стелам Позднего периода [Munro, 1973], П. Мунро была предложена хронологическая классификация абидосских стел на основании их оформления и других особенностей. В рамках этой типологии рассматриваемый памятник можно с высокой степенью вероятности отнести к типу «Абидос II», к группе G [Munro, 1973, pp. 105–107]. На это указывает целый ряд особенностей: широкая рамка, обрамляющая стелу; общая композиция (последовательность *лунетта-изображение-текст*, относительно большой регистр с изображениями, четыре строки текста); содержимое жертвенника с т. н. "абидосской группой символов" ("abydenische Symbolgruppe") под ним (сосуды с умощениями, обвитые водяными лилиями) [Munro, 1973, p. 83]; Ра-Хор-Ахти не один, а в сопровождении Хора и Исиды; способ изображения благовонного конуса и др. [Munro, 1973, pp. 106–107]. Из числа стел, рассмотренных П. Мунро, пример похожего оформления демонстрирует стела ДВ-1066 [Munro, 1973, Taf. 40 Abb. 144].

Такой тип стел П. Мунро датировал VI в. до н. э. [Munro, 1973, p. 105]. Это позволяет нам сузить хронологические рамки для рассматриваемого памятника и считать временем его создания VI в. до н.э. (26 – начало 27 династии), на что, как говорилось выше, указывает и имя отца хозяйки стелы.

Выводы

Таким образом, основываясь на особенностях оформления стелы, удалось вписать ее в типологию П. Мунро и тем самым уточнить датировку памятника. Кроме того, был отмечен ряд особенностей текста надписей, а также необычный способ оформления деталей наряда хозяйки стелы: благовонного конуса и перекрученного «хвоста». По результатам поиска совпадений по именам и титулам упомянутых лиц среди надписей 26-й династии можно сказать, что по другим памятникам они не известны, однако удалось выявить несколько очень близких соответствий, указывающих на людей из того же социального круга.

Список литературы / References

- Golénischeff W. S. *Ermitage Imperial: inventaire de la collection égyptienne*. Leipzig: imprimerie W. Drugulin, 1891.
- Jones D. *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom*. BAR International Series. Oxford: British Archaeological Reports Oxford Ltd, 2000. № 866 (I), Vol. 1. — 1057 p.
- Leahy M. A. *Abydos in the Late Period: an epigraphic and prosopographic study*. Cambridge: University of Cambridge, 1977 — 412 p.
- Lieblein J. *Die ägyptischen Denkmäler in St. Petersburg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen*. Christiania: Gedruckt von A. W. Brøgger, 1873. — 168 s.
- Munro P. *Die spätägyptischen Totenstelen*. Bd. 1– 2. Ägyptologische Forschungen 25. Glückstadt: J.J. Augustin, 1973.

- De Meulenaere H. Une famille de prêtres thinites. *Chronique d'Égypte. Bulletin périodique de la Fondation Egyptologique Reine Elisabeth*. 1954. Vol. 29. Pp. 221–236.
- PN* — Ranke H. *Die Ägyptischen Personennamen*. Bd. 3. Glückstadt: J.J. Augustin, 1977. – 143 s.
- Vogelsang-Eastwood G. *Die Kleider des Pharaos: Die Verwendung von Stoffen im Alten Ägypten*. Hannover/Amsterdam: Kestner-Museum/Batavian Lion, 1995.
- Wb* — Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der Aegyptischen Sprache*. Bd. 1–5. Berlin: Akademie Verlag, 1955.
- Jansen-Winkeln K. *Inschriften der Spätzeit, Teil IV: Die 26. Dynastie*. Bd. 1–2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. – 1268 s.

ТЮРКСКИЙ МИР

=====

TURKIC WORLD

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-65-68

ХАКАСИЯ РАСКРЫВАЕТ НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

© 2021

В. Я. Бутанаев¹

Аннотация

Работа посвящена предварительному описанию новых памятников древнетюркской рунической письменности, найденных в 2015 году на территории Хакасии.

Ключевые слова. Хакасия, древнетюркская письменность, руны, енисейские кыргызы, стелы, плитки для обучения письму.

Для цитирования: Бутанаев В. Я. Хакасия раскрывает новые памятники древнетюркской рунической письменности. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. № 1–2. 2021. С. 65–68. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-65-68

KHAKASSIA REVEALS NEW MONUMENTS OF ANCIENT TÜRKIC RUNIC
WRITING

Victor Ya. Butanaev

Abstract

Work on the preliminary description of the new monuments runic writing yenissey qyrgyz.

Keywords: Khakassia, turc qwriting , runes, yenissey qyrgyz. Steles.

¹ Виктор Яковлевич Бутанаев — доктор исторических наук, профессор Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова (ХГУ им. Н. Ф. Катанова), Абакан, Республика Хакасия, Россия; astaibeg@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-1444-0512

Victor Ya. Butanaev — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Khakass State University named after N. F. Katanov (KSU named after N. F. Katanov), Abakan, Republic of Khakassia, Russia; astaibeg@mail.ru

For citation: Butanaev V. Ya. Khakassia reveals new monuments of ancient Türkic runic writing. *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2, 2021. P. 65–68. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-65-68

Одним из высших достижений культуры енисейских кыргызов является создание рунической письменности. В степях Хакасии сохранилось около сотни памятников «кладбищенской поэзии» VII – IX вв. н. э.

В августе 2014 года при паспортизации памятников древности в долине реки Абакан по заданию Хакасского национального музея (директор А.И. Готлиб) археологами под руководством Ю.В. Тетерина была обнаружена неизвестная ранее стела с древнетюркскими письменами. Она лежала у подножия горы Уйтаг на 64 км с левой стороны по трассе Абакан - Аскиз. Согласно хакасским легендам, гора Уйтаг названа в честь легендарного героя Одженбега, погибшего в битве с врагами в данной степи.

В апреле 2015 года на место расположения находки к подножию горы Уйтаг выехал проф. В. Бутанаев, который осмотрел памятник и выяснил его историческое значение. Последний представляет обелиск с древнетюркскими письменами, поставленный в честь кыргызского героя, жившего в 8–10 вв. н. э. Он относится к очень редким находкам. Подобный памятник письменности, имеющий с двух сторон крупные надписи, на территории Хакасии был обнаружен археологом А. Н. Липским 50 лет тому назад в долине реки Уйбат. Он был прочитан впервые проф. В. Я. Бутанаевым. [Бутанаев. 1973.] Ныне указанная уйбатская сабра (т.е. стела с надписью) находится в Хакасском национальном краеведческом музее.

Девятого июня 2015 г. проф. В. Я. Бутанаев доставил из степи долины Абакана в Хакасский национальный музей эту новую неизвестную ранее каменную стелу с кыргызской рунической письменностью.

Уйтагская каменная стела весит около полторы тонны, длина 2,5 м., ширина 50 см., толщина 46 см. Она сглажена со всех четырех сторон. Этот камень представляет бывшее окуневское изваяние (II тыс. до н. э.) с мало заметной антропоморфной личиной, обрамленной в верхней части солнечными лучами. На вершине памятника виден солярный знак.

В центре передней плоскости стелы имеются две короткие строки одна над второй, перед которыми вырезана тамга в виде двух параллельных изогнутых дуг в виде крыльев, соединенных посередине глубокой линией. Длина линии 10 см., ширина размаха дуг 15 см. Подобные тамги на известных памятниках кыргызской письменности Енисея ранее не встречались. За тамгой следуют две короткие строки, верхняя длиной 22 см., состоит из пяти крупных знаков. Высота рун 5 см. Нижняя строка состоит из трех знаков, длиной 14 см. Руны верхней строки глубоко прорезаны и четко читаются: «Кюнгил ат(ы)», т. е. его имя Кюнгил.

На правой боковой стороне находятся три строки кыргызской письменности длиной 71 см. со знаками, несколько разрушенных временем. Верхняя строка состоит из 22 плохо сохранившихся букв, высотой 4–5 см. Средняя строка состоит из 19 знаков и нижняя из 20 рун. Письменные знаки читаются плохо. В начале первой строки можно прочитать слово «эрдем», т. е. доблесть, затем «эрим» - мой воин и предположительно «адырылдынгыз» - вы отделились (т. е. скончались). В других строках также читаются только отдельные слова (см. приложения).

На обратной стороне памятника, лежавшей ранее лицом на поверхности земли, находятся три строки, расположенные по бокам. Первая строка длиной 60 см. состоит из 11 знаков высотой 4–7 см. (текст «в»). Две другие строки находятся с другого бока. Длина их составляет 120 см., высота знаков 3–4 см.

Кроме уйтагского памятника письменности, в 2015 году на берегу острова Гладкий по реке Енисей на территории Усть-Абаканского района Хакасии была найдена каменная плитка с рунической надписью. Ныне она хранится в национальном краеведческом музее города Абакана. Длина 8 см., ширина 9 см., толщина 1.7 см., длина надписи 6 см., высота букв 1.3–1.7 см. Надпись состоит из пяти хорошо читаемых знаков. Она гласит: «огын йер», т. е. место обучения. По всей видимости, такие плитки применялись в школах, в которых дети обучались кыргызской грамоте.

Хакаские фольклорные материалы донесли до нас память о древнем письме и об учебных пособиях, применявшихся в старинных школьных учреждениях. По поводу обучения грамоте у хакасов бытуют следующие загадки: «пиши-пиши ручка, записанный след (т. е. букву) не испортишь, познавший письмо китайчонок (т. е. ученик) выпущенную стрелу («огын», т. е. знания) не забудет». В других вариантах говорится: «пиши-пиши дощечка для письма, написанный след не испортится, смотревший его китайчонок выпущенную стрелу не забудет». [Бутанаев. 2008. С. 334–335.] В данных примерах слово ручка, дощечка для письма или грифель обозначается по-хакасски словом «пан» и несомненно связано с древнетюркским «бан» - доска (для письма), а второе - «чыны» отождествляется с понятием китаец, что свидетельствует о большом культурном влиянии Китая. Оба термина ныне забыты и сохранились только в указанных загадках.

В 1969 г., при моей работе над прочтением уйбатского памятника письменности в музей зашла пожилая женщина В. И. Марьясова 1917 г. рождения, из деревни Листвягово (по-хакасски «Инзее»). Эта деревня находится в устье реки Туба, впадающей в Енисей под горой Тепсей, как раз напротив острова Гладкий. Она мне поведала невероятную историю. В. И. Марьясова была сама родом из пашенных татар (т. е. оседлых хонгорцев) из княжеского рода кыргыз. На горе Тепсей находилась их родовая пещера. При входе в родовую пещеру с двух сторон, по ее рассказу, стояли каменные львы. Когда ей было лет десять, то ее отец Иван (по-хакасски Хароол) и дедушка Никифор (по-хакасски Чыко) обучали юную Марьясову древней кыргызской грамоте, которая была похожей на знаки уйбатского памятника. Буквы древнего письма были вырезаны у них на серебряных пластинках, аналогичных, как теперь становится ясным, на найденную в этом году плитку. В 1929 г. при раскулачивании зажиточных Марьясовых, ее отец и брат отца спрятали два сундука с серебряными вещами в родовой пещере в горе Тепсей. Вход в эту пещеру они замуровали. Поныне эти серебряные пластинки с письменами находятся там. В ее маловероятный рассказ тогда я не поверил. Но в дальнейшем, при работе с архивными документами, мне встретились сведения о том, что действительно Марьясовы относятся к княжескому кыргызскому роду [ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 11]. Кроме того, в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартянова действительно находятся два каменных льва найденные на горе Тепсей. Необходимо отметить, что на этой горе имеются много надписей древнетюркского рунического письма, прочитанные тюркологом С.Г. Кляшторным.

Вполне возможно, исходя из указанных сведений, что знание древнетюркского рунического письма сохранялось у кыргызской аристократии вплоть до вхождения Хонгорая (Хакасии) в состав России. Например, в 1701 г. при заключении мира с Российским государством хакасские князья составили договор «за их татарским письмом», которое было непонятно русским переводчикам. К началу XVIII в. в делах Красноярской воеводской канцелярии накопилось кыргызских «одинадцать писем, которые писаны на бумаге, да одно письмо на бересте, а подлинно оных писем перевести на русское письмо в Красноярске некому» [Бутанаев. 1990. С. 24]. К большому сожалению, Красноярская канцелярия в 1705 г. сгорела.

В целом надписи новой стелы с Уйтага читаются очень плохо. Чтение и перевод этого памятника древнетюркской письменности ждут ученых тюркологов.

Список литературы / References

- Бутанаев В. Я. *Новая Уйбатская сабра. Ученые зап. ХакНИИЯЛИ*. Абакан, 1973. вып. 18, сер. фил. №2. с. 149–153 [Butanaev V. Ya. *New Uybat sabra. Scientists app. HackNIIYALI*. Abakan, 1973. 18, ser. Phil. 2. pp. 149-153 (in Russian)].
- Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVII – XIX вв. Материалы к серии «Народы Советского союза». Вып. 3. Хакасы. М., 1990. [Butanaev V.Ya. *Ethnic history of the Khakas XVII - XIX centuries. Materials for the series "Peoples of the Soviet Union". Issue 3. Khakass. M., 1990 (in Russian)*].
- Бутанаев В. Я. *Степные законы Хонгорая*. Абакан, 2004. [Butanaev V. Ya. *Steppe laws of Hongoray*. Abakan, 2004. (in Russian)].
- Бутанаев. В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. [Butanaev. V. Ya., Butanaeva I. I. *The world of Khongor (Khakass) folklore*. Abakan, 2008. (in Russian)].
- Государственный архив Красноярского края. (ГАКК). Ф. 303. Оп. 1. Д. 11. [State Archives of the Krasnoyarsk Territory. (GACK). F. 303. Op. 1. D. 11. (in Russian)].

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-69-75

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ И ТАМГА СТРЕЛЫ МОГИЛЬНИКА УЙТАГ¹

© 2021

Д. Д. Васильев²

Аннотация

В Аскизском районе Республики Хакасия в урочище Уйтаг археологами найдена стела с тюркскими руническими надписями на вертикальных плоскостях и на ее вершине. Поверхность каменной стелы значительно разрушена, и текст восстанавливается с трудом. Работа по реконструкции надписи в настоящее время завершается. Внимание привлекает необычная родоплеменная тамга, которая имеет аналоги в китайских источниках по истории енисейских кыргызов. Такого типа памятники из числа хранящихся в музеях Абакана и Минусинска, составившие в прошлом лучшие образцы тюркской руники енисейских кыргызов, не обнаруживались здесь археологами уже на протяжении почти столетия.

Ключевые слова: Тюркская руника Енисея, енисейские кыргызы, родовые тамги тюрков Южной Сибири, китайские источники по истории тюркских кочевников, Хакасский национальный краеведческий музей, Эпиграфическая экспедиция ИВ РАН.

Для цитирования: Васильев, Д. Д. Тюркская руническая надпись и тамга стелы могильника Уйтаг. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. № 1–2. 2021. С. 69–75. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-69-75.

TÜRKIC RUNIC INSCRIPTION AND TAMGA OF THE STELE OF THE UYTAG BURIAL GROUP

Dmitry D. Vasilyev

Abstract

A new stone stele with Turkic runic inscriptions was found at Uytag, Askiz region, Republic of Khakassia. The surface of the stele is heavily damaged, and it's difficult to reconstruct the full text on it. Now the work on reconstruction of the stele is going to be finished. Unusual tribal tamga, that has parallels in the Chinese sources on the history of

¹ Статья вышла в журнале «Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова». Абакан, 2016, № 16. С. 11 – 34.

² Васильев, Дмитрий Дмитриевич (1946–2021) – профессор, руководитель Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, к.и.н., вице-президент Общества востоковедов РАН, член-корреспондент РАН.

Vasilyev, Dmitry D. (1946–2021) – professor, Head of the Department of Orient History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, PhD in History, Vice-President of the Society of Orientalists of the Russian Academy of Sciences (RAS), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS).

Yenissei Kirgiz tribes, draws attention. Monuments of such type, from the number of the best examples of Oldturkic runic of ancient Kirgiz tribes, from the museums of Abakan and Minussinsk, haven't been discovered here by archeologists for almost 100 years.

Keywords: Old Turkic Runic Inscriptios, Yenissey Kirgiz, Tribal Tamgas of Turks of Southern Siberia. Chinese Sources on History of Turkic Nomads, Khakassia State Local History Museum, Epigraphical Expedition of the Institute of Oriental Studies of RAS

For citation: Vasiliev, D. D. Türkic runic inscription and tamga of the stele of the Uytag burial ground. *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2. 2021. P. 69–75. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-69-75.

Находку каждого нового памятника тюркской рунической письменности можно считать важным событием в тюркологии. Это относится даже к самым кратким посетительским надписям или меткам принадлежности на бытовых предметах. Поскольку каждый новый становится не только письменным источником, но и артефактом, свидетельствующим о культурном уровне раннесредневековых тюркоязычных кочевников и распространении грамотности в их среде и повседневной практике.

Памятники тюркской руники, составившие уникальные коллекции музеев Минусинска, Абакана, Кызыла имеют мировую известность и привлекают внимание исс ледователей уже почти 200 лет. С тех пор, как их зарисовки появились в журнале Г.И.Спасского в 1818 г. Поэтому новая находка стелы с пространной надписью в несколько строк несомненно является крупным научным открытием ученых Хакасии. Археологическая экспедиция Хакасского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в осенью 2014 г. проводила археологические работы на территории Усть-Абаканского, Аскизского районов, вдоль автотрассы Абакан – Аскиз Республики Хакасия. Работы проводились на основании открытого листа, выданного В.С. Зубкову. В проведении полевых работ также принимали участие Балахчин В.П., Плинта Т.А., Тетерин Ю. В.

Могильник Уйтаг-10 расположен на степном участке современной пашни, в 6 км юго-восточнее села Усть-Камышта. Он включает 9 курганов, расположенных двумя группами по линии с юго-запада на северо-восток. В 50 м к северу от юго-западной группы курганов обнаружена перемещенная каменная стела, предположительно окуневского времени.

Стела прямоугольной формы с немного расширяющимся нижнем концом, размерами 2,5х0,65х0,5 м. Камень тщательно обработан, угловые грани сглажены. На всех четырех плоскостях стелы просматриваются рунические письмена, на одной из сторон в нижней части памятника высечены две тамги. Форма камня, личина и солярный знак на лицевой стороне позволяют предположить, что стела относится к окуневской археологической культуре (18–13 вв. до н. э.) и была использована в более позднюю эпоху для нанесения надписей (8–9 вв. н. э.).

Стела вывезена в июне 2015 г. В. Я. Бутанаевым, (которому принадлежит первая информация о находке) при содействии местной администрации в Хакасский национальный краеведческий музей, где памятник установлен в

экспозиции. С разрешения директора музея А. И. Готлиба памятник был обследован Эпиграфической экспедицией Института востоковедения РАН, скопирован автором статьи с помощью А. Д. Васильева в августе этого года.

На всех четырех плоскостях и на вершине стелы прослеживаются восемь (или, возможно, - девять, что трудно определить из-за разрушений поверхности камня) строк рунических надписей, по стилю нанесения и графике характерных для эпиграфических памятников енисейских кыргызов. Значительные разрушения поверхности камня затрудняют полную реконструкцию текста. Тем не менее, фрагменты надписи поддаются чтению и работа по восстановлению композиции и порядка чтения строк близка к завершению.

На плоскости, условно обозначенной нами, как «Южная», имеются две короткие вертикальные строки, ниже которых высечены две тамги.

Нижняя нанесена, по-видимому, позже верхней и является более поздним дополнением, так как композиционно она несколько сдвинута от центра плоскости. Верхняя - имеет вид двух параллельных изогнутых дуг, соединенных посередине осевой линией. Длина линии 10 см., ширина размаха дуг 15 см. Подобные тамги на известных памятниках кыргызской письменности Енисея ранее не встречались. Однако, по замечанию В. Я. Бутанаева, они до сих пор бытуют среди тюркских родоплеменных тамговых знаков. Аналогичные родовые тамги под названием «харахус танма» - т.е. орлиная тамга имела у сеоков кеджин (букв. беркут), бельтыр (букв. метисы), чыстар (букв. черневые) и под названием «пага танма», т.е. лягушечья тамга у сеоков хобый и сайын. [Бутанаев, тамги № 390 – 416].

Ю. А. Зуев в своей работе «Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао)» дает таблицу тамг [Зуев, 132].

А. Е. Рогожинский провел сверку издания Ю. А. Зуева с оригинальными изображениями в виде таблицы [Рогожинский, 2012, С. 99, табл. 3, стк. 1]. Еще одна таблица приводимая Рогожинским А.Е. также представляет интересные аналоги [Рогожинский, 2013. № 3. С. 239, рис. 6, стк. 1]. Ю. А. Зуев, опубликовавший этот источник в 1960 г., пользовался изданием «Тан хуэй яо» 1955 г., но казахстанский археолог А.Е. Рогожинский недавно сличил его с изданием 1884 г. и обнаружил ряд несоответствий в публикации Ю. А. Зуева - они вызваны как расхождением в самих изданиях источника (например, в издании 1955 г. изображения просто использован иероглиф чу 出), так и типографскими проблемами при издании таблицы знаков к статье Ю.А. Зуева.

Аспирант Института востоковедения РАН В. В. Тишин обратил мое внимание на то, что возможные аналоги этой необычной кыргызской тамги могут быть обнаружены в китайских источниках. И действительно - в обеих таблицах, приводимых А. Е. Рогожинским, первым пунктом обозначено племя *цзе-гу* (киргут по Ю. А. Зуеву). Там приводятся варианты изображения тамг в "Тан хуэй яо" по изданиям 1884 и 1955 гг., а также включена таблица из работы Ю. А. Зуева. Верхняя тамга, интерпретацию которой по В. Я. Бутанаеву мы привели выше, на новонайденной стеле имеет полное сходство с известной из цз. 72 "Тан хуэй яо" тамгой племени *гэ-гу* (вар. *хэ-гу*) 紇骨, чье название является передачей этнонима *кыркыз* (< **yat*-**kuət* < **γīr*/**īr* - **qur*/**qut*/**quz*). Такая транскрипция наряду с

другими вариантами фигурирует в источниках суйско-танской эпохи (подробнее об этом транскрипционном варианте см., напр., статью С. Е. Яхонтова Древнейшие упоминания названия «киргиз». [Яхонтов, С.110-120]. Вероятно, сходство мнимое и базируется на чисто формальных признаках, но сам факт совпадения форм, не имеющей аналогов среди других тамг, зафиксированных в "Тан хуэй яо", наверное, может быть очень интересным. Подобное упоминание в китайских источниках тамги, обнаруженной на новонайденной стеле, позволяет предположить, что памятник принадлежит представителю высшей знати енисейских кыргызов и повествует о подвигах военачальника, известного далеко за пределами родовых территорий.

Выше тамг, на этой же плоскости, отчетливо видны две строки рун и в верхней части стелы прослеживаются следы третьей, уходящей на вершину стелы, строки.

На правой, «Восточной» плоскости, почти по всей ее длине, глубокими резами нанесены три строки текста, прерывающиеся в центральной части обширной лакуной из-за разрушения поверхности камня. Несмотря на разрушения, уцелевшие фрагменты надписи позволяют предложить достаточно надежное чтение отдельных слов.

На «Северной» плоскости нанесены три строки, которые также прослеживаются почти по всей длине стелы и отличаются наиболее крупными по размеру рунами (наиболее крупные – до 10 см высотой). Одна из трех строк отделена от двух других, по-видимому, для того, чтобы сохранить слабо различимые более древние рельефы «окуневской» стелы в ее центральной части.

В ходе обследования памятника, уже установленного в экспозиции музея, на закругленной вершине стелы нами была обнаружена еще две строки рун, начало и окончание которых разрушены в результате повреждения поверхности камня. Не исключено, что одна из этих строк является продолжением нанесенной на одной из вертикальных плоскостей стелы.

Наиболее сохранившиеся фрагменты надписи находятся на той плоскости, где нанесена тамга и на противоположной. Поверхность камня подверглась значительным разрушениям и поэтому полное воссоздание текста еще не завершено. Реконструкцию текста пока только на этих двух плоскостях и вершине, транслитерацию и предположительные переводы я предлагаю вниманию читателей (илл.1).

Транслитерация:

1. köŋ(ü)l (a)tı
2. tunč(u)g ög(ä)

1. ... šant(u)ŋ : bökm(ü) š (ü)m
2. ...a : (a)nt(a) šu ant(a) šar(ı) tuğ (a)rtu

1. qujda : qunč(u)jm(a) : özde oğl(ı)m(qa) : bökm(e)d(i)m

2. (e)r (e)rd(e)mi : turm(1)š : (a)ğumd(a) oq : b(e)g(i)m : äs(i)z(i)me :
bökm(e)d(i)m: ä
3. q(a)č(1)š(e)l(i) on j(a)š(1)mqa : (e)rd(e) (e)rti
1. (a)d(a)jt(1)m : äs(i)z(i)me

Перевод:

1. Его имя Кёнгюль («Сердце» или «Мысль»)
2. Покойся, мудрец!

1. Я наслаждался Шаньдунской равниной
2. ...там... тогда...он выделил (отдельно водрузил) желтое знамя

1. Я в жизни не наслаждался моим сыном и моими знатными женщинами в покаях
2. Он утвердил свою геройскую доблесть. Я не наслаждался, Увы! Вами, мой Бег, стрела в сетях (в ловушке).
3. Страна распрей. (Уже) к десяти годам геройства совершал (героем был).

1. Увы, дитя мое!

tunčig ögä – здесь *ögä* – «мудрый», часто употреблялось как составная часть титула, например: *ögä buyuq; tunčig* – «погружаться в спячку, покоиться». Употребление именно этого слова, передающего зимнюю спячку животных, может отражать представление о загробной жизни, где герой, которого снарядили в дорогу пищей, необходимыми предметами, оружием, пробудившись, обретает новое существование.

šantung – Шаньдун (именно так, «Шаньдунская равнина» термин передан в надписи в честь Кюль-тегина и здесь можно предположить то же более пространное географическое определение пункта похода, где было водружено знамя).

šari tuğ – Предполагая чтение *šari tuğ* – желтое знамя, сталкиваемся с некоторой проблемой, поскольку известно, что боевое знамя кыргызов в своей нижней части было красного цвета. О других присутствующих на знамени кыргызов цветах не сообщается. Возможно, помимо общей детали в нижней части знамени были и родовые цветовые обозначения.

artu – отдельно выделил. Известна угроза кыргызского правителя уйгурскому: «Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя» [Бичурин, т.1, с. 355]

özdä - в себе, в собственном бытии. Смысловое значение, по-видимому, - в жизни

kačiš eli – страна распрей, распадающееся государство.

on yaşımqä erde erti -к десятилетнему возрасту был (отмечен) в геройстве
bökmēdim – не насытился, не наслаждался.

В отношении, так называемого «клише» *bökmēdim*, являющегося почти неизменным атрибутом древнетюркских эпитафий, О. А. Мудрак, в недавно

опубликованной статье, [Мудрак, 2016, с. 30–37]. предлагает отказаться от ставшего традиционным после переводов В. В. Радлова, С. Е. Малова «не насладился» и обращает внимание на дословный перевод «не был невнимательным». Мне представляется, что предлагаемый вариант является усложненным и надуманным (особенно в сочетании «я не был невнимательным к моим кобылицам») на фоне кочевой этики, где благодарность выражается понятием насыщения. В тюркских языках, не подверженных исламскому влиянию, выражение, дословно переводимое как «я наелся, я сыт» соответствует понятию благодарности и не только после трапезы. Двойное отрицание также логически усложняет содержание «кладбищенской поэзии» (по выражению С. Е. Малова), где обычно повествуется о совершенном. Полное насыщение, связанное с плотским наслаждением, к тому же, в большей степени соответствует категориям средневековой культуры и (по нашим полевым наблюдениям) менталитету кочевников, порожденному повседневностью кочевого образа жизни и восхищением мощью батыров. Приводимый в статье монгольский пример «наедаться до отвращения», в соответствии с традицией гостевого этикета в кочевом обществе не имеет негативного значения и может быть скорее сопоставлен в русском «наесться до отвала».

aǵu(i-?)mda oq... – стрела в сетях (в ловушке) - здесь можно допустить небрежное написание знака, соответствующего одновременно близким по числу графических элементов двум знакам *u* / *i*, или возможное орфографическое нарушение. Речь идет, по-видимому, о некоем трагическом эпизоде, где оружие и доблесть героя оказались бессильными.

Находка подобного эпитафического памятника древнетюркской руники с достаточно пространной надписью, состоящей из нескольких строк на трех плоскостях и вершине, может считаться выдающимся явлением в тюркской рунологии последних лет. Такого типа памятники, из числа хранящихся в музеях Абакана и Минусинска, составившие в прошлом лучшие образцы тюркской руники енисейских кыргызов, не обнаруживались здесь археологами уже на протяжении почти столетия.

Список литературы / References

- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.-Д., 1950 [Bichurin, N. Ya. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times, M.-D., 1950 (in Russian)]
- Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая, Абакан, 2004. тамги № 390–416. [Butanaev V. Ya. Steppe laws of Khongoray, Abakan, 2004. Tamga No. 390–416. (in Russian)]
- Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао) (В кн.: Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960 (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. VIII)) [Zuev Yu. A. Tamgas of horses from vassal principalities (Translation from the Chinese composition of the VIII-X centuries. Tanghuyao) "(In the book: New materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan. Alma-Ata:

- Publishing house of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1960 (Proceedings Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Vol. VIII)) (in Russian)]
- Мудрак О. А. К значению одного клише. «Российская тюркология», №2(13). 2016, М.-Казань. [Mudrak O. A. To the meaning of a specific traditional phrase in the Yennisei inscriptions. "Russian Turkology", no. 2 (13). 2016, M.-Kazan. (in Russian)]
- Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения. Историко-культурное наследие и современная культура. «Тарихи-мәдени мұра және заманауи мәдениет» халықаралық ғылыми-тәжірибелік семинарының материалдар жинағы. Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» [30 ноября 2012 г. Алматы, 2012]. Алматы: Service Press, 2012. [(in Russian)]
- Рогожинский А.Е. Проблемы изучения достоверительных знаков средневековых кочевников Казахстана. Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общ. и гум. наук. 2013. № 3. [Rogozhinsky A. Ye. Tamgas-petroglyphs of medieval nomads of Kazakhstan: results of the latest research and prospects for further study. Historical and cultural heritage and modern culture. "Tarihi-medeni mura zhane zamanaoui madeniet" scientific and practical seminar "Historical and cultural heritage and modern culture" [November 30, 2012 Almaty, 2012]. Almaty: Service Press, 2012. (in Russian)]
- Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз», "СЭ", 1970, № 2. [Yakhontov S.E. The earliest mentions of the name "Kyrgyz", "SE", 1970, no. 2. (in Russian)]

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-76-82

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ТАТАРСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ Г. КАЗАНИ

© 2021

А. М. Гайнутдинов¹**Аннотация**

Статья посвящена изучению эпиграфических памятников XIX–начала XX вв., сохранившихся на татарских некрополях г. Казани. Как исторический источник эти надмогильные камни играют важную роль в изучении истории, культуры и языка татар, поскольку содержат информацию, которую невозможно получить из других исторических источников. С целью выявления сохранившихся исторических надгробий в апреле-июне 2017 г. автор провел исследование трёх старинных татарских кладбищ, находящихся в Адмиралтейской, Пороховой и Ново-Татарской слободах Казани. Они являются местами упокоения многих известных сынов и дочерей татарского народа. Здесь похоронены видные педагоги, просветители, купцы, общественные деятели, внесшие значительный вклад в развитие татарской нации. Эти кладбища в разное время становились объектами внимания некоторых исследователей, но никому не удавалось изучить там все памятники, имеющие историческое значение. Всего во время обследования данных некрополей автором было выявлено свыше 1 500 памятников XIX–начала XX вв., тексты которых написаны на арабской графике. В статье анализируются и описываются самые ранние надмогильные камни. Новизна исследования заключается в том, что арабографичные эпиграфические памятники, сохранившиеся на исторических кладбищах г. Казани, представляют собой большую научную ценность и некоторые примеры этого эпиграфического наследия впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: татарская эпиграфика, Институт истории им. Ш. Марджани, надмогильные камни, эпитафии, памятники, историко-культурное наследие.

Для цитирования: Гайнутдинов А. М. Результаты исследований татарских некрополей г. Казани. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. № 1–2. 2021. С. 76–82. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-76-82

¹ Айдар Марселевич Гайнутдинов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: aydargm@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-7119-8830.

Aydar M. Gainutdinov — candidate of philological Sciences, senior researcher the Institute of history Sh. Mardzhani, e-mail: aydargm@yandex.ru.

RESULTS OF STUDIES IN MUSLIM NECROPOLIS IN KAZAN

Aydar M. Gainutdinov

Abstract

The article is devoted to the study of epigraphic monuments preserved on the territory of Kazan. As a historical source, they play an important role in the study of the history, culture and language of the Tatar people, since they contain information that cannot be obtained from other historical sources. In order to identify the surviving historical gravestones in April-June 2017, the author conducted a study of three ancient Tatar cemeteries located in the Admiralteyskaya, Porokhovaya and Novvo-Tatar settlements of Kazan. They are the resting places of many prominent, sons and daughters of the Tatar people. Here are buried prominent teachers, educators, merchants, public figures who made a significant contribution to the development of the Tatar nation. These cemeteries at different times became the object of attention of some researchers, but no one was able to study all the monuments of historical importance. In total, during the survey of this necropolis, the author identified over 1,500 monuments, from the beginning of the 19th century. through 1929 inclusive. The article analyzes and describes some of the early epigraphic monuments. The novelty of the research lies in the fact that the epigraphic monuments preserved in the cemeteries of Kazan are of great scientific value and some examples of this epigraphic heritage are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Tatar epigraphy, Institute of History. Sh. Mardzhani, gravestones, epitaphs, monuments, historical and cultural heritage.

For citation: Aydar M. Gainutdinov. Results of studies in muslim necropolis in Kazan. *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2. 2021. P. 76–82. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-76-82

В последние годы интенсивность эпиграфических исследований в Татарстане выросла. Они осуществляются сотрудниками Национальной библиотеки РТ, Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. С 2015 г. ежегодные эпиграфические экспедиции в районы республики организует Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. За истекший период в ходе обследования сельских кладбищ нами было выявлено 1288 эпиграфических памятников в Арском, 1367 – в Атнинском, 384 – в Зеленодольском районах РТ.

Одновременно осуществлялось исследование мусульманских некрополей Казани, до настоящего времени должным образом не изученных. С целью выявления сохранившихся исторических надгробий в апреле-июне 2017 г. мы провели обследование трёх старинных мусульманских кладбищ.

Целью настоящей работы является изучение мусульманских эпиграфических памятников г. Казани для выявления богатого историко-культурного наследия татарского народа. Основные задачи заключаются в том, чтобы дать общую характеристику мусульманских некрополей, произвести подсчет памятников XIX – начала XX вв.

Первым подверглось изучению кладбище Адмиралтейской слободы (по татарски «Бишбалта»). Отдельные авторы почему-то относят его к эпохе Казанского ханства, однако объективные факты не подтверждают данное предположение.

Как топографический объект кладбище присутствует на картах Казани с конца XVIII в., однако самые ранние из сохранившихся на нем памятников по внешним признакам и палеографическим особенностям можно отнести к середине XIX в. Все надгробия сохранились лишь фрагментарно, поэтому определить точные даты их установки не представляется возможным. Самое старое надгробие с точной датировкой относится к 1910 г., установленное некой женщине с фамилией Гимранова (илл. 1). Ниже приводим его полный текст:

Лицевая сторона (врезная надпись):

...
 عمرانیہ
 ۴ نچی یاشنده
 ۱۳۳۹ سنه هجرییه
 رجب ۲۷ نده
 وفات شفاعتچی
 اولسون

«...»

- 1) Гыймранийә
- 2) 4 нче йәшендә
- 3) 1339² сәнә һижрийә
- 4) рәжәб 27 ндә
- 5) вафат шәфәгатьче
- 6) улсун».

Правая сторона (врезная надпись):

۱۹۱۰ سنه رومییه اپریل

«1910 сәнә румийә апрел...».

Левая сторона (врезная надпись):

... باقچاسی بولسون

«... бакчасы булсун».

Перевод на русский язык:

Лицевая сторона: «... Гимранова на 4-ом году жизни скончалась в 1339 году по хиджре 27 числа месяца раджаб. Пусть будет заступником [за родителей]».

Правая сторона: «В апреле 1910 года...».

Левая сторона: «Пусть [его могила] будет садом [рая]».

Размеры памятника: 60x33x17.

В общей сложности на кладбище Адмиралтейской слободы были обнаружены 25 каменных надмогильных плит, включая фрагменты. Результаты обследования

² В тексте имеется ошибка, т.к. 1339 г. по хиджре относится не к 1910, а к 1921 г.

кладбища представлены в книге «Казанның Бишбалта бистәсе эпиграфик истәлекләре», вышедшей отдельным изданием в 2018 г.

Другим объектом изучения стало кладбище Пороховой слободы Казани, которое ранее в литературе практически не упоминалось. Сама слобода появилась в конце XVIII века, после основания в 1788 г. Казанского порохового завода. В числе работников завода были и татары, которых в первой трети XIX в. стали хоронить на отдельном кладбище.

Во время обследования данного объекта были выявлены 146 древних надгробий, самое раннее из которых относится к 1841 г. Текст эпитафии на памятнике гласит(илл. 2.):

روميه برله ن منك ده سكر يوز قرق
برنجی یلده عنوارنك توقزنجی كونی
احمدی عبد الرحيم او علی قرق یاشنده
دار فنادان دار بقایه واصل اولدی

- 1) «Румиййә берлән мендә сигез йөз кырык
- 2) беренче йылда гыйнварның тукузынчы көне
- 3) Әхмәди Габдеррәхим углы кырык йәшендә
- 4) дарә фәнадан дарә бәкайә васыйл улды».

Перевод на русский язык:

«По европейскому летоисчислению девятого января тысяча восемьсот сорок первого года Ахмади сын Габдурахима в возрасте сорока лет переселился из тленного мира в вечный мир».

Размеры памятника: 55x33x14. Текст имеется только на лицевой стороне. Надпись врезная.

После обработки собранных материалов в 2019 г. нами был подготовлен каталог с описанием всех надмогильных плит Порохового кладбища, представляющих научный интерес.

Третьим мусульманским некрополем, обследованным в 2017 г., стало знаменитое кладбище Ново-Татарской слободы. Оно возникло в конце XVIII века, после выхода указа сенатского указа 19 мая 1772 г., запретившего устраивать места упокоения умерших ближе 100 саженей от жилых строений. Первым известным попечителем Ново-Татарского кладбища в 1875 г. стал Мухаметзян Ибнеяминович Галеев – отец известного богослова, педагога и общественного деятеля Галимджана Баруди. После него, с 1909 по 1917 гг. попечителем был его сын Газизжан Мухаметзянович Галеев [Липаков, Афонина, 2005, с. 46–48]. На сегодняшний день это – наиболее известное и почитаемое татарское кладбище в мире. Площадь его составляет 26,4 гектара.

Ново-Татарское кладбище Казани в разное время становилось объектом внимания исследователей. Непосредственно арабографичные памятники изучал известный археограф М.И.Ахметзянов. В одной из его книг приведены описания 136 памятников, выявленных им во время эпиграфических экспедиций 1983, 1984 и 2003 гг. [Әхмәтжанов, 2016, с. 7–32]. Изучением данного исторического некрополя

занимался и эпиграфист И.Г.Хадиев. В начале 1990-х гг. он обнаружил и зафиксировал памятник 1803 г., установленный на могиле Мухиббы, дочери Гайсы [Хадиев, 1994, № 4, с. 57]. К сожалению, во время нашего обследования некрополя в 2017 г. памятник не был обнаружен. По всей видимости, он безвозвратно утрачен. На памятнике содержалась следующая надпись:

من هجرة النبي عليه السلام
منكده ايكي يوز اون يتنجي يلده مرحوم
مصطفى خلالي محبه عيسى قزى
اوتوز بيش ياشنده ماه ذوالحجه نك اون برنده
دار الفنادان دار البقايه كوچدى نور الله تعالى قبره

- 1) «Мин һижратин-нәбии галәһһис-сәләәм
- 2) мендә ике йөз ун йитенче йылда мәрхүм
- 3) Мостафа хәләле Мөхиббә Гайсә кызы
- 4) утуз биш йәшендә маһе зөлхижжәнең ун берендә
- 5) дарел-фәнадан дарел-бәкайә күчде нәүвәра-ллаһү Тәгааләә кабраһ»

Перевод на русский язык:

В одиннадцатый день месяца зульхиджжа тысяча двести семнадцатого года по хиджре (после переселения пророка (мир ему)) жена покойного Мустафы – Мухибба дочь Гайсы – в возрасте тридцати пяти лет переселилась из тленного мира в вечный мир. Пусть Всевышний Аллах освятит его могилу».

Почему-то последнее слово на памятнике написано с окончанием, употребляемым по отношению к мужскому полу (не её, а его). Возможно, ошибку допустил мастер-резчик или же эпиграфист, который прочитал и опубликовал данный текст. Если же дата на надгробии была прочитана правильно, оно может считаться самым ранним из выявленных эпиграфических памятников Ново-Татарского кладбища.

Всего во время обследования данного некрополя было выявлено 1430 памятников, с начала XIX в. по 1929 г. включительно. Анализ собранных материалов позволил установить имена 1332 человек, похороненных в этот период. Еще около 100 памятников не удалось идентифицировать, т.к. они сохранились лишь фрагментарно. Не исключено, что отдельные сохранившиеся надгробия не были обнаружены, т.к. оказались погребены под слоем земли или мусора. В то же время были выявлены надгробия (в т.ч. педагога Шахбаз-Гирея Ахмерова, купца Ибрагима Юнусова и др.), которые историки Е.В. Липаков и Е.В. Афонина упомянули в своей книге как утраченные [Липаков, Афонина, 2005, с. 76].

Самый ранний памятник, обнаруженный на кладбище Ново-Татарской слободы установлен Юсуфу сына Бикбау (илл. 3), скончавшемуся в 1813 г. Текст эпитафии на памятнике гласит:

قال الله تبارك و تعالى كل من عليها
فان و يبقى وجه ربك ذو الجلالى و الاكرام
كل نفس ذائقة الموت قال النبي عليه

السلام الدنيا مزرعة الآخرة منكده ايكى يوزده
يكرمى طوقزنچى يلده ماهى محرم ننگ طوقزنچى كوننده يوسف بيكباو
او على ايللى التى ياشيده دار بقايه نقل ايتدى رحمتو الله عليه رحمة واسعة

- 1) «Каалэ-ллааһү Тэбээрәкэ вэ Тэгаалэә күллү мән галәйһәә
 - 2) фәән вэ йәбкаа вәжһү Рәббикэ зүл-жәләәли вәл-икраам
 - 3) күллү нәфсиң зәәыкатүл-мәүүт каалән-нәбии галәйһ-
 - 4) –ис-сәләәм әд-дүнийәә мәзрагатүл-әәхыйраһ меңдә ике йөздә
 - 5) йегерме туказынчы йылда маһи мөхәррәмнең туказынчы көнендә
- Йосыф Бикбау
- 6) углы илле алты йәшидә дарел-бәкайә нәкыль итде рахмәтү-ллааһи галәйһи рахмәтән вәәсигәһ».

Перевод на русский язык:

«Сказал Всевышний Аллах: “Все на ней (земле) смертны. Вечен лишь Лик Господа твоего, обладающий величием и великодушием”. “Каждая душа вкусит смерть”. Сказал пророк (мир ему): “Этот мир – наша загробной жизни”. В девятый день месяца мухаррам тысяча двести двадцать девятого года [по хиджре] Юсуф сын Бикбава в возрасте пятидесяти шести лет переселился в вечный мир. Пусть ему будет обширная милость Аллаха».

Кладбище Ново-Татарской слободы – место упокоения многих видных сынов и дочерей татарского народа. Помимо памятников Ш. Марджани, Г. Баруди, Г. Тукая, К. Насыри, Ф.Амирхана и других известных личностей, чьи имена у всех на слуху, здесь сохранились надмогильные плиты преставителей именитых казанских купеческих династий Азимовых, Аитовых, Апанаевых, Бурнаевых, Замановых, Казаковых, Кашаевых, Сайдашевых, Субаевых, Утямышевых, Юнусовых, Яушевых и др., составлявших цвет татарского делового мира второй половины XIX – начала XX вв. Не меньший интерес для исследователей представляют надгробия династий мусульманских священнослужителей: Абдулгафаровы, Амирхановы, Галеевы, Кулиевы, Сагитовы, Салиховы, Халитовы и др. Также на кладбище были выявлены памятники видных педагогов, просветителей, общественных деятелей, внесших значительный вклад в развитие татарской нации до 1917 г., однако мало известные широкому читателю.

Таким образом, все татарские эпитафические памятники, сохранившиеся на кладбищах Казани, были изучены, описаны и анализированы. В ближайшем будущем планируем издать полное описание этих памятников с фотографиями, чтобы вывести имена исторических личностей из забвения, показать их вклад и место в истории и культуре татарского народа.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1
Памятник Гимрановой
(фото автора)

Илл. 2
Памятник Ахмади сына Габдурахима
(фото автора)

Илл. 3
Памятник Юсуфа сына Бикбау
(фото автора)

Список литературы / References

- Липаков Е. В., Афонина Е. В. *История татарских кладбищ*. Казань: Ритуал, 2005. — 80 с. [Lipakov E. V., Afonina E. V. *History of Tatar cemeteries*. Kazan: Ritual, 2005. — 80 p. (in Russian)].
- Әхмәтҗанов М. И. *Татарстандагы татар зиратлары таибиҗеләре язмалары. Беренче кисәк*. Казан, 2016. — 92 б. [Akhmetjanov M. I. *The texts of the gravestones of the Tatar cemeteries in Tatarstan. First part*. Kazan, 2016. — 92 p. (in Tatar)].
- Һадиев И. Үткәннәрнең хатирәсен ике гасыр саклый бу таш. *Идел*. № 4. 1994. С. 57–58. [Hadiiev I. 2 centuries this stone keeps a memory of the past. *Idel*. 1994. № 4. Pp. 57–58 (in Tatar)].

КАВКАЗ И КРЫМ

CAUCASUS AND CRIMEA

DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-84-95

**ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В ДАГЕСТАНЕ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹**© 2021 Р. С. Абдулмажидов², Ш. М. Хапизов³, А. Е. Акопян⁴**Аннотация**

Данная статья посвящена исследованию эпиграфических памятников XVI – начала XX в. на армянском языке, выявленных на территории Дагестана. Три мемориальные надписи обнаружены в селении Оттал Рутульского района, одна эпитафия имеется на окраине селения Калиновка Тарумовского района и три читаемые эпитафии – из селения Карабаглы. Эти населенные пункты расположены как на крайнем юге, так и на севере Дагестана.

Исследование рассматривается, прежде всего, как возможность введения в научный оборот исторически значимых памятников эпиграфики, в преддверии планируемой комплексной археографической и эпиграфической экспедиций в эти

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы No 20RF– 148 и № 20-59-05010 соответственно.

² Рамазан Султанович Абдулмажидов – к. ист. н., и.о. директора Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, ramazana@yandex.ru. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-8960-2520>

Ramazana M. Abdulmadzidov – Candidate of Historical Sciences, Acting Director, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

³ Шахбан Магомедович Хапизов – к. ист. н., научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, markozul@mail.ru . ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-1958-9498>

Shaxban M. Khapizov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

⁴ Айк Ерджаникович Акопян – к. ист. н., старший научный сотрудник Института древних рукописей имени Месропа Маштоца, Матенадаран; Института Археологии и этнографии НАН Армении, Институт востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван, Армения hayk.hakobyan.88@mail.ru .ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4238-2102>

Hayk E. Hakobyan – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Institute of Archaeology and Ethnography, NAS RA, Yerevan, Armenia, Senior Researcher Research Institute of Ancient Manuscripts named after Mesrop Mashtots (Matenadaran) Yerevan, Armenia. Institute of Oriental Studies of Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia.

районы Дагестана. Изучение даже нескольких памятников армяноязычной эпиграфики Дагестана, открыло перед нами ранее неизвестные страницы средневековой истории данного края.

Наличие армянской эпиграфики в Дагестане объясняется присутствием здесь армянской диаспоры с многовековой историей. Вхождение, по крайней мере, Южного Дагестана в состав Кавказской Албании – государства, подвергшегося сильному армянскому культурному влиянию, также является дополнительным фактором, способствующим выявлению здесь подобных памятников. При исследовании вышеуказанных надписей выявлено объяснимое взаимное культурное воздействие армянской и албанской среды. На наш взгляд, научные изыскания в этом направлении являются весьма перспективными, и способны пролить свет, как на узловые моменты средневековой истории Дагестана и армяно-дагестанских взаимоотношений, так и значительно продвинуться в изучении наследия Кавказской Албании. Этому будут способствовать и новые археологические раскопки, особенно на горных районах Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, Кавказской Албания, армянская эпиграфика, Оттал, Калиновка, Карабаглы, армянское культурное влияние.

Для цитирования: Абдулмажидов Р. С., Хапизов Ш. М., Акопян А. Е. Памятники армянской эпиграфики в Дагестане как исторический источник. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. № 1–2. 2021. С. 84–95. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-84-95

MONUMENTS OF ARMENIAN EPIGRAPHY IN DAGESTAN AS A HISTORICAL SOURCE⁵

Ramazan M. Abdulmadzidov, Hayk E. Hakobyan, Shaxban M. Khapizov

Abstract

This article is devoted to the study of epigraphic monuments of the 16th-early 20th centuries in Armenian, discovered in the territory of Dagestan. Three memorial inscriptions were found in the village of Ottal, Rutulsky district, one epitaph was found on the outskirts of the village of Kalinovka, Tarumovsky district, and three legible epitaphs are from the village of Karabagly. These three settlements are located in the extreme south and north of Dagestan.

We consider this article, first of all, as an opportunity to introduce historically significant monuments of epigraphy into scientific circulation, prior to the planned complex archaeographic and epigraphic expeditions to these regions of Dagestan. The study of even several monuments of the Armenian-language epigraphy of Dagestan opened before us previously unknown pages of the medieval history of this region.

The presence of Armenian epigraphy in Dagestan is explained by the existence of an Armenian diaspora here with a centuries-old history. The inclusion of at least Southern

⁵ This work was supported by the RA Science Committee and Russian Foundation for Basic Research (RF) in the frames of the joint research project SCS No 20RF – 148 and RFBR No. 20-59-05010 accordingly.

Dagestan within Caucasian Albania – a state that has undergone a strong Armenian cultural influence – is also an additional factor contributing to the identification of such monuments here. The study of the above inscriptions revealed an explainable mutual cultural influence of the Armenian and Albanian environments. In our opinion, scientific research in this direction is very promising, and can both shed light on the key moments of the medieval history of Dagestan and the Armenian-Dagestan relations, and significantly enable progress in the study of the heritage of Caucasian Albania. This will be facilitated by new archaeological excavations, especially in the mountainous regions of Dagestan.

Keywords: Dagestan, Caucasian Albania, Armenian epigraphy, Ottal, Kalinovka, Karabagly, Armenian cultural influence

For citation: Ramazan M. Abdulmadzidov, Shaxban M. Khapizov,. Hayk E. Hakobyan. Monuments of Armenian Epigraphy in Dagestan as a Historical Source. *Oriental Epigraphy*. 36. 1–2. 2021. Pp. 84–95. DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-84-95

Памятники из верховий Самура

Еще в 1966 г. дагестанским искусствоведом П.М. Дебировым были опубликованы изображения двух памятников, датированных им XII-XIII вв. и выявленных им в с. Оттал Рутульского района, расположенного в верховьях реки Самур. Они представляли собой почти одинаковые по форме, размерам и композиции орнамента прямоугольные плиты, изготовленные из серого песчаникового камня местного происхождения (размеры 35x25x10 см). Согласно описанию П. М. Дебирова, в композицию их орнамента входит П-образное обрамление, а внутреннее поле по своей форме повторяет контуры стрельчатой арки. В центре поля изображен крест византийского извода. Два горизонтальных рукава креста короче двух вертикальных и все четыре заканчиваются листовидными формами. В двух нижних участках, расположенных по обе стороны от вертикального ствола креста, помещены еще два креста малых размеров. Рукава их трактованы в виде ласточкиного хвоста. Под всей композицией проходит надпись, состоящая из букв древнеармянского алфавита. Орнамент образован лентой с одним широким двускатным желобком посередине, которая создает геометрической рисунок узора [Дебиров, с. 32].

Позднее к данным памятникам обратился исследователь средневековой истории Дагестана, А.Е. Криштопа. По его словам, эпиграфика верхней части долины Самура сообщает о контактах его населения с Южным Кавказом с его грузинским и армянским населением. К примеру, в надписи предположительно XIII в. из Цахура упомянут Хаджи Гукас, встречаются также имена Патакана (1422 г.) и Горги (1401 г.). Как отмечает А.Е. Криштопа: «*неслучайный характер этих наблюдений станет еще яснее, если добавить к этому армянские стелы из с. Оттал Рутульского района с изображением крестов и с надписями. Надписи повреждены («Сей крест есть память о...» и «...святой крест...»).* По мнению К.Н. Юзбашяна, палеографические и декоративные особенности указывают на выполнение их «не ранее XIII-XIV вв.» мастером не армянином, не привыкшим к начертаниям армянских букв, - возможно, местным резчиком (по образцу)» [Криштопа, 2007, с. 146]. Он ссылается на устное сообщение старшего научного сотрудника ЛО ИВ АН

СССР К.Н. Юзбашьяна, который при этом не указывает верхний предел датировки выявленных армяноязычных эпитафий. Кроме того, этот известный специалист по истории средневековой Армении и Византии целенаправленно не занимался прочтением и датировкой указанных, всего лишь ознакомившись по просьбе своего дагестанского коллеги с фотографическими снимками памятников.

Однако, в с. Оттал существует еще одна надпись на армянском языке, которая позволяет более точно датировать исследуемые армяноязычные надписи. Фотоизображение данного памятника было опубликовано на сайте Фонда «Лезгины» с сообщением о том, что он был найден жителем данного селения Аслановым А.Г. в ходе строительных работ. В отличие от двух предыдущих, эта надпись имеет точную дату – 1591 год. Схожесть орнаментального оформления и палеографических особенностей всех трех надписей из Оттала, позволяет нам датировать все три надписи концом XVI в. Ниже приводятся наши прочтение и перевод этих надписей.

1. Мемориальная плита с надписью, датируемая концом XVI в. Датировка, помимо вышеуказанного обстоятельства, основана на особенностях орнаментального оформления и палеографии (буква Ա (Ս) выполнена в виде прямой линии, что присуще школе каллиграфов Джухи и Нахиджевана того периода). Шрифт надписи – болоргир.

Прочтение:

ԽՍՉՍ Յ(Ի)Շ(Ս)Տ(Ս)Կ Է:

Перевод:

«(Мой) крест в память».

2. Мемориальная плита с надписью, датируемой концом XVI в. Датировка, помимо вышеуказанного обстоятельства, основана на особенностях орнаментального оформления и палеографии. Шрифт надписи – болоргир.

Прочтение:

ՍՈՒՐԲ ԽՍՉՍ Կ(սնգ)ՆԵԼ

Перевод:

«Святой крест установил»

3. Обломок мемориальной плиты с надписью 1591 года. Шрифт надписи – болоргир.

Прочтение:

(ԿՍՆԳ)ՆԵՅԻ / ԽՍՉՍ / (ՅԻՇՍՏՍ)Կ ՀՈԳՈՒՆ Տ(Դ) / (Ս)ՉԱՐԻԱՅԻՆ:
ԹՎ(ԻՆ) / ՌԽ (1591)

Перевод:

«Установил / крест / в память души тера (владыки) / Азари в год / 1591».

Исторический контекст

На первый взгляд, вызывает недоумение наличие в верховьях Самура памятников армянской культуры конца XVI в. Однако, при более пристальном изучении источников и местной эпиграфики, становится очевидным, что их следует рассматривать, как остатки исчезающего к тому времени мощного культурного пласта. На основе письменных источников установлено, что еще в XIII – XIV вв. в этом регионе сосуществовали мусульманские и христианские общины, проживая в обособленных друг от друга населенных пунктах [Айтберов, Хапизов, 2011, с. 172].

О проживании в с. Оттал армянского населения свидетельствуют также и местные предания, повествующие об имевшем здесь место исповедании «армянской веры». Все это позволяет сделать вывод о том, что в верховьях Самура, в Шеки и его окрестностях, проживало значительное армянское население [Криштопа, 2007, с. 146 – 147]. Здесь существовали центры армянской культуры, которые оказали значительное влияние на местное удинское население.

Необходимо отметить, что самая ранняя арабоязычная надпись из с. Оттал датируется 1638/39 г. В отличие от других селений верховий Самура, в данном населенном пункте не выявлено куфических надписей, что говорит о его более поздней исламизации. Из содержания одной из надписей 1754/55 г. выясняется то, что в Оттале жили потомки шейха Махмуда из селения Цахур [Рамазанов, Рамазанов, 2012, с. 433 – 437]. З. Закарияев предполагает, что шайх Махмуд аз-Захури (ум. в нач. XVII в.) был уроженцем с. Оттал [Закарияев, 2011, с. 110], однако его нисба возводит его происхождение к селению Цахур, хотя однозначных выводов делать пока рано.

Цахурское селение Кальял, расположенное рядом с Отталом, образовано тремя тухумами (патронимиями). Один из них происходит из грузинского селения Гавази (ныне Кварельского района Грузии), второй – из верховьев реки Джурмут (ныне Тляратинский район Грузии), а третий – наиболее многочисленный, образован переселенцами из селения Цахур на рубеже XVII – XVIII вв. Надобно полагать, именно в этот период оно было основано цахурцами, к которым затем присоединились аварцы из Анкратля и грузины из Кахети [Айтберов, Хапизов, 2011, с. 172]. Селение Мухах, согласно сведениям Закатальской сословно-поземельной комиссии от 1860-х гг., образовалось в результате языковой ассимиляции жителей квартала аварского селения Тарасан, фиксируемого в письменных источниках еще с XIII в. [Айтберов, Хапизов, 2011, с. 162 – 172].

Исходя из приведенных выше фактов, мы можем предположить, что до начала XVII в. в верховьях Самура между ареалами расселения аварцев и цахур, проживала армяноязычная община христиан, являвшаяся своеобразным уцелевшим островком христианства, корни которого происходят из Шекинского царства. Как известно, в этом средневековом государстве, существовавшем в Закавказье в VIII – нач. XII вв., армянский язык и культура занимали привилегированное положение. На наш взгляд, в течение XVII в. христианская община в верховьях Самура постепенно была поглощена в результате расширения ареала расселения мусульманского населения Цахура.

Следует отметить, что в центре крестов на первых двух плитах из Оттала позднее выбита арабская формула единобожия: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад – Его посланник» (илл. 5, 6). Благодаря этому обстоятельству первые две плиты уцелели, в то время как от третьей плиты остался лишь обломок (илл. 7).

Следует полагать, что в Оттале выявлены еще не все мемориальные камни с христианской символикой и армянскими надписями. На первой плите имеется также высеченная еще позже дата – 1216 год хиджры (1802/03 г.) и граффити, в котором читается только имя Хасрат. Разделение креста на отдельные фрагменты с нарушением его единства создает иной тип орнамента на камне, и таким образом, по замыслу автора надписи, превращает христианский мемориальный крест в обычную орнаментированную плиту. Данное обстоятельство говорит о том, что поселившиеся в Оттале жители, пытались стереть следы бывшего присутствия христианства в данном населенном пункте.

Памятники из Тарумовского района

Еще одна надпись на армянском языке, датируемая началом XIX в., была выявлена в 3 км к северу от селения Калиновка Тарумовского района, недалеко от армянского селения Карабаглы – единственного на данный момент компактного поселения армян в Дагестане. Данное надгробие было нами выявлено благодаря жителю Тарумовского района М. Алибекову, который прислал нам его фотографию (илл. 1). Надгробная плита изготовлена из песчаника (размеры 55x22 см), разбита на 2 части. На лицевой ее стороне имеется надпись в 2 строки. Буквы вырезаны путем выемки грунта, вытянутые, маньеризованные. Как известно есть определенные типы армянского письма – еркатагир, болоргир, шхагир и нотргир. Нижеуказанная надпись написана болоргиrom, то есть минускульной формой начертания. Приведенная в надписи дата – 1250 год соответствует 1801 году по григорианскому календарю.

Прочтение:

Այս է տաշակի շարժի որդի Կալ / ան(ին) Թ(վին) ՌՄԾ (1250+551=1801).

Перевод:

«Это надгробие Ка / ата, сына Забара [установлено] в году 1250».

Еще несколько эпитафий нами было выявлено в армянском селении Карабаглы Тарумовского района, которое находится в 8 км от районного центра Тарумовка. До середины XX в. Карабаглы являлось моноэтничным армянским поселением, но во второй половине XX в. сюда начали переселяться даргинцы, составляющие ныне около половины жителей населенного пункта. В результате миграционных процессов к 2010 г., по данным всероссийской переписи населения доля армян снизилась до 43,3 %, в Карабаглы на тот период проживало всего 304 армянина. Местную армянскую церковь в 1930-ые годы переделали в кинотеатр, потом обветшалое здание снесли в 1960-е годы. Тогда же пострадало и армянское кладбище, где освобождали места для новых захоронений⁶. Ниже представлены читаемые надписи из армянского кладбища селения Карабаглы. Все три надписи сделаны путем выемки грунта, вытянутые, маньеризованные, типом армянского письма болоргир, то есть минускульной формой начертания.

⁶ ПМА, 10.07.2021 г. Информант: Наников Ашот Аветисович, 1951 г.

1. Эпитафия, на лицевой ее стороне, 5 строк, 1895 г. (илл. 2)

Прочтение:

Աստ իանգչին ոսկերք Մարիամայ / Հարութինեան Բուռչենանց. / ծնունդ
1861 ի 12 յունվարի/ վախճան 1895 Թ նոյեմբերի / 12 ին:

Перевод:

*Тут покоятся кости Мариам Арутюнян Бурченани, рожденной в 1861 года
12 января, почившей 9 ноября 1895 года в 12:00 (часов).*

2. Эпитафия, на лицевой ее стороне, 8 строк, 19 в.?, последние 2 строки не читаемые (илл. 4).

Прочтение:

Սիրելի եղբայրս Ծա/վիկ հասա/կառք ան./ել զօհ/դաւ զա... :

Перевод:

Любимый брат Цавик, в возрасте молодом (2) был убит ...:

3. Эпитафия, на боковой части, 5 строк, 1903 г. (илл. 3)

Прочтение:

Գերեզման Գեորգ Գրիգորեան / Բուրչեան ծն. 1888 թվ. ԽԶ. 1903:

Перевод:

*Могила Георга Григоряна Бурчяна, рожденный в 1888, (почивший)
Распятого (Иисуса Христа) 1903.*

Исторический контекст

Основание на территории современного Тарумовского района армянских поселений относится к XVIII в. В 1735 г. в связи с выводом из Дербента войск Российской империи, значительная часть армян этого края переселилась к дельте реки Терек. В основном они поселились во вновь образованном городе Кизляр, в особенности торговцы и ремесленники [Магомедханов, Мусаева, 2015, с. 76]. Около 3,5 тыс. человек перешли туда из Бакинского и Дербентского ханств, а позднее в 1797 г. туда перебрались армяне из Мушкурского округа Кубинского ханства [АКАК, 1869, с. 713]. Занимавшиеся в основном земледелием, они обосновались на северной окраине устья реки Терек, в Кизлярском уезде. Их поселения располагались также в «17-20 верстах» к северу от Кизляра на притоках реки Терек: Дербентское – на р. Прорве, Малохолинское и Караджалинское – на р. Бекетей. Так как население Караджалинского составляли карабахские армяне⁷, за ним закрепилось второе название – **Карабаглы**. По данным на 1 ноября 1827 г., в Молахалиле проживало – 279 армян; в Дербентском – 232 и в Караджалиле – 369 [Магомедханов, Мусаева, 2015, с. 76].

В 1832 году было решено усилить Терское войско за счет жителей трех армянских селений, территория которых была отнесена к Кизлярскому казачьему

⁷ Нагорный Карабах (армянское наименование Арцах).

полку. 2 декабря 1832 г. Николай I своим именным указом утвердил принятое решение. При этом карабахские армяне, приученные к военному делу, остались в своем селении. Но жители двух других населенных пунктов обратились с прощением оставить их в прежнем состоянии. 2 декабря 1834 г. ходатайство армян рассматривалось в Государственном совете, который удовлетворил их просьбу, исключив из казачьего сословия. 12 января 1835 г. последовал указ об этом императора, о котором Кавказскому гражданскому губернатору было сообщено только 4 июля 1837 г. Исключение из казачьего сословия, по мнению чиновников военного ведомства, влекло за собой лишение армян земель в селах Кизлярского округа. К 1840 г. жители селений Молахалил и Дербентское переселились в город Кизляр.

Сопоставив местонахождение данной эпитафии (43°59'41.8"N 46°33'08.3"E) с локализацией армянских населенных пунктов на карте начала XIX в. («Военно-топографическая карта Кавказской губернии с сопредельными горскими областями сочинена 1811-го года»), мы пришли к выводу, что именно здесь и располагалось селение Молахалил, обозначенное на карте как «сел. Мускурских армян». Селение Дербентское обозначено на ней как «сел. Дербентских армян», а поселение грузин, ныне известное как Александр-Невское – «хутора Грузинская».

Таким образом, население местности, в которой было выявлено надгробие, было представлено выходцами из Мушкура (ныне северо-восточная часть Азербайджана – Хачмасский район), т.е. – исторической Кавказской Албании. С учетом этого факта не вызывает удивления использование ими традиционных имен кавказских албан. Более того, это обстоятельство наталкивает на мысль о том, что данное население было представлено ассимилированными кавказскими албанами.

Имя Забар из этой надписи, автор армянского именника Гр. Ачарян указывает как Забер со следующим объяснением: «неизвестное албанское имя» [Ачарян, 1944, с. 162]. Известно, что в 37 г. до н.э. албанский царь Зобер противостоял римской армии [Связян, 2009, с. 154]. В этой связи обратим внимание на высказывание К. В. Тревер, которая писала: *«первые цари Албании несомненно являлись представителями местной албанской знати из числа наиболее выдвинувшихся племенных вождей. Об этом говорят и их неармянские и неиранские имена (Оройс, Косис, Зобер в греческой передаче; как они звучали по-албански, мы пока не знаем)»* [Тревер, 1959, с. 145].

Вывод

Таким образом, исследование даже нескольких памятников армяноязычной эпиграфики Дагестана, открыло перед нами ранее неизвестные страницы средневековой истории данного края. На наш взгляд, научные изыскания в этом направлении являются весьма перспективными, и способны пролить свет, как на узловые моменты средневековой истории Дагестана и армяно-дагестанских взаимоотношений, так и способствовать прогрессу в изучении наследия Кавказской Албании.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1

Надгробная плита, обнаруженная ок. селения Калиновка
(Фото Г. Кайбулаева)

Илл. 2

Надпись из армянского кладбища селения Карабаглы.
(Фото А.Е. Акопяна)

Илл. 3

Надпись из армянского кладбища селения Карабаглы.
(Фото А.Е. Акопяна)

Илл. 4
Надпись из армянского кладбища
селения Карабаглы.
(Фото А.Е. Акопяна)

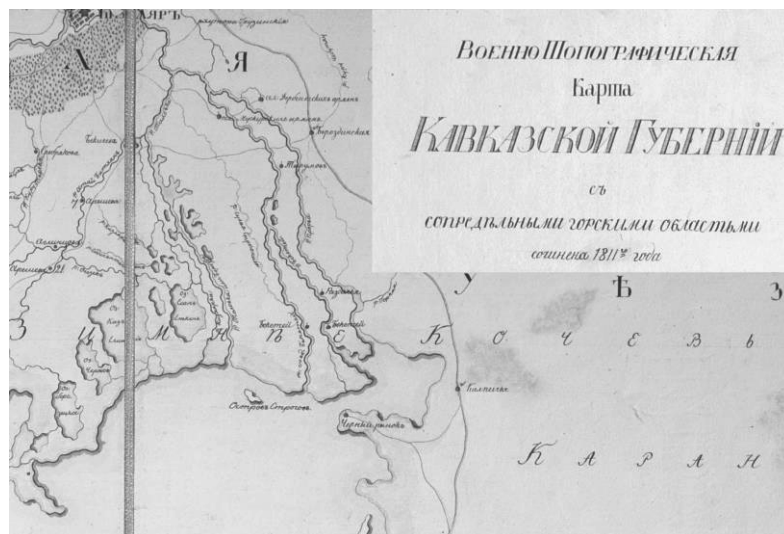
Илл. 5
Надпись из селения Оттал.
(Фото А.Г. Асланова)

Илл. 6
Надпись из селения Оттал.
(Фото А.Г. Асланова)

Илл. 7
Надпись из селения Оттал.
(Фото А.Г. Асланова)

Илл. 8
Расположение армянских поселений северного Дагестана на карте 1811 г.
(РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3044 – 4)

Список литературы / References

- Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М. *Елису и Горный магал в XII-XIX веках*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. – 390 с. [Aitberov T. M., Khapizov Sh. M. *Elisu and the Mountain Mahal in the XII-XIX centuries*. Makhachkala: IAE DSC RAS, 2011. — 390 p. (in Russian)].
- Акты, собранные кавказской археографической комиссией*. Тифлис: Типография гл.упр. наместника на Кавказе, 1869. Т. III. — 767. [Acts collected by the Caucasian archaeographic commission. Tiflis: Printing house of governor of the Caucasus, 1869. Т. III. – P. 767. (in Russian)].
- Ачарян Гр. *Словарь армянских личных имен*. Ереван: Изд-во Ереван, ун-та, 1944. Т. II. – 370 с. (на армянском). [Acharyan Gr. *Dictionary of Armenian personal names*. Yerevan, 1942. Vol. II. — 370 p. (in Armenian)].
- Дебиров П. М. *Резьба по камню в Дагестане*. М.: Наука, 1966. – 208 с. [Debirov P. M. *Stone carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, 1966. – 208 p. (in Russian)].
- Закарияев З. Ш. Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлиши и его зийарат в селении Мишлеш. *Исламоведение*. №3. Махачкала, 2011. С. 105–111. [Zakariyaev Z.Sh. Medieval Dagestani Sufi Sheikh Amir al-Mishlishi and his ziyarat in the village of Mishlesh. *Islamic Studies*. No. 3. Makhachkala, 2011. P. 105–111 (in Russian)].
- Криштопа А. Е. *Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории*. М.: ТАУС, 2007. – 227 с. [Krishtopa A. E. *Dagestan in the XIII – early XV centuries. An outline of political history*. Moscow: TAUS, 2007. – 227 p. (in Russian)].
- Магомедханов М. М., Мусаева М. К. Армяне в этнокультурном ландшафте Дагестана. *Вестник Института ИАЭ*. № 4. Махачкала, 2015. С. 74–85. [Magomedkhanov M. M., Musaeva M. K. Armenians in the ethnocultural landscape of Dagestan. *Bulletin of the Institute of the IAE*. No. 4. Makhachkala, 2015. P. 74–85 (in Russian)].
- Рамазанов Р. А., Рамазанов А. Р. *Историко-эпиграфические материалы народов Рутульского района*. Махачкала: РГЖТ, 2012. – 490 с. [Ramazanov R. A., Ramazanov A.R. *Historical and epigraphic materials of the peoples of the Rutul region*. Makhachkala: RGZhT, 2012. – 490 p. (in Russian)].
- Свазян Г. С. *История страны Алуанк (с древнейших времен по VIII век)*. Ереван: Изд-во Института истории НАН Республики Армения, 2009. – 349 с. [Svazyan G. S. *History of the country of Aluank (from ancient times to the 8th century)*. Yerevan: Publishing house of the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 2009. – 349 p. (in Russian)].
- Тревер К. В. *Очерки по истории и культуре кавказской Албании. IV в. до н. э. – VII в. н. э.* М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 391 с. [Trever K. V. *Essays on the history and culture of Caucasian Albania. IV century BC NS. - VII century. n. NS*. Moscow – Leningrad: Publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1959. – 391 p. (in Russian)].

**НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ XVII–XIX вв. ИЗ
КРЫМА (ПОДПИСНАЯ МЕЛКАЯ ПЛАСТИКИ). ЧАСТЬ 2**

© 2021

Александр В. Акопян¹, Олег В. Каретников²

Аннотация

Во второй части статьи продолжается описание выявленных за последние годы подписных частных предметов XVIII–XIX вв., принадлежащих армянскому населению Крыма: публикуются три именных перстня (№37–39) и девять образцов подписной посуды (№40–49) (нумерация продолжается с Части I). В заключительной части работы анализируются все предметы, описанные в обеих частях статьи. Исследуются использовавшиеся языки надписей, эпиграфические особенности армянского письма (выделяются надписи еркатагиром, «безнажимным еркатагиром» и болоргиром), а также функционал владельческих надписей. Обсуждаются антропонимические формулы в армянской среде Крыма и их развитие в XIV–XIX вв., анализируется время появления отчеств и фамилий у крымских армян. Изучена частотность имен внутри выявленного ономастического комплекса и возможные причины его формирования (в сравнении с именами из колофонов армянских крымских рукописей XIV в. и именами константинопольских армян по переписи 1455 г.). Проведено изучение композиционных решений в оформлении предметов, выявившее их близость с кругом греческих и арабографичных османских подписных предметов (но не с личными подписными предметами польских или закавказских армян). Проанализированы различные применявшиеся системы летоисчисления и датировок. На основании анализа различных аспектов информационной составляющей армянских владельческих надписей (языка, системы знаков для чисел, календарной системы, ономастикона и антропонимической формулы) сделан вывод о том, что наиболее подверженными внешнему влиянию являлись система знаков для чисел и календарная система, при этом в ономастиконе и в антропонимической формуле изменения протекали существенно более медленно, не затрагивая при этом этничности владельцев предметов.

Ключевые слова: армяне Крыма, армянская эпиграфика, армянская ономастика, печати, подписные вещи.

¹ Акопян Александр Владимирович—кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН (ИВ РАН), Москва, Россия; alexakopyan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6846-0685, Scopus Author ID: 53983563300
Alexander V. Akopyan—PhD (History), Senior Researcher, Department of Literary Monuments of the Peoples of the East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IO RAS), Moscow, Russia; alexakopyan@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6846-0685, Scopus Author ID: 53983563300

² Олег Валентинович Каретников—краевед, kareta1968@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-0914-5313
Oleg V. Karetnikov—ethnographer, kareta1968@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-0914-5313

Для цитирования: Акопян А. В., Каретников О. В. Новые памятники армянской эпиграфики XVII–XIX вв. из Крыма (подписная мелкая пластика). Часть 2. *Эпиграфика Востока*. Т. 36. № 1–2. 2021. С. 96–118; DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-96-118

NEWLY DISCOVERED ARMENIAN INSCRIPTIONS OF SEVENTEENTH-NINETEENTH CENTURIES FROM CRIMEA (SIGNED FIGURES). PART II

Alexander V. Akopyan, Oleg V. Karetnikov

Abstract

In the second part of the article, the description of the private signed figurines of the eighteenth–nineteenth centuries, revealed in recent years, and belonging to the Armenian population of Crimea, is continued: three personalized rings (nos. 37–39) and nine signed dishes (nos. 40–49) are published (the numbering continues from the Part I). In the final part of the work, all the subjects described in both parts of the article are analyzed. The used languages of the inscriptions, the epigraphic peculiarities of the Armenian writing (such as inscriptions made in *erkatagir*, “pressless *erkatagir*” and *bolorgir* scripts), as well as the functionality of the owner’s inscriptions are investigated. Anthroponomic formulas among the Armenian population of Crimea and their development in the fourteenth–nineteenth centuries are discussed, the time of the appearance of patronyms and surnames among Crimean Armenians is analyzed. The frequency of names within the identified onomastic complex and the possible reasons for its formation were studied (in comparison with the names from the colophons of the Armenian Crimean manuscripts of the fourteenth century and the names of the Armenians of Constantinople according to the census of 1455). A study of the design of the described objects was carried out, which revealed their closeness to the Greek and Arabographic Ottoman signed figurines (but not to signed objects of Polish, South Caucasian or Persian Armenians). The various systems of chronology and dating used are analyzed. Based on the analysis of various aspects of the informational component of the Armenian private inscriptions (language, system of numbers, calendar system, onomasticon and anthroponomic formula), it was concluded that the system of numbers and the calendar system were most susceptible to external influence, while in the onomasticon and in the anthroponomic formula, changes proceeded much more slowly and without affecting the ethnicity of the objects’ owners.

Keywords: Armenian epigraphy, Armenian onomastics, Armenians of Crimea, personal property.

For citation: Alexander V. Akopyan, Oleg V. Karetnikov. Newly discovered Armenian inscriptions of seventeenth–nineteenth centuries from Crimea (signed figures). Part II. *Oriental Epigraphy*. 36. 1-2. 2021. P. 96 – 118; DOI 10.31696/0131-1344-2021-1-2-96-118.

КАТАЛОГ (ОКОНЧАНИЕ)³

IV. Именные перстни

№ 37. Азак', Ачак' (?) (илл. 37).

1. Именной перстень.
2. Медный сплав (бронза).
3. Размер неизвестен.
4. На площадке перстня прямая, грубо выполненная надпись шq / шр — *Азак'* или шз / шр — *Ачак'*. Чтение второй буквы неоднозначно – если это q з, то у нее незамкнута верхняя часть, если же з ч, то слишком высокое начало второго элемента.
5. Почерк безнажимный болоргир. Имена *Азак'* или *Ачак'* неизвестны Р. Ачаряну. Если написано *Ачак'*, то возможно предполагать сокращенное написание женского имени Цуршқшп *Ачк'азат*, зафиксированного в Крыму в XIV в. [Ачарян, 1942, с. 192]. С другой стороны, на перстне может быть отражено название города Азак (совр. Азов).
6. Республика Крым.
7. Не датирован (по палеографии должен быть отнесен к XVII–XVIII вв.).

№ 38. ГЎ (Геворг) (илл. 38).

1. Именной перстень.
2. Серебро с чернением.
3. Диаметр неизвестен, вес 6,24 г.
4. На площадке перстня прямая надпись ԳԻ — *ГЎ*. Почерк рукописный.
5. *ГЎ* должно быть сокращением имени ԳԵՐՈՂԳ *Геворг*, а не инициалами, поскольку фамилия не может начинаться на Ի.
6. Окрестности Феодосии.
7. Не датирован (по палеографии должен быть отнесен к XVIII – нач. XIX вв.).

№ 39. МК' (Мик'айэл?) (илл. 39).

1. Именной перстень.
2. Серебро с чернением.
3. Диаметр перстня ок. 25 мм.
4. На площадке перстня прямая надпись ՄԲ — *МК'*. Почерк рукописный.
5. *МК'* может быть как сокращение одного имени (и тогда это Միքայել *Мик'айэл*), так и инициалами имени и фамилии.
6. Окрестности Феодосии.

Не датирован (по палеографии должен быть отнесен к XVIII–XIX вв.).

³ Нумерация продолжается с Части I, напечатанной в предыдущем выпуске «Эпиграфики Востока» [Акопян, Каретников, 2020]. В настоящее время предметы №41–43 и 46–48 хранятся в Государственном бюджетном учреждении Республики Крым «Крымский этнографический музей» (№41: КП-9382 ИБ-5004; №42: КП-8606 ИБ-4307; №43: КП-8756 ИБ-4452; №46: КП-9385 ИБ-5007; №47: КП-9377 ИБ-4999; №48: КП-8541 ИБ-4245).

V. Именная посуда

№ 40. Аксэнти, сын Петроса (илл. 40, 1-2).

1. Большое широкое низкое чеканное блюдо с узорами.
2. Медный сплав (бронза).
3. Размеры неизвестны.
4. По краю верхней стороны выбита надпись ՊԵՏՐՈՍԻ ՈՐ ԴԻ ԱԿՍԷՆՏԻ ԹՎ ՌՃՃԲ — *Петроса сын Аксэнти, год 1182*.
5. Почерк безнажимный еркатагир. Маюскул 2 в цифрах года передан как увеличенный минускул ձ.
6. Республика Крым.
7. 1182 год армянского летоисчисления (1733 г.).

№ 41. Алек'сан / Хусейн (илл. 41, 1-3).

1. Низкое чеканное блюдо с узорами.
2. Медный сплав (бронза).
3. Диаметр 22 см.
4. На ободке лицевой стороны тарелки шесть медальонов, в пяти из которых узоры-плетенки, а в одном надпись ԱԼԷՔ / ՍԱՆ ԹՎ Ռ / ՃԸ — *Алек'сан, год 1108 (1659)*, строки разделены линиями. На ободке оборотной стороне выгравирована тугра, росчерк которой (т. н. «кинжал») заканчивается крупным тюльпаном. «Бунчук» тугры образован мачтами в слове **صاحب** — *владелец*, расположенном на «пьедестале» тугры. В «яйце» тугры помещена надпись **مبلا حسين ۱۱۸۴** — *мебла Хусейн 1184 (1770–1771)*.
5. Почерк армянской надписи – еркатагир. Почерк тюркской надписи рукописный, близкий к насху. В слове **مبلا** неизвестном в доступных нам крымскотатарских словарях, по всей видимости, надо видеть искаженное **مولا** или **مولي** *мевла* «господин, учитель, судья».
6. Бахчисарай, Республика Крым.
7. 1108 год армянского летоисчисления (1659 г.), 1184 год хиджры (1770–1771 г.).

№ 42. Арут'ин, сын Мартироса Палтиог'ли (илл. 42, 1-2).

1. Поднос.
2. Медный сплав (бронза).
3. Диаметр 52 см, вес 3 кг.
4. С внешней стороны, у края казана выбит крупный картуш сложной формы, с обеих сторон от которого, а также сверху, помещены стилизованные изображения деревьев, каждое из которых венчает птица. Внутри картуша надпись в пять строк: Ի ՎԱՅ / ԵԼՈՒՄՆ ՊԱ / ԼՏԻՕՂԼԻ ՍԱՐՏ / ԻՐՈՍԻ ՈՐԴԻ ԱՐ ՈՒ / ԹԻՆ ՌՄԻԱ — *В пользовании Палтиог'ли Мартиросова сына Арут'ина, 1241*.⁴

⁴ Благодарим А. Е. Акопяна (Матенадаран) за обсуждение этой надписи.

5. Почерк безнажимный еркатагир. Маюскул Յ заменен увеличенным минускулом յ.
6. Республика Крым.
7. 1241 год армянского летоисчисления (1792 г.).

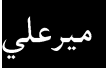
№43. Гэворк', сын Мартироса (илл. 43, 1–2).

1. Тарелка, на лицевой стороне которой крестообразно размещены четыре медальоны, три из них с цветочным мотивом, одна с текстом.
2. Медный сплав (бронза).
3. Диаметр ок. 28–30 см.
4. В меальоне надпись в три строки: ՄԱՐՏԻՐՈՍԻ / ՈՐԴԻ ԳԷՈՐԳ / Ի ԹՎ ՌՃՂԸ — *Мартиросова сына Гэворк'а 1198*. Строки разделены одинарными линиями, сверху и снизу текста небольшие пальметки.
5. Почерк безнажимный еркатагир.
6. В 2016 г. в Бахчисарае был найден небольшой клад армянской посуды, состоящий из трех медных тарелок одного размера (диаметр ок. 28–30 см). На лицевой стороне двух из них по краю были надписи (одна из них №43, вторая №48).
7. 1198 год армянского летоисчисления (1749 г.).

№ 44. Дамийеанос, сын П'аноса (илл. 44, 1–2).

1. Простая неорнаментированная тарелка.
2. Медный сплав (бронза).
3. Диаметр – 23 см, ширина полей – 5 см, диаметр углубления – 13 см, высота тарелки 5 см.
4. На оборотной стороне у края выбита владельческая надпись в две строки внутри трапезиевидной рамки (высота рамки 2 см, длина по внешнему краю 4 см, по внутреннему краю 3 см) ՓԱՆՈՍԻ ՈՐ ԴԻ / ԴԱՍԻԵԱՆՈՍ — *П'аноса сын Дамийеанос*.
5. Почерк безнажимный еркатагир. Начальное Փ передано без нижней черты и похоже на крестик. Имя Дамийеанос неизвестно Гр. Ачаряну.
6. Феодосия.
7. Не датирована (по палеографии должна быть отнесена к XVIII–XIX вв.).

№45. Йакоб, сын Миралэ (илл. 45, 1–2).

1. Тарелка с орнаментами на лицевой стороне – в центре и по краевому борту.
2. Медный сплав (бронза).
3. Размеры неизвестна.
4. На оборотной стороне у края выбита владельческая надпись в две строки в прямоугольной рамке ՄԻՐԱԼԵՐ ՈՐ ԴԻ / ԵԱԿՈԲ — *Миралэ сын Йакоб*.
5. Почерк еркатагир с элементами болоргира (маюскул Յ заменен на увеличенный минускул յ). Армянское имя *Миралэ* не зафиксировано Р. Ачаряном, но имеет прозрачную этимологию, происходя от распространенного в мусульманской среде имени *Мир-‘Али* (от араб. *мйр* – усеченной формы от *амйр* ‘правитель, предводитель’ [Гафуров, 1987, с. 125, 166] и *Али*).

6. Республика Крым.
7. Не датирована (по палеографии должна быть отнесена к XVIII – нач. XIX вв.).

№ 46. Минас, сын Мала (илл. 46, 1–2).

1. Черпак.
2. Медный сплав (латунь).
3. Длина вместе с ручкой 42 см, диаметр черпака 14,6 см.
4. На внешней стороне черпака в эллипсовидном медальоне прямая надпись, в три строки: ՄԱԼԻ / ՈՂԴԻ ՄԻՍ / ԱՍ — *Мала сын Минас*. Надпись обрамлена линией по краю, строки разделены двойной линией, свободное поле заштриховано.
5. Почерк переходный между еркатагиром и его безнажимной разновидностью. Слово *ըրդի* в надписи передано обычной единой лигатурой. Имя *Ասլ* не известно Р. Ачаряну. Возможно, оно является сокращением имени Малайбек (от тюрк. **مالای** *малай* ‘слуга, работник’ + **بيک** *бек* ‘хозяин’) или Малайик (от араб. **ملايک** *маллайик* ‘ангелы’), зафиксированных в армянской среде [Ачарян, 1963, с. 164].
6. Республика Крым.
7. Не датирована (по палеографии должна быть отнесена к XVIII – нач. XIX вв.).

№ 47. Оһаннэс, сын Манука (илл. 47, 1–2).

1. Комплект для личной гигиены — кувшин, решетчатая подставка и рукомойник.
2. Медный сплав (бронза).
3. Диаметр ркомойника 22 см.
4. На ободке рукомойника в полумедальоне надпись в три строки ՄԱՆ / ԿԻՆՈՂԼԻ / ՕՀԱՆՆԵՍԻ — *Манукова сына Оһаннэса*.
5. Почерк армянской надписи – еркатагир. Надпись примечательна использованием тюркского *ogʻlu* «сын».
6. Республика Крым.
7. Не датирована (по АМ должна быть отнесена к XVII в.).

№ 48. Симаўон (илл. 48).

1. Тарелка, по четырем сторонам которой размещены медальоны, один из которых с текстом.
2. Медный сплав (бронза).
3. Диаметр ок. 28–30 см.
4. В прямоугольном картуше надпись ՄԻՄԱՆՈՆ — *Симаўон*.
5. Почерк безнажимный еркатагир.
6. В 2016 г. в Бахчисарае был найден небольшой клад армянской посуды, состоящий из 3 медных тарелок. Все одного размера (диаметр ок. 28–30 см), на лицевой стороне двух из них по краю надписи (см. также №43).
7. Не датирована (по палеографии должна быть отнесена к XVIII – нач. XIX вв.).

№49. Т'орос вардапет (илл. 49, 1–2).

1. *Аг'аман* – сосуд для хранения соли.
2. Черный металл.
3. Высота 10 см, диаметр 9 см.
4. На внешней стороне сосуда прямая надпись в одну строку: Ի ՎԱԼԵԼՈՒՄԼ
ԹՈՐՈՍ ՎԱՐԴԱՊԵՏԻՆԸ ԹՎ ՌՃՀ — в пользовании Т'ороса вардапета, год 1170.
Надпись обрамлена линией по краю, свободное поле заштриховано.
5. Почерк переходный между еркатагиром и его безнажимной разновидностью, с элементами болоргира (увеличенная минускульная յ вместо Յ).
6. Балаклавский район, Республика Крым.
7. 1170 г. армянского летоисчисления (1721 г.).

АНАЛИЗ

Язык надписей изучаемых предметов всегда армянский, за исключением двуязычной печати №6 А'етина / 'Айдина, а также вторичной владельческой надписи Хусейна на тарелке Алек'сана (№41). На синхронных печатях закавказских и персидских армян также использовался только армянский язык и исключительно редко — арабское письмо или полностью иноязычные легенды (редким примером последнему служит печать мелика Багира из Варанды [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 291]). Прямо противоположная ситуация сложилась на Украине и в Польше, где уже со второй половины XVI века в печатях безраздельно царствует латиница [Дашкевич, 1980, с. 188–189].

Эпиграфическими особенностями рассматриваемых надписей являются замена маюскулов некоторых букв увеличенными минускулами (ձ вместо Ձ, յ вместо Յ, ծ вместо Ծ), а также большое число лигатур: стандартной лигатурой является объединение первой и второй пары букв в слове քրդի 'сын' с маленьким треугольником между ними в виде լճ, иногда же все это слово объединяется в одну лигатуру լճ, употребление обязательных сокращений ՄՅ, ԲԻ, ԾԼ; однако лигатура քի для слова քրդի, использовавшаяся закавказскими и иранскими армянами в письменных документах, в Крыму не зафиксирована.

Явно выделяется прямое соотношение качества изготовления предмета и, по всей видимости, его стоимости с использовавшимся почерком. Еркатагир встречается на высокохудожественных дорогих перстнях, в том числе из золота или серебра и всегда присутствует на вставках из камня, что указывает на сохранение им позиции наиболее «престижного» почерка. Его безнажимный вариант обслуживает следующую группу предметов – более простые перстни, подписные гири и посуду, а текст болоргиром наносится на самые простые перстни, выполненные из медных сплавов.

Функционал надписей на предметах всегда заключается в обозначении имени владельца. Я. Р. Дашкевич отмечал, что «в первой половине XVI в. частная перстневая печать вошла прочно в употребление» и стала обязательной при составлении долговых обязательств, векселей, договоров, для свидетельств в суде, составления завещаний и опечатывания ценностей [Дашкевич, 1980, с. 141, 144]. В описях имущества многих армянских лиц встречаются упоминания о золотых, железных и деревянных печатных перстнях, а также о камнях с гравировкой (яшма,

ляпис-лазурь, сапфир), использовавшихся в них [Дашкевич, 1980, с. 141, 142]. Устойчивая традиция употребления перстневых печатей служила причиной того, что у некоторых лиц их было больше одной, а также вызывала к жизни их подделки [Дашкевич, 1980, с. 146–148]. География владельцев выявленных Я. Р. Дашкевичем оттисков армянских печатей широка — это Львов, Каменец-Подольский, Станислав, Тисменицы, Варшава; а упоминания о наличии печатей известны применительно к армянам Каффы и Сучавы [Дашкевич, 1980, с. 148].

Как правило, вид деятельности или социальное положение хозяина личной надписи никак не отражался в последней. Лишь об отце одного лица (№11) можно сказать, что он был уважаемым человеком-*маг'теси*, совершившим некогда паломничество в Иерусалим, еще две относятся к священникам и их детям (№30, 35) и одна — вардапету (№49). Сложно согласиться с безусловностью отнесения к духовным лицам формул с зачинами «раб Божий» или «раб Христов» [Белый, Манучарян, 1982, с. 231] — несмотря на то, что среди исследованных надписей есть надпись священника с зачином «раб Божий» (№35), известно и множество обратных примеров — см., например, печати армянских меликов и юзбаши на посланиях к Петру I, Екатерине I, Вахтангу VI и к русскому правительству [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 235, 236, 250–251, 274–275]. Обычно все же духовные лица особо выставляли слова տր «отец» или վարդապետ «вардапет» на своих печатях [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 81, 291], либо, как на рассматриваемых печатях, слово յերեյ / երեյ «иерей» (№27, №35).

Армянская антропонимическая формула (АФ) на обсуждаемых памятниках представлена четырьмя типами (далее: ИИ — индивидуальное имя, ИО — имя отца, Ф — фамилия):

- а) {ИИ}, только личное имя;
- б) {ИО Gen. + օր'лу + ИИ Nom.}, форма с тюркским որ'лу / اوغل 'сын';
- в) {ИО Gen. + օրди + ИИ Nom.}, форма с армянским օրդի 'сын';
- г) {Ф + ИО Gen. + օրди + ИИ Nom.}, форма с фамилией и армянским օրդի 'сын';
- д) {ИИ + Ф}, имя и фамилия.

Надо сказать, что в русскоязычной литературе появление отчества в армянской АФ связывается лишь с паспортизацией советского времени, при проведении которой оно образовывалось совершенно другим путем: {ИИ Nom. + ИО Gen.}, наличие же более ранней форм отчества не описывается [Тер-Саркисянц, 1989, с. 59]. Однако в XVII–XVIII вв. АФ, включающая отчество, была широко распространена не только в Крыму, но и в армянской среде вообще. Анализ эпитафий с территории Украины и Крыма показывает следующую эволюцию армянской АФ.

С XIV века употреблялась и могла употребляться вплоть до конца XVIII века АФ в форме {ИИ} (первая фиксация в 1349 г., последняя в 1771 г. [*Свод армянских надписей*, 1996, с. 23, 121]). В середине XVI века в Крыму фиксируются армянские

АФ с отчеством в виде {ИИ Nom. + ^ворди + ИО Gen.}⁵. Однако в течении XVII в. происходит заимствование тюркской АФ с «обратным» армянскому порядку имен {ИО + ог'лу + ИИ}, что породило исключительно редкую армянскую АФ {ИО Gen. + ог'лу + ИО Nom.} (единственная фиксация на недатированном №48, где она в притяжательной форме {ИО Gen. + ог'лу + ИО Gen.})⁶.

Эта форма уже в конце XVII века арменизируется в {ИО Gen. + ^ворди + ИИ Nom.} у мужчин или {ИО Gen. + дустр + ИИ Nom.} (от դուստր 'дочь') у женщин (первая фиксация в 1692 г., последняя в 1760 г. [Свод армянских надписей, 1996, с. 49, 71])⁷. Такая АФ доминирует в течение всего XVIII века, а в XIX веке широко распространяются фамилии, образованные по армянскому (с антропонимическими суффиксами -ян, -янци) русскому (-ов) или польскому (-овский) типу.

Письменные памятники XVIII века демонстрируют распространенность АФ {ИО Gen. + ^ворди + ИИ Nom.} и среди армян Персии, Закавказья (очень редко с меной слова դրդի на տղայ того же смысла [Армяно-русские отношения, 1967, с. 83]), Подолья [Армяно-русские отношения, 1967, с. 299] и Болгарии (здесь такая АФ могла дольше сосуществовать с параллельным тюркским вариантом, сохранявшим порядок тюркской АФ {ИО + ог'лу + ИИ} [Маргос, 1972]).

В этой связи надо отметить, что в русскоязычных письменных источниках XVII–XVIII в. наряду с правильно передаваемой по-русски армянской АФ, очень часты неверные переводы с армянского, находящиеся под влиянием порядка имен в русской АФ. Так, например, Տըբեփան ըի Դավիթи «Давит', сын Эст'эп'ана» передан в русском тексте как *Степан Давыдов* (1712 г.) [Армяно-русские отношения, 1964, с. 72–74], а Փիրի որդի Մնացափան «Мнацакан, сын П'ира» — как *Манацаганов сын Пири* или *Пири Мнацаганов* (1717 г.) [Армяно-русские отношения, 1967, с. 129–139]. С другой стороны, позиции ИИ и ИО в армянской АФ также были лабильны. Так, иногда слово դրդի могло находиться в постпозиции по отношению к ИО, как, например, в списке двадцати трех армянских имен 1727–1728 гг. (типа Պողոս Աւարի որդի, в переводе *Павел Аваков*) [Армяно-русские отношения, 1967, с. 313]. Все это нередко вызывало путаницу — названный в русском тексте *Авет Муратов* подписывался по-армянски и как Ավետ ըի Մարատ (т. е. Ավետ որդի Մարատ[ի]), и как Մարատի որդի Ավետ (1713 г.) [Армяно-русские отношения, 1967, с. 351].

⁵ См., напр., эпитафию 1577 г.: Խաչատուր Պիտ'аев որդի – Хачатур, Пихт'аев сын [Свод армянских надписей, 1996, с. 153]. Среди крымских АФ этого времени однажды зарегистрировано дедчество: Քրիթր Բարեփի թոն – К'рик'ор, Рак'елов внук (эпитафия 1571 г.) [Свод армянских надписей, 1996, с. 153].

⁶ Отдельной задачей является выяснение того, характерно ли было такое заимствование только для крымских армян, или это процесс был характерен и в коренной Армении.

⁷ Исключительно редко встречается женская АФ с матронимом: Սուրան Պիթիի դուստր Գոհերվարդի – Гоهرвард, дочери Султ'ан-Пик'э (эпитафия 1727 г.) [Свод армянских надписей, 1996, с. 87]. В женских именах могла происходить позиционная мена ИИ и ИО, напр.: Խանի Պիթ ... դուստր Մահեսի Դազարի – Хани-Пик'э, дочь Махтеси Г'азара [Свод армянских надписей, 1996, с. 91]. Не углубляясь в описание «нестандартных» АМ с отчеством надо заметить, что такие отклонения мы заметили только в женских и детских именах.

Фамилии на армянских предметах изучаемого времени еще редки⁸. В двух случаях из пяти они демонстрируют смену антропонимического суффикса под влиянием русской АФ на *-ов* (№5: *Абек' Лусег'енов* и №12: *Г'ариб Давит'ов*), и по одному разу зафиксированы фамилии, образованные под влиянием польской АФ (№13: *Давит Архейич*), тюркской АФ (№42: *Палтиог'ли Мартироса сын Арут'ин*) или с сохранением армянской формы (№10: *Гиргор Чалог'эан*). Также обстоит дело в начале XVIII века и в России – лишь армяне-переводчики, находившиеся на русской службе, подписывались с фамилией, как это делали *Лука Ширванов* (Լուկա Շիրվանով, он же Դովլет Ширванов) и *Адам Павлов* (Ադամ Պավլով) [*Армяно-русские отношения*, 1967, с. 206, 271, 312]⁹. Однако к концу XVIII века применение русской АФ у российскоподданных армян возросло. Так, в русскоязычном списке нахичеванских армян, желающих вернуться в Старый Крым в 1795 году, практически все они поименованы с отчеством, образованном по русской модели (*Аудинов, Карабетов*, редко типа *Асвадуров сын*) и все с фамилией, образованной преимущественно по тюркской модели (*Кеземетчи, Язбагар оглу*) и гораздо реже – по русской (*Десятник, Тахмазов, Сынанова*) или армянской (*Жамгоц*) моделям [Араджиони, 2008].

Антропонимикон надписей (см. Приложение) в своей основе христианский, содержащий лишь небольшое число мусульманских имен, как тюркского, так и персо-арабского происхождения. Все выявленные имена мужские, за возможным исключением женского имени *Ачак'* на детском перстне.

Крупнейшую группу антропонимикона исследованных эпиграфических памятников составляют христианские имена. Наиболее частотны среди них имена, производные от имени *Йовханнес* — *Ованэс / Ёванэс / Ованэ / Оханэс / Йовханнес* (№18, 19, 20, 21, 30, 32, 47). Частыми можно считать имена *Давит' / Давит* (№3, 12 – в виде фамилии, 13), *Мартирос* (№8, 42, 43) и *Симэон / Симаён* (№2, 25, 26, 48). Еще девять имен встречаются по два раза: *Абек'* (№4, 5), *Арут'ин / Арут'эн* (№7, 42), *Арак'ел / Арёк'ел* (№1, 36), *Г'азар / Лазарэ* (№11, 29), *Георк'* (№38?, 43), *Гиргор / Григор* (№10, 31), *Йакоб* (№14, 45), *Костан / Константин* (№33, 37), *Лусег'ен* (№5 – в виде фамилии, 16), *Т'орос* (№36, 49) и, возможно, *Хачатур* (№2, 27?). По одному разу зафиксированы имена *Абгар, Аксенти, Алек'сан, Апан, Арут'эн, Арёк'ел, Асатор, Галуст, Геворк', Дами'еанос, Ёг'ик, Карапет, Лусег'ен, Манук, Петрос, П'анос, П'эливан, Самвел, Хачатур*. Нечасты имена армянской этимологии, но до-христианского или народного происхождения — *Как', Тртат', Ёзрапет, Шахин*. Имена на подписных вещах встречаются не только в литературной, но и в разговорной форме — *Арут'эн* вместо *hАрут'юн*, *Арёк'ел* вместо *Арак'ел*, *Асатор* вместо *Аствац'атур*; при этом наиболее распространенные имена демонстрируют высокую вариативность конкретных форм.

⁸ Несмотря на их существование в турецкой форме в XVII–XVIII вв. (эпитафия 1651 г.: Քհաճկաճի ընդ Լուսինի որդի ... Յովհաննէս «Йованэс ... сын К'япэпч'и-ог'лу Манука») и в XVIII в. (эпитафия 1738 г.: Դաւիթի որդի Խաչկունի «Г'азанч'и-ог'лу Хачку'эз») [*Свод армянских надписей*, 1996, с. 71, 88]. В этих АМ характерна препозиция Ф по отношению к ИИ, явно указывающая на генезис Ф из стоящего в такой же позиции ИО.

⁹ В издании явная опечатка — Պիւրով вместо Պիւլով.

Среди имен, заимствованных из мусульманской культуры, наиболее распространенным по собранному эпиграфическому материалу является имя *Айтин*, которое встречается дважды (№6, 18). Еще четыре мусульманских имени встречаются по разу — это *Г'арех* (?), *Г'ариб*, *Миралэ* и *Мсэрхан*.

Доминирование христианских и собственно армянских имен в армянской среде Крыма XVIII–XIX столетий свидетельствует о существенных изменениях, произошедших в армянском антропонимиконе по сравнению с предыдущими столетиями (что было синхронно с изменениями в армянской АФ, о чем говорилось выше). Если для XV–XVII веков характерна была распространенность в армянской среде тюркских имен (см., напр., эпитафию 1456 г., в которой упомянуты Ованес, его сын Ордабек и сыновья последнего Бек и Йолбек [*Свод армянских надписей*, 1996, с. 44]; и таких примеров множество), то с XVIII в. число тюркских и мусульманских имен в антропонимиконе армян Крыма многократно сокращается. Примечательно и то, что в надписях исследованных предметов мусульманские имена ни разу не встретились у отца и сына.

Если искать предпосылки формирования репертуара имен крымских армян XVIII–XIX вв. на подписных вещах, то окажется, что он довольно близок списку популярных имен в колофонах армянских рукописей XIV века, в котором первые три строки занимают имена *Йовханнес*, *Степ'аннос* и *Григор* [Weitenberg, 2005, p. 267]. Вполне возможно, что именно устойчивость определенного набора монашеских имен, сложившегося еще в XIV веке, влияла на складывание ономастикона мирян-армян мирян в XVII веке.

В свою очередь эти два списка существенно отличаются от имен константинопольских армян, зафиксированных в переписи 1455 года. В последнем среди мужских армянских имен (у 91 человек) более одного раза встречались: *Мартирос* (6 упоминаний), *Хызр* (4)¹⁰, *Парон* (3), *Мкртич* (3), *Саһак* (в переписи – *Исхак*, 3), *Асудар* (2) / *Аствац'атур* (в переписи – *Танрывермиш*, 2), *Дживан* (2), *Степ'анос* (в переписи – *Истефанус*, 2), *Иваз* (2), *Никог'айос* (в переписи – *Никола*, 2), *Булбег* (2), и *hOвханнес* (в переписи – *Йахйа*, 2) [İnalçik, 2012, p. 446-449].

Композиционно армянские печати из Крыма кардинально отличаются от печатей из соседних Галиции и Польши. Последние характеризуются выставлением характерных для польской геральдики *змерков* (особых личных или семейных знаков, аналогичных дворянским гербам) или армянских монограмм, а также исключительно узким использованием армянского письма на фоне преобладания латиницы. В отличие от печатей Галиции и Польши (см., напр., №4, найденный в Одессе и примыкающий к указанному ареалу), лишь на двух печатях из Крыма использована армянская монограмма, основанная на букве *U* (№5 и №13), причем в случае с №13 мы явно имеем дело с польской традицией, на что указывает фамилия (или прозвище) ее хозяина. Традиция создания и использования монограмм такого рода весьма древняя и общая для различных регионов проживания армян. Она встречается, например, в надписи Ереруйкской базилики (область Айрарат, X в.) и

¹⁰ Под именем Хызр могли быть также записаны носители имен *Йег'иа* (Илья), *Геворг* (Георгий) или *hOвханнес* (Иоанн), поскольку этот коранический персонаж мог ассоциироваться с пророком Ильей, Георгием Победоносцем и Иоанном Крестителем.

четырекратно на рукоятке кинжала Хасан Джалал Дола (область Хачен, XIII в.) [Орбели, 1963, с. 135–145].

Гораздо ближе крымские печати и печатные перстни стоят к греческим личным печатям османской эпохи, с которыми их роднит отсутствие геральдических знаков и элементов (щитов, наверший и пр.), выставление полного имени на национальном языке, указание года, разделение строк линиями, а также обрамление надписей тонкой линией и всеусеченная форма щитка. Шахматовидная форма армянских печатей сближает их с османскими и греческими печатями (илл. 50, 1–2). Генезис разбиения линиями поля армянских и греческих печатей на несколько строк восходит, возможно, к оформлению османских монет, на которых с XIV вв. широко применялось расположение надписей на нескольких строках и в отдельных «панелях» (осм. *тахт*), что было перенято и в Крыму (илл. 52, 53). Форма османских печатей по всей видимости повлияла и на форму печатей армян Подолии (см. №4). При этом надо отметить отсутствие связей с Закавказьем и Персией — местные личные печати характеризовались меньшей высотой и более простой шахматовидной фигурой, без ушек и с одним отверстием [Javād Jeddī, 1388/2010, p. 99].

Системы датировки в надписях. Выявленные армянские надписи были датированы как по европейскому, так и по армянскому, и по мусульманскому летоисчислению, причем репертуар применяемых цифр был исключительно широк — использовались и цифровые значения армянских букв, и европейские цифры, и индо-арабские цифры.

Датированы армянским годом армянскими буквами:

ՌՃԸ	1108 = 1659	№41
ՌՃԾԱ	1151 = 1702	№20
ՌՃԶ	1170 = 1721	№49
ՌՃՃԲ	1182 = 1733	№40
ՌՃՂԸ	1198 = 1749	№43
ՌՄԽԱ	1241 = 1792	№42
ՌՄՃԴ	1284 = 1835	№7 ¹¹

Датированы европейским годом арабскими цифрами:

1798	1798	№16
1801	1801	№12

Датированы армянским годом арабскими цифрами:

1252	1252 = 1803	№5
------	-------------	----

Датированы мусульманским годом индо-арабскими цифрами:

۱۲۳۸	1238 = 1822/1823	№15
۱۲۵۰	1250 = 1834/1835	№31

¹¹ В каталожном описании [Акопян, Каретников, 2020, с. 12] ошибочно датирована ՌՄՃԴ 1214 (1765) годом.

Распределение использования календарных и алфавитных систем для записи чисел года обнаруживает определенную хронологическую последовательность. По крайней мере до середины XIX столетия применялась классическая армянская система – год армянского летоисчисления записывается армянскими буквами. В 1783 году Крым переходит под российскую корону, что привело к усилению контактов с русской администрацией и заимствованию европейских цифр вместе с европейским календарем, на что указывают примеры 1798 и 1801 годов. Однако европейское летоисчисление не укореняется среди армян — в 1803 году мы опять встречаем датировку армянским годом, но уже европейскими цифрами, а в 1820-х годах встречаются на мусульманские даты, выполненные индо-арабскими цифрами. По всей видимости, различные общины полуострова на переломе XVIII–XIX веков продолжали жить в своих, привычных им календарных системах, а существующий фонд надписей показывает, что армяне, занимающиеся торговыми операциями и контактирующие в силу этого с представителями разных общин, охотно использовали для оформления личных печатей даты по разным системам летоисчисления.

Система датировок крымских армянских эпитафий показывает переход от армянских цифр и армянского летоисчисления на индо-арабские цифры и европейское летоисчисление в Крыму на переломе XVIII–XIX веков: последняя армянская датировка относится к 1783 г., а первая европейская – к 1819 г. [*Свод армянских надписей*, 1996, с. 111, 123], при этом никаких «смешанных» вариантов датировки на них не использовалось.

* * *

Обсуждаемые предметы, исследуемые как исторические источники и выстроенные хронологически, показывают, что из пяти аспектов своей информационной составляющей — языка надписи, системы знаков для чисел, календарной системы, ономастикона и АФ, наиболее подверженными внешнему влиянию оказались система знаков для чисел и календарная система, при этом в ономастике и в АФ происходили медленные изменения, не затрагивавшие этничности владельцев предметов, а наибольшую постоянность среди информационных составляющих продемонстрировал язык надписей. По всей видимости этническая доминанта выступала более сильным фактором, нежели конфессиональная, поскольку на обсуждаемых надписях никак не отразилась разделенность крымских армян между Армянской Апостольской и Армянской Католической церквями. Исследуемые подписные предметы указывают, что армянская колония в Крыму, на протяжении многих веков существовавшая в виде отдельного национального организма, смогла на протяжении гораздо более длительного времени сохранять свою языковую и духовную самобытность, нежели армяне Подолии или России. Связано это, как нам кажется, с большей непроницаемостью этноконфессионального барьера между мусульманами Крыма и армянами-христианами, нежели между ветвями христианства, что упрощало переход армян в католичество в Подолии или в православие в России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Антропонимикон и АФ на предметах подписной мелкой пластики

Список вариантов имен		Пог'ос	23
Абгар	19	П'анос	44
Абек'	4, 5	П'эливан	22
Азак' / Ачак' (?)	37	Самвэл	24
А ^й етин	6	Симаўон	25, 48
Айтин	18	Симмэон	2
Аксенти	40	Симэон	26
Алек'сан	41	Тртат'	20
Апан (?)	24	Т'орос	36, 49
Арут'ин	42	Хачатур	2, 27?
Арут'эн	7	Һэрапет	3
Арак'ел	36	Шаһин	28
Арэк'ел	1		
Асватор	29	АФ: {ИО Gen. + ог'лу + ИИ Nom.}	
Барсег'	30	Оһанэс, сын Манука	47
Вардерес	8		
Галуст	9	АФ: {ИО Gen. + "орди + ИИ Nom.}	
Ге ^в орк'	38?, 43	Аксенти, сын Петроса	10
Гиргор	10	Арэк'эл, сын ^й Ег'ика	1
Григор	31	Асватор, сын Лазарэ	29
Г'азар	11	Барсег', сын Оһанэса	30
Г'арех (?)	11	Вардерес, сын Мартироса	8
Г'ариб	12	Ге ^в орк', сын Мартироса	43
Давит	13	Г'азар, сын Г'араһ (?)	11
Давит'	3	Дами ^й еанос, сын П'аноса	44
Дами ^й еанос	44	Йакоб, сын Миралэ	45
^й Ег'ик	1	Йакоб, сын Мсэрхана	14
Йакоб	14, 45	Как'и, сын Костана	33
Йовһаннес	32	Минас, сын Мала	46
Как'и	33	Оһанэ, сын Айтина	18
Карапет	15	Оһанэс, сын Абгара	19
Костантин	34	Оһанэс, сын Тртат'а	20
Костан	33	Оһанэс, сын Манука	47
Лазарэ	29	Самвэл, сын Апана (?)	24
Лусег'ен	16	Т'орос, сын Арак'ела	36
Маг'ак'иа	35	Хачатур, сын Симэона	2
Мал	46	Һэрапет, сын Давит'а	3
Манук	47		
Мартирос	8, 42, 43	АФ: {Ф + ИО Gen. + "орди + ИИ Nom.}	
Мик'айэл (?)	39	Арут'ин, сын Мартироса Палтиог'ли	42
Минас	46		
Миралэ	45	АФ: {ИИ + Ф}	
Мсэрхан	14	Абек' Лусег'енов	4
Никог'ос	17	Гиргор Чалог'еан	10
Оһанэ	18	Г'ариб Давит'ов	12
Оһанэс	19, 20, 21	Давит Архейич	13
Оһанэс	47		
Оһанэс	30		
Петрос	40		

ИЛЛЮСТРАЦИИ

37

38

39

Илл. 37-39
Именные перстни (архив авторов)

40.1

40.2

Илл. 40
Блюдо. 1 – фрагмент блюда, 2 – надпись (архив авторов).

41.1

41.2

41.3

Илл. 41
Низкое чеканное блюдо №41. 1 – общий вид лицевой стороны, 2 – армянская надпись, 3 – тюркская надпись (архив авторов).

42.1

42.2

Илл. 42

Поднос. 1 – общий вид, 2 – надпись (архив авторов).

43.1

43.2

Илл. 43

Тарелка. 1 – общий вид, 2 – надпись (архив авторов).

44.1

44.2

Илл. 44.

Тарелка. 1 – общий вид оборотной стороны, 2 – надпись (архив авторов).

45.1

45.2

Илл. 45

Тарелка. 1 – общий вид лицевой стороны, 2 – надпись (архив авторов).

Илл. 46

Латунный черпак. Надпись (архив авторов)

47.1

47.2

47.3

Илл. 47

Комплект для личной гигиены. 1 – общий вид, 2 – рукомойник, 3 – надпись (архив авторов).

48.1

48.2

Илл. 48

Бронзовая тарелка. 1 – общий вид нижней стороны, 2 – надпись (архив авторов).

49.1

49.2

Илл. 49

Сосуд для хранения соли. 1 – общий вид, 2 – надпись (архив авторов)

50.1

50.2

Илл. 50

Арабиграфические и греческие печати османского времени. 1 – общий вид, 2 – площадки (зеркально) [<https://blogs.bl.uk/asian-and-african/2014/04/islamic-seal-matrices-in-the-british-library-philatelic-collections.html>].

Илл. 51

Османская империя, Селим III, юзлук, Исламбул, 1203 г. х., 6 г. правл. (1794 г.)
[<https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=15350>].

Илл. 52

Крымское ханство, Шахин Гирей, онлык, Бахчисарай, 1191 г. х., 2 г. прав. (1778 г.)
[<https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=175403>].

Список литературы / References

- Акопян А. В., Каретников О. В. Новые памятники армянской эпиграфики XVII–XVIII вв. (Подписная мелкая пластика). Часть I. *Эпиграфика Востока. Вып. XXXV*. М., 2020. С. 3–36 [Akopyan A. V., Karetnikov O. V. Newly Discovered Armenian Inscriptions of Sixteenth–Nineteenth Centuries From Crimea (Signed Figurines). Part I. *Oriental Epigraphy. Vol. XXXV*. Moscow, 2020. Pp. 3–36 (in Russian)].
- Араджиони М. А. Формирование армянских общин в Восточном Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.). *Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1*. Симферополь, 2008. С. 81–95 [Aradzhioni M. A. Formation of the Armenian

- Communities in Eastern Crimea (Late 18th – early 19th cc.). *Studies in Armenian Studies in Ukraine. Vol. I.* Simferopol', 2008. Pp. 81–95 (in Russian)].
- Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. II, Ч. I. Под ред. А. Иоаннисяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964. — 396 с. [*Armenian-Russian Relations in the First Third of the 18th Century. Collection of Documents. Vol. II, Part I.* Ed. A. Ioannisyanyan. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1964. — 396 p. (in Russian)].
- Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. II, Ч. II. / Под ред. А. Иоаннисяна. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1967. — 421 с. [*Armenian-Russian Relations in the First Third of the 18th Century. Collection of Documents. Vol. II, Part II.* Ed. A. Ioannisyanyan. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1967. — 421 p. (in Russian)].
- Ачарян Р. А. *Словарь армянских собственных имён. Т. I.* Ереван: Изд-во ЕГУ, 1942. — 634 с. (на арм. яз.). [Ačaryan H. A. *Dictionary of Armenian Personal Names. Vol. I.* Yerevan: Yerevan State Univ. Publ., 1942. — 634 p. (in Armenian)].
- Ачарян Р. А. *Словарь армянских собственных имён. Т. III.* Ереван: Изд-во ЕГУ, 1963. — 742 с. (на арм. яз.). [Ačaryan H. A. *Dictionary of Armenian Personal Names. Vol. III.* Yerevan: Yerevan State Univ. Publ., 1942. — 742 p. (in Armenian)].
- Белый А. В., Манучарян А. А. Печать-перстень с армянской надписью из Крыма. *Советская археология.* 1982. Т. 3. С. 229–231 [Bely A. V., Manucharyan A. A. Signet-Ring with an Armenian Inscription From the Crimea. *Soviet Archeology.* 1982. Vol. 3. Pp. 229–231 (in Russian)].
- Гафуров А. Г. *Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и турков.* Словарь. М.: Наука, 1987. — 221 с. [Gafurov A. G. *Name and History. About the Names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks. Dictionary.* Moscow: Nauka, 1987. — 221 p. (in Russian)].
- Дашкевич Я. Р. Армянские частные печати на Украине (XIV–XVIII вв.). *Вестник Матенадарана.* 1980. Вып. 13. С. 139–191 [Dashkevich Ya. R. Armenian Private Seals in Ukraine (16th – 18th cc.). *Herald of the Matenadaran.* 1980. Vol. 13. Pp. 139–191 (in Russian)].
- Маргос А. Армянско-турецкие надписи XVIII–XIX вв. в Болгарии. *Эпиграфика Востока.* Вып. XXI. Л., 1972. С. 56–59 [Margos A. Armenian-Turkish Inscriptions of the 18th–19th cc. From Bulgaria. *Oriental Epigraphy. Vol. XXI.* Leningrad, 1972. Pp. 56–59 (in Russian)].
- Орбели И. А. Нефритовая кинжальная рукоять с армянской надписью // Орбели И. А. *Избранные труды.* Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963. С. 135–145 [Orbeli I. A. Jade Dagger Handle With an Armenian Inscription. *Orbeli I. A. Selected Works.* Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1963. Pp. 135–145 (in Russian)].
- Свод армянских надписей. Вып. VII. Украина, Молдова.* Сост. Г. М. Григорян. Ереван: Гитутюн, 1996. — 409 с. (на арм. яз.) [*Corpus Inscriptionum Armenicarum. Liber VII. Ukraina, Moldova.* Compiled by G. M. Grigoryan. Yerevan: Gitutyun, 1996. — 409 p. (in Armenian)].
- Тер-Саркисянц А. Е. Армяне. *Системы личных имен у народов мира.* М., 1989. С. 59–61 [Ter-Sarkisyants A. E. The Armenians. *Systems of Personal Names Among the Peoples of the World.* Moscow: Nauka, 1989. Pp. 59–61 (in Russian)].

- İnalcık H. *The Survey of Istanbul 1455: The Text, English Translation, Analysis of the Text, Documents*. İstanbul: Ege Yayınları, 2012. — 712 p.
- Javād Jeddī M. *Mohrehā ve negīnhā dar Mūze-ye Āstāne-ye Ḥażrat-e ma'şūme*. Tehrān: Zarrīn-o-Sīmīn, 1388 SH / AD 2010. — 116 p. [Javad Jeddi M. *Seals and Gems in Qum Holy Shrine Museum Collection*. Tehran: Zarrin-o-Simin, 1388 SH / AD 2010. — 116 p. (in Persian)].
- Weitenberg J. J. S. Cultural Interaction in the Middle East as Reflected in the Anthroponymy of Armenian 12th-14th Century Colophons. *Redefining Christian Identity. Cultural Interaction in the Middle East Since the Rise of Islam*. Louvain: Peeter, 2005. P. 265–273.

Электронные ресурсы

- Teh Gallop A. Islamic seal matrices in the British Library Philatelic Collections. *British Library. Asian and African studies blog*. 04.04.2014. URL: <https://blogs.bl.uk/asian-and-african/2014/04/islamic-seal-matrices-in-the-british-library-philatelic-collections.html> (дата обращения 08.10.2021).
- Zeno.ru — *Oriental Coins Database*. 24.12.2002. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=15350>; <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=175403> (date of access: 08.10.2021).

IN MEMORIAM

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ (1946–2021)

В начале 2021 года ушел из жизни Дмитрий Дмитриевич Васильев.

Российская наука потеряла блестящего тюрколога, выдающегося востоковеда, энциклопедически образованного ученого и организатора науки, крупного общественного деятеля, всю жизнь укреплявшего связи России с тюрко- и монголоязычными регионами, человека, способствовавшего дружбе России с сопредельными народами. Весь жизненный путь Д. Д. Васильева свидетельствует о его огромном трудолюбии и верности профессиональной, научной и творческой стезе.

Д. Д. Васильев родился в Москве 11 октября 1946 года. В 1971 г. он окончил Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «история и филология тюркских народов» и в том же году поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР в Отдел памятников письменности народов Востока. Вдохновленный примером русских востоковедов-путешественников, молодой ученый сразу же вошел в состав Саяно-Тувинской археологической экспедиции и занялся обследованием петроглифов и памятников древнетюркской письменности. В 1973 г. усилиями ученого был заключен договор между Советским комитетом тюркологов, ИВ АН СССР, Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) и Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) о подготовке корпуса памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея. Тогда же Д. Д. Васильев принял руководство специальной группой Саяно-Тувинской экспедиции Академии Наук (СТЭАН), копировавшей надписи на

территории Тывы и Хакасии. В 1975–1976 гг. Д. Д. Васильев возглавил Эпиграфическую экспедицию ИВ РАН и ТНИИЯЛИ в Тыве, а в 1978–1982 гг. принял участие в работе Саяно-Тувинской археологической экспедиции, обследуя памятники древнетюркской письменности в Горном Алтае. В 1979 г. Д. Д. Васильев защитил диссертацию по истории тюркских народов средневековой Евразии на тему «Графический фонд памятников тюркской руники азиатского ареала». Одноименная монография вышла в 1983 г. В 1988 г. «Корпус памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея» получил Международную награду Стамбульского университета «За высшие заслуги в тюркологии» и премию ЮНЕСКО «Хираяма — Шелковый путь».

В 1980-е гг. Д. Д. Васильев принял участие в эвакуации памятников древнетюркской письменности из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС в Тувинский музей, а в 1987 г. возглавил Российско-Турецкую исследовательскую группу по изучению памятников Тувы и Хакасии¹. В 1989–1990 гг., когда активизировались контакты с учеными западных стран, Д. Д. Васильев подготовил раздел с памятниками древнетюркской письменности Тувы и Хакасии для выставки РАН в США «Кочевники – владыки Евразии».

Коллеги-востоковеды по достоинству оценили научно-организационные способности ученого, избрав его вице-президентом Общества востоковедов АН СССР. За 30 с лишним лет деятельности Д. Д. Васильев подготовил семь Всероссийских съездов востоковедов в Элисте, Казани, Санкт-Петербурге, Москве, Уфе, Улан-Удэ и Звенигороде.

В непростом 1991 г., когда вслед за свободой пришли экономические трудности, Д. Д. Васильев оставался предан науке и энергично работал в экспедициях, став «мотором» процесса паспортизации памятников древнетюркской письменности. С 1992 г. Д. Д. Васильев возглавил Эпиграфическую экспедицию ИВ РАН в Горном Алтае и в 1993–1995 гг. пригласил для текстологического исследования новонайденных памятников ведущих мировых ученых. Дмитрий Дмитриевич продолжал паспортизацию памятников в ТНИИЯЛИ и в Национальном музее им. Алдан-Маадыр в Кызыле вплоть до 2019 г., каждый сезон выезжая на полевые исследования.

В 1997 г. Указом Правительства РФ он был награжден медалью в честь 850-летия Москвы, а в 1999 г. Монгольская АН удостоила его памятной медали Хубилай-хана за серию работ по письменной культуре кочевников.

В 2002–2003 гг. во главе Экспедиционной группы ИВ РАН Д. Д. Васильев осуществил первое обследование крепости Пор-Бажын. В 2007–2009 гг. ученый вошел в оргкомитет и научный совет Федерального научного проекта «Крепость Пор-Бажын», возглавив отдельный отряд востоковедческих исследований Комплексной экспедиции. С 2005 г. начались работы Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в Южной Сибири, где Д. Д. Васильев работал с сыном Александром, вместе они обследовали памятники тюркской рунической письменности в бассейне Енисея и в окрестностях озера Сут-Холь. В конце 2000-х гг. Васильев стал активно

¹ Сюжет об их спасении вошел в документальный фильм «Зона затопления», созданный в 1988 г. режиссером Борисом Шуньковым и получивший награды «Серебряный дракон» (главный приз) XXIII международного кинофестиваля в Польше (Краков) и Гран При (посмертно) на Первом Байкальском фестивале «Человек и природа», 1999 г.

привлекать к работе комплексные международные исследовательские группы: так, в 2008–2014 гг. он исследовал памятники древнетюркской письменности Тывы и Хакасии совместно с венгерскими и турецкими учеными. В 2015–2016 гг. Васильев вновь провел Эпиграфическую экспедицию ИВ РАН в Южной Сибири.

В 2004 г. Д. Д. Васильев стал Генеральным секретарем Международного конгресса востоковедов в Москве. В 2005 г. Указом Президента РФ Д. Д. Васильев был награжден медалью «1000-летие Казани» и Серебряной медалью им. Петра Великого Международной Академии наук о природе и обществе «За заслуги в деле возрождения науки в России», в 2008 г. удостоился звания «Заслуженный деятель науки Республики Тыва». В 2010 г. Васильев был избран членом Международной тюркской академии в Астане, на следующий год стал почетным доктором Турецкого государственного университета в Ушаке, в 2012 г. был избран почетным членом Общества востоковедов Венгерской Академии наук, а в 2015 г. – членом Научного Совета по востоковедению при Президиуме РАН. В 2016 г. Д. Д. Васильев был награжден Золотой медалью Международной тюркской академии за ценный вклад в развитие тюркологии и научных связей в Евразии, в том же году он получил Золотую медаль РАН им. И. Ю. Крачковского.

Особо следует сказать о роли Д. Д. Васильева в возрождении и продвижении «Эпиграфики Востока». В годы, когда в издании «Эпиграфики Востока» наступил двенадцатилетний перерыв, вызванный кончиной В. А. Крачковской в 1974 г., и когда особенно остро стала ощущаться необходимость специализированного востоковедческого издания, в котором могли бы публиковаться эпиграфические памятники. В этот период Д. Д. Васильев активно включился в организацию и проведение «Бартольдовских чтений» – тематических конференций по древнему и средневековому Востоку, где в течение ряда лет собирались востоковеды-эпиграфисты для обсуждения конкретных проблем и выработки специальной исследовательской методики. Инициатором проведения «Бартольдовских чтений» был Отдел памятников письменности народов Востока Института востоковедения АН СССР сотрудником которого и был Дмитрий Дмитриевич, ставший постоянным ответственным секретарём Оргкомитета «чтений». Всего с 1974 по 1991 было проведено десять конференций.

В 1984 г. издание «Эпиграфики Востока» было возобновлено. Д. Д. Васильев стал автором XXII тома, а с XXIV тома, выпущенного в 1988 г., вошел в состав редколлегии в качестве ответственного секретаря издания.

Когда в середине 1990-х гг. Д. Д. Васильев возглавил Отдел истории Востока, одним из его первых начинаний стало возобновить издание «Эпиграфики Востока». Это произошло в 1998 г. Тогда Д. Д. Васильев стал заместителем главного редактора, а de facto — главой издания. Он продолжал им оставаться до начала 2021 г. За это время было выпущено 11 томов «Эпиграфики Востока» (тома XXV–XXXV), в которых опубликовано 19 материалов за подписью Дмитрия Дмитриевича.

Во второй половине 2010-х гг. у Дмитрия Дмитриевича начались проблемы со здоровьем, ему приходилось периодически ложиться в больницу, однако он продолжал вести активную научную деятельность, организовывать конференции, руководить Отделом истории Востока ИВ РАН, издавать «Эпиграфику Востока», а летом ездить в экспедиции, требовавшие немалого физического напряжения.

Заслуги Д. Д. Васильева в области тюркологии были по достоинству оценены российскими и зарубежными коллегами: в 1988 г. он был удостоен Международной награды Стамбульского Университета «За высшие заслуги в тюркологии», а через год избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества (Türk Dili Kurumu). Позже он был избран почетным профессором Казахстанско-Турецкого Университета им. Ходжи Ахмеда Ясеви, почетным профессором Казахского Университета им. Ч. Валиханова, действительным членом Международной тюркской академии, действительным членом Турецкого научного общества им. Ататюрка в ТР.

В 2017–2018 гг. Д. Д. Васильев организовал в РГГУ сопровождавшуюся выставкой конференцию «Историко-культурное наследие Сельджуков», сотрудничал с Турецким историческим обществом, входил в Оргкомитет Международного симпозиума «Правовой и исторический аспекты Первой мировой войны» в Анкаре, подготовил выставку «Документы по истории российско-турецких отношений из архивов Турции», собрал материалы для юбилейной выставки ИВ РАН и ГМИНВ об исследованиях ИВ РАН в Египте и Южной Сибири.

В 2018 г. Д. Д. Васильев удостоился Почетной грамоты Президента РАН, а турецкий фонд «Валех Хаджилар» присудил ему награду «За заслуги в области культуры, истории, языка и литературы мира тюркских народов». В 2019 г. Ассоциация турецких предпринимателей присудила ученому «Международную премию дружбы им. Назыма Хикмета». Указом Правительства Республики Тыва от 18 февраля 2020 г. он был награжден орденом РТ «За трудовую доблесть».

Дмитрий Дмитриевич Васильев — автор семи книг и более 250 научных публикаций по истории Востока и тюркологии, изданных в десяти странах. Он не был кабинетным ученым: работы Васильева опирались на опыт исследователя-полевика, приобретенный в экспедициях в Тыве, Хакасии, Горном Алтае и Монголии. Ученый успешно совмещал научную деятельность с преподавательской: читал курс лекций по истории Центральной Азии и Кавказа в РАНХиГС, основал и возглавил Российско-турецкий учебно-научный центр в РГГУ (ныне — Международный российско-турецкий центр РГГУ), руководил работой аспирантов: десять его аспирантов успешно защитили кандидатские (а двое — докторские) диссертации.

Жизненный путь Д. Д. Васильева - яркий пример служения науке и Родине. Он оставил после себя большое научное наследство и традицию научной сплоченности, которой следует Отдел истории Востока. Лучшее, что можно сделать для сохранения его наследия, — поддержание этой традиции.

Светлая память!

Друзья и коллеги

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

<u>Васильев Д. Д.</u> , Столяров А. А. 75 лет журнала «Эпиграфика Востока»	7
--	---

АНТИЧНЫЙ МИР И ВОСТОК

<i>Бухарин М. Д.</i> Towards the Reading of the Inscription ZPE-163 – 300 from the Farasan Islands	21
---	----

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

<i>Волович А. Ю.</i> Способы передачи связи богини Хекет с некоторыми городами и областями Египта Среднего и Нового царства	25
<i>Лебедев М. А.</i> Эпиграфические исследования в гробнице Каемнофрета (LG 63) в Гизе: история и современность	38
<i>Левченко В. В.</i> Роль А. Л. Коцейовского в исследовании эпиграфики Древнего Египта	49
<i>Хапрова А. В.</i> Позднеегипетская стела из собрания государственного Эрмитажа	57

ТЮРКСКИЙ МИР

<i>Бутанаев В. Я.</i> Хакасия раскрывает новые памятники древнетюркской рунической письменности	65
<u>Васильев Д. Д.</u> Тюркская руническая надпись и тамга стелы могильника Уйтаг	69
<i>Гайнутдинов А. М.</i> Результаты исследований татарских некрополей г. Казани	76

КАВКАЗ И КРЫМ

<i>Абдулмажидов Р. С., Хализов Ш. М., Акопян А. Е.</i> Памятники армянской эпиграфики в Дагестане как исторический источник	84
<i>Акопян А. В., Каретников О. В.</i> Новые памятники армянской эпиграфики XVII–XIX вв. из Крыма (подписанная мелкая пластика)	96
Часть II	

IN MEMORIAM

<i>Дмитрий Дмитриевич Васильев (1946–2021 гг.)</i>	119
--	-----

CONTENTS

От редакции

- Vasilyev D. D., Stolyarov A. A. "Oriental Epigraphy" 7
Academic Journal's 75th Anniversary (From 1947 till Now)

ANTIC WORLD AND ORIENT

- Bukharin M. D. To readings of the inscription ZPE-163–00 21
from the Farasan Islands

ANCIENT EGYPT

- Volovich A. Y. Methods of showing the connection 25
of the goddess Heqet with some Egyptian towns in the
Middle Kingdom and New Kingdom.
- Lebedev M. A. Epigraphic survey in the tomb of Kaemnofret (LG 63) 38
at Giza: history and contemporary work
- Levchenko V. V. The role of A. L. Kotseiovsky in the study 49
of the epigraphy of Ancient Egypt. 49
- Khaprova A. V. Late Egyptian Stela from the State Hermitage Museum 57

TURKIC WORLD

- Butanaev V. Ya. Khakassia reveals new monuments of ancient 65
Türkic runic writing
- Vasiliev, D. D. Türkic runic inscription and tamga of the stele 69
of the Uyttag burial ground
- Gainutdinov A. M. Results of studies in muslim necropolis in Kazan 76

CAUCASUS AND CRIMEA

- Abdulmadzidov R. M., Khapizov, Sh. M., Hakobyan H. E.* Monuments
of Armenian Epigraphy in Dagestan as a Historical Source 84
- Akopyan A. V., Karetnikov O. V.* Newly discovered Armenian
inscriptions of seventeenth-nineteenth centuries from Crimea
(signed figures). Part II 96

IN MEMORIAM

- Dimitry D. Vasilyev* (1946–2021) 118

Статьи, опубликованные в журнале «Эпиграфика Востока», прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.06 Археология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы, текстология

10.02.20 Сравнительно – историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

Приглашаем авторов
Для быстрой и удобной подачи статей в журнал
Воспользоваться редакционно-издательским порталом
RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль)
- 2) в меню «Мои публикации» станет активна кнопка «Заявка на публикацию», нажав на которую, вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Отправить редактору»

Подробная инструкция размещена по ссылке:
<https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Научное издание

Эпиграфика Востока
Выпуск XXXVI
(№1–2)

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН
АР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Формат 84x108/16. Бумага офсетная.
Подписано в печать 24.12.2021.
Объем 13,44 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru